

АКАДЕМИЯ НАУК  
УЗБЕКСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. АСКАРОВ

# САПАЛЛИТЕПА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УзССР  
ТАШКЕНТ · 1973

Работа посвящена археологическому исследованию одного из уникальнейших памятников эпохи бронзы Средней Азии — Сапаллитепе. В монографии впервые публикуются новые материалы по истории культуры оседлого земледелия, рассматриваются вопросы историко-культурных, хозяйственных и общественных отношений населения того времени.

Работа рассчитана на археологов, историков и широкий круг читателей.

Ответственный редактор  
доктор исторических наук *В. М. Массон*

Д —  $\frac{0162 - 090}{355(06) - 73}$  78 — 73



Издательство «Фан», УзССР, 1973 г.

## ОТ РЕДАКТОРА

В древней истории Узбекистана эпоха бронзового века долгое время представляла собой незаполненную лауну, что затрудняло изучение генезиса городских цивилизаций, развившихся здесь в эпоху раннего железа. Позже были обнаружены отдельные памятники степных скотоводческих племен бронзового века, по своему облику культуры более связанные со скотоводческо-земледельческими традициями, чем с оседло-земледельческими культурами, лежащими в основе древних цивилизаций. Традиции оседлости в большей мере выступили в культуре, открытой в Ферганской долине и получившей название Чустской. Но эта культура была в значительной степени связана с периодом раннего железа и лишь частично захватывала позднюю бронзу. Более того, ее относительно архаический облик, особенно отчетливо проявившийся в неразвитости ремесел и сырцово-архитектуре, скорее корреспондировал с отставанием Ферганы в античный период, чем с высоко развитыми культурами древнего Согда и Бактрии.

Эта существенная лауна заполнилась только с открытием узбекистанскими археологами поселения Сапаллитена в Северной Бактрии, систематические раскопки которого планомерно осуществляются А. Аскарковым. В данной монографии опубликованы результаты первого периода исследования этого поселения.

В археологическом отношении поселение Сапаллитена оказалось прямо-

таки замечательным памятником. Заброшенное более трех с половиной тысяч лет тому назад, оно сохранило в почти непо потревоженном состоянии и древние строения, и могилы усопших, и целые серни великолепных вещей, все стороны характеризующих быт и культуру его древних обитателей. Высокий уровень этой культуры порой поражает. Изящные наборы древней бижутерии, бесконечные вереницы стройных глиняных сосудов, богатый комплекс металлических изделий — от туалетных флакончиков до массивных топоров — все это в непо потревоженной целостности сохранено в древнем музее-заповеднике. Особенно ценным является открытие разнообразных предметов — деревянных или плетеных, которые обычно не переживают безжалостный груз веков. Весь этот комплекс впервые всесторонне характеризует оседло-земледельческие традиции эпохи бронзы на юге Узбекистана.

Ввиду такого большого значения материалов Сапаллитена, целесообразно, не дожидаясь полного вскрытия памятника, требующего еще нескольких раскопочных сезонов, опубликовать уже имеющийся материал с тем, чтобы ввести его в научный оборот и широко познакомиться с ним научную общественность. Этой цели и служит настоящая книга, где систематически характеризуются материалы раскопок 1969—1971 годов с определением хронологии памятника, его историко-культурных связей, с постановкой некоторых вопросов ис-

торико-экономической и социологической интерпретации, дальнейшая разработка которых будет продолжена после завершения полевых работ.

Уже имеющиеся материалы Сапаллитепа вписываются закономерным и логически увязанным звеном в ту широкую историческую картину, которая в последнее десятилетие намечается для обширной области, лежащей между высоко развитыми городскими цивилизациями Месопотамии и Индии.

Как показывают новые археологические работы, здесь во второй половине III—начале II тыс. до н. э. формируется ряд местных раннегородских цивилизаций второго порядка, находящихся в тесных контактах со своими высокоразвитыми соседями. Такова раннегородская культура Южного Туркменистана, хорошо известная по двум основным центрам—Алтын-депе и Намазга-депе.

В последние годы все более отчетливо вырисовывается другой важный центр—сеistanский со столицей на городище Шахри Сохта, систематические раскопки которого проводит итальянская археологическая экспедиция под руководством М. Тоизи. Начинают очерчиваться и контуры третьего центра—бактрийского, к числу памятников которого и принадлежит Сапаллитепа. Как отмечает и сам А. Аскарлов, этот памятник уже не один на юге Узбекистана. Аналогичные памятники открыты советско-афганской экспедицией и в Северном Афганистане.

В исторической судьбе этого третьего центра уже сейчас намечаются некоторые специфические черты. Так, здесь пока отсутствуют мощные центры, которые можно по размерам сопоставить с Алтын-депе или Шахри Сохтой—эти-

ми крупными древними городами. Вместе с тем весь облик соответствующих памятников Бактрии с их развитой фортификацией, строительной техникой и ремеслом, с чертами унифицированной стандартизации, в значительной мере урбанистической. Кроме того, эти памятники, судя по всему, не имеют здесь генетических предшественников и датируются более поздним временем, чем скажем, Алтын-депе и Шахри Сохта. Это дает возможность вполне обоснованно поставить вопрос о распространении на территории Бактрии уже сложившейся урбанизированной культуры древневосточного облика. Раскопки Сапаллитепа и других памятников этого типа показывают, что в середине II тыс. до н. э. зона урбанизированной культуры на Среднем Востоке существенно расширилась за счет включения в нее всей территории Бактрии.

Вопрос о судьбе бактрийского центра еще более сложен. Имеющиеся данные свидетельствуют о сложной этнокультурной ситуации, складывающейся в конце II—первой трети I тыс. до н. э. в Бактрии, Парфии, Маргиане и связанной, как нам кажется, с процессом формирования здесь, в оседлых оазисах, восточно-иранской этнической общности. Наличие в культуре этой эпохи наследия более древних местных традиций несомненно, но конкретный характер происходивших процессов еще подлежит всестороннему изучению. Как бы то ни было истоки древней урбанистической культуры Узбекистана и соседних территорий отодвигаются теперь еще времени развитой бронзы, и поселение Сапаллитепа, которому посвящена настоящая публикация, тому яркое и убедительное свидетельство.

*В. Массон*

## ВВЕДЕНИЕ

Новейшие археологические открытия, сделанные в южных районах Узбекистана, свидетельствуют о том, что к числу стран ранних земледельческих культур Старого Света относится и Древняя Бактрия — одна из самых крупных и известных культурно-исторических областей Средней Азии.

В исторических источниках с Бактрией связано представление о могущественном царстве доахеменидского времени. Так, древнегреческий историк Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), основываясь на легендарном рассказе Ктесия Книдского (конец V—начало IV в. до н. э.), сообщает о завоевании Бактрии Ассирией, о значительной роли Бактрийского царства в политических событиях VIII—VI вв. до н. э.<sup>1</sup>

В анналах ассирийских царей фигурирует «горная страна»<sup>2</sup>, где имеется в изобилии лазурит, что скорее всего может быть отнесено к Бактрии. Бактрия в форме Бахди упоминается и в священной книге зороастрийской религии — Авесте, где эта страна характеризуется как «прекрасная, с поднятыми знаменами»<sup>3</sup>.

В период правления Кира Бактрия подчиняется Ахеменидскому государст-

ву<sup>4</sup>, о чем свидетельствует неоднократно упоминание ее в надписях ахеменидских царей<sup>5</sup>.

Геродот, рассказывая о событиях, связанных с победой Кира над мидийским царем, ставит Бактрию в один ряд с важнейшими государствами Ближнего Востока — Вавилоном и Египтом, представлявшими созданию Ахеменидской империи<sup>6</sup>.

Доступные исторические источники подтверждают существование Древнебактрийского царства<sup>7</sup> с многочисленными укрепленными поселениями и воинственным населением.

Все эти данные, несомненно частично легендарный характер, характеризуют Бактрию времени формирования раннеклассового общества, восходящего к концу IX—VI вв. до н. э. Однако материалы, рассказывающие о более древней истории этой страны, о ее культурных связях с племенами сопредельных районов, оставались почти не изученными. Исследование памятников доклассового общества на территории Бактрии находится пока в начальной стадии. В основном они не подвергались серьезному изучению,

<sup>1</sup> Ксенофонт. Киropедия, V, 5, 3.

<sup>2</sup> Бехистунская надпись, III, 13—14, 21; В. В. Струве. Восстание в Маргiane при Дарии I, ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 26.

<sup>3</sup> Геродот, I, 153.

<sup>4</sup> С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, I, 1938, стр. 183; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргяни, МИА, 73, М., 1959, стр. 132.

<sup>1</sup> Диодор Сицилийский, II, 5, 3—11, 7, 1; 16—11, 19; II, 26, 1—2.

<sup>2</sup> И. М. Дьяконов. Ассирио-авилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2, стр. 355—356.

<sup>3</sup> Авеста. Видевдат, I, 2—6; V. M. Dalton. The treasure of the Oxus, with other examples of early oriental metalwork, L., 1926.

за исключенным мустьерской стоянки в пещере Тешик-Таш. Поэтому вопрос о наличии в Бактрии древнеземледельческой культуры, входящей в обширный пояс протогородской цивилизации Древнего Востока, до сих пор считался дискуссионным. Правда, иногда высказывались соображения о существовании в Бактрии в период доклассового общества развитого земледелия<sup>8</sup>. Приводились и некоторые данные, косвенно подтверждающие возможность наличия здесь древнеземледельческой культуры<sup>9</sup>.

Предположения, высказанные исследователями в пользу раннего формирования оседлоземледельческой культуры на территории Бактрии, особенно в ее северных районах, нашли подтверждение в ходе археологических исследований последних лет, проводящихся в этих районах. Так, раскопки многочисленных курганных захоронений времени поздней бронзы в Юго-Западном Таджикистане, оставленных скотоводческими племенами<sup>10</sup>, дали серию стальной посуды, аналогичной керамическим комплексам древнеземледельческих племен<sup>11</sup>. Это свидетельствовало о возможности существования в Северной Бактрии оседлых племен с производящим земледельческим хозяйством. В этом отношении большое значение приобретает открытие и исследование Л. И. Альбаумом в 1962—1964 гг. в селе Музрабад Гагаринского района Сурхандарьинской области поселения Кучуктепа с нижним культурным слоем позднебронзового века<sup>12</sup>. Исследование комплексов типа Яз-Депе I на поселении Кучуктепа с оседло-земледельческой экономикой дало возможность с большей определенностью поставить вопрос о том, что именно в Бактрии нахо-

дился один из центров древнеземледельческой культуры конца II—начала I тыс. до н. э.<sup>13</sup>

Открытие Кучуктепа стимулировало дальнейшие поиски на этой территории памятников оседло-земледельческой культуры и более ранних периодов. Первым шагом в этом направлении стало открытие поселения Сапаллитепа—уникального памятника оседлых земледельцев Северной Бактрии времени развитой бронзы<sup>14</sup>.

Поселение Сапаллитепа расположено на берегу одного из древних русел горного ручейка родникового происхождения, стекающего с Кугитангтау (юго-западные отроги Гиссарского хребта). Сай, где возникло поселение Сапаллитепа, в настоящее время называется местными жителями «Уланбулаксай» (поющий родник). Он берет свое начало от многочисленных родниковых источников, находящихся на территории селения Газ, расположенного в 40 км к северо-западу от поселения Сапаллитепа. Этот район представляет собой небольшую горную долину—урочище Дарай Голь, расположенную в юго-восточной части Кугитангтау. Она вытянута с севера на юг с отклонением на запад и насыщена родниками, образующими целую группу небольших саев, которые с глубокой древности служили водными источниками для орошения площадей как в самой долине, так и в предгорной равнине, находящейся к юго-востоку от Кугитангтау. Вокруг этих родников возникали многочисленные селения, получившие от них свои названия.— Анджирбулак, Гандабулак, Булак, Вандоб и др.

Родниковые источники, расположенные в восточной части долины, проливали себе русла через ущелья в юго-восточном направлении (Катта камыш сай, Уланбулаксай, Булак сай, Бешкучат

<sup>8</sup> Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 111.  
<sup>9</sup> В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 34—35.

<sup>10</sup> А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, Л., Изд-во «Наука», 1968, стр. 88—89, 132.

<sup>11</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., Изд-во «Наука», 1966, стр. 264.

<sup>12</sup> Л. И. Альбаум. Поселение Кучук-тепе в Узбекистане, МСПИАЭ, Баку, 1965, стр. 59—60.

<sup>13</sup> История Узбекской ССР, т. I, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 53.

<sup>14</sup> Памятник был открыт Л. И. Альбаумом в 1968 г. на территории третьего отделения совхоза «Советобад» Гагаринского района Сурхандарьинской области и любезно предоставлен для исследования автору данной монографии, за что последний выражает свою глубокую благодарность.

сай). Многие из них способствовали возникновению в эпоху бронзы древнеземледельческого оазиса в юго-западной части долины Шерабаддарья.

Уланбулаксай берет свое начало от родниковых источников горной долины Дарай Голь. Он проходит через узкое ущелье Боз-дагана (на протяжении более 15 км) и входит в широкую долину дельтовых притоков Шерабаддарья. Руслó с небольшой проточной водой продолжается до селения Музрабад и исчезает среди хлопковых полей совхоза «Советобад», созданного в начале 1960 г. в степях Шерабадской долины. В настоящее время нет возможности проследить по всей длине следы старого русла, так как они сnivelированы во время освоения территории вновь организованными совхозами.

Судя по рассказам старожилów, до создания на этой территории совхоза «Советобад», здесь на протяжении нескольких километров были заметны четкие следы старого русла, от которого сейчас сохранились лишь отдельные участки около поселения Сапаллитепа и ниже его. Наибольшая ширина сохранившегося старого русла 5—6 м при глубине 1—1,5 м.

Археолого-топографическое исследование района подтверждает сообщения старожилów о направлении старого русла, которое проходило через селение Музрабад, а оттуда извилистыми линиями доходило до Амударьи. Об этом свидетельствует и наличие по линии старого русла (от селения Музрабад до древней поймы Амударьи) нескольких памятников эпохи бронзы: поселения Кучуктепа, Сапаллитепа, Культепа, Кичиктепа и т. д.

В результате археолого-топографических исследований было установлено, что русло сая с устойчивым водным балансом функционировало на протяжении дельтового периода, последовавшего за эпохой бронзы.

На базе Уланбулаксай возникло поселение Кучуктепа, верхний слой которого относится к середине I тыс. до н. э. Остатки поселения этого времени зафиксированы и возле селения Бешкутан,

расположенного в 1,5 км к востоку от Сапаллитепа. Однако этот небольшой бугор (наименования он не имеет), к сожалению, был разрушен при планировке участка—сейчас здесь проходит широкий коллектор для отвода сбросовых вод. На дне коллектора и в обрыве рассыпана керамика так называемого «ахеменидского облика», датируемая серединой I тыс. до н. э.

В эпоху античности на базе сая возникает поселение Шортела, расположенное около селения Музрабад. Оно имеет форму неправильного прямоугольника и частично разрушено. Его поверхность буквально была усыпана обломками керамики и костей животных. Подземный материал, основную массу которого составляет керамика, состоит из тонких черепков сосудов, изготовленных на круге быстрого вращения. Поверхность черепков часто покрыта светлым красно-коричневым ангобом. Их характерные формы—тонкостенные чашечки, бокалы на ножках, сероглиняные чаши, красноангобированные горшки и т. д.

По руслу Уланбулаксай, в 1 км к востоку от поселения Кучуктепа, имеется поселение—Мунчаклитепа. Значительная часть территории этого поселения была разрушена при планировке сельскохозяйственных полей. Уцелел лишь небольшой участок холма—часть древнего городища. Подземный материал с Мунчакли можно отнести к эпохе раннего средневековья и к предмонгольскому времени. Он свидетельствует о функционировании сая в этот период.

В настоящее время только весной по руслу сая идет обильная вода, летом же она едва доходит до селения Музрабад. Из-за постоянной нехватки проточной воды огромные пригодные для земледелия массивы позднее превратились в бесплодные пространства, получившие впоследствии название—Музрабадская степь.

Историко-гидрографические и археолого-топографические наблюдения свидетельствуют о том, что русло сая, на базе которого возник целый ряд поселений различных периодов, функционировало относительно регулярно на протя-

жений многих веков, вплоть до гибели Мунчакли. Видимо, на более ранних этапах освоения этой территории первобытным человеком его воды впадали в Амударью. Об этом говорят небольшие поселения эпохи бронзы не только в среднем течении (Кучуктепа, Культепа), но и в его низовьях (Сапаллитепа, Кичиктепа). В связи с расширением поливных площадей в верхнем и среднем течении русла со времени античности и средневековья водный баланс Уланбулакская сильно сократился. По-видимому, вода по руслу сая больше не доходила до поселения Сапаллитепа, на что указывает отсутствие в этом районе памятников более поздних периодов.

\* \* \*

Полевые работы археологической экспедиции Института археологии АН УзССР на поселении Сапаллитепа в 1969 и 1971 гг. были направлены на вскрытие западной половины центральной части поселения, частичные раскопки в северо-восточном и юго-восточном углах объекта и закладку стратиграфических шурфов, осуществленную в нескольких пунктах. Широкие археологические раскопки, которые возглавил автор, производились в течение двух полевых сезонов в 1969 г. и двух полевых сезонов в 1971 г. В них участвовали старшие научные сотрудники Института археологии АН УзССР: Х. И. Дуке, Т. М. Мирсаатов, Т. Ходжайов, лаборанты—К. Алимов, Т. Ширинов, У. Расулов, Б. Абдуллаев, художники—А. Исламов, Р. С. Попова, А. Н. Ловчиков и др. В раскопках также были заняты студенты Термезского пединститута им. Айбека и учащиеся строительного техникума в «Советобаде».

Расчистка, закрепление и извлечение материалов из ткани, кожаной и деревянной посуды, посуды из сломы и рога, а также последующие камеральные работы по реставрации и консервации предметов из поселения проводились коллективом отдела химико-технологического

исследования и консервации исторических памятников Института археологии АН УзССР. Лабораторный анализ металлических предметов выполнен научным сотрудником Лаборатории археологической технологии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского отделения Института археологии АН СССР И. В. Богдановой-Березовской, радиоуглеродный анализ—А. Семеновым и Е. Н. Романовой, анализ древних тканей—акад. АН УзССР М. А. Хаджиновой. Полевую фотографическую фиксацию произвел автор, камеральные фотографические работы—фотографы С. А. Давыдов и Р. Санакулов, чертежный материал обрабатывался художниками Р. С. Поповой и А. Н. Ловчиковым при участии автора. Инструментальную съемку поселения выполнил топограф З. Г. Гаязов.

В организации работ экспедиции во время полевых исследований большое содействие оказывали секретарь Сурхандарьинского обкома КП Узбекистана—Х. Х. Халияров, секретарь Гагаринского райкома КП Узбекистана—Х. Э. Бердыев, ректор Термезского педагогического института, доцент А. К. Кулмамамов, директор совхоза «Советобад» М. У. Уралов, директор строительного техникума в «Советобаде» Н. Мирзаев. Всем им автор приносит свою глубокую признательность и благодарность.

Исследование поселения Сапаллитепа—одного из уникальных памятников оседло-земледельческих племен бронзового века Северной Бактрии—имеет большое значение как для изучения истории этой области, так и для воссоздания исторических процессов всей Средней Азии. Автор считает необходимым осуществить публикацию археологического материала, полученного на поселении Сапаллитепа, в течение первых четырех полевых сезонов. Собранный богатый фактический материал, вводимый в научный оборот, представляет определенный интерес для изучения бактрийского центра древнеземледельческой культуры Средней Азии.

## ГЛАВА I. РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ

В течение четырех полевых сезонов археологических раскопок на поселении Сапаллитепе сплошному вскрытию подверглась значительная часть западной половины крепости. Там были выявлены, кроме остатков многочисленных жилищ, расчлененных узкими улицами и переулками на небольшие кварталы, три ряда параллельно расположенных обводных стен и два ряда обводных коридоров, которые на западной окраине крепости прослежены полностью, на северной и южной — частично.

### РАЗВЕДОЧНЫЕ РАСКОПКИ

Поселение Сапаллитепе представляет собой сильно оплывший небольшой холм искусственного образования площадью около 3 га, вытянутый с востока на запад. В центре его прослеживается почти квадратная возвышенность, которая четко выделяется из остальной части поселения (рис. 1).

Интересно, что после каждого весеннего дождя на поверхности поселения отчетливо прослеживается сырец от стен помещений и оборонительных укреплений. В отличие от заполнения наносами внутри помещений и улиц, здесь нет растительного покрова. Судя по внешним признакам, центральная часть поселения, видимо, была укреплена стенами, кое-где отмечаются входные проемы внутри крепости. Между стенами четко прослеживается коридор, иногда перегороженный поперечными стенами. Однако значительная часть поселения с двух сторон (се-

В пределах раскопанной части поселения под полами жилых домов, в руинах заброшенных помещений, дворов и улиц, в стенах отдельных комнат и обводных коридоров обнаружены захоронения с богатым погребальным инвентарем, аналогичным материалам поселения. По устройству могилы подразделяются на катакомбные, подбойные и ямные. Последние чаще всего связаны с детскими захоронениями.

верной и южной) сильно разрушена при планировке хлопковых полей.

Вся поверхность поселения смыта весенними дождевыми потоками, а значительная часть верхнего слоя разрушена. В результате весь холм оказался словно бы обсыпанным обломками керамики из разрушенного слоя поселения, отчего оно и получило название Сапаллитепе.

Прежде чем приступить к раскопочным работам на поселении, мы провели изучение микрорельефа. Наблюдения в укрепленной части поселения показали, что микрорельеф не нарушен, отчетливо прослеживаются направления улиц, контуры домов, двориков и длинный коридор по периметру поселения. Еще в 1968 г. Л. И. Альбаум проводил работы на северном и восточном участках возвышенной части поселения. Мы продолжили разведочные раскопки предыдущего сезона, осуществив закладку страти-

графических шурфов в трех пунктах (шурф 1, 2, 3). Большой раскоп был заложен нами на западной окраине возвышенной части поселения.

Археологические раскопки велись с поквадратной разбивкой вскрывавшихся площадей, соответствующей регистрации полученного материала и составлением полевых чертежей. Одновременно производилась фотофиксация раскопа — отдельных деталей и общей картины.

В результате образовался крутой склон — хороший разрез, где четко прослеживался широкий коридор с культурным заполнением.

Микрорельеф данного участка показал густоту растительного покрова лишь по направлению коридора. Коридор расчищен на глубину не более 1 м и в длину около 4 м. Ширина его 3,10 м, стены тщательно обмазаны глиной с примесью самана. В процессе раскопок вы-

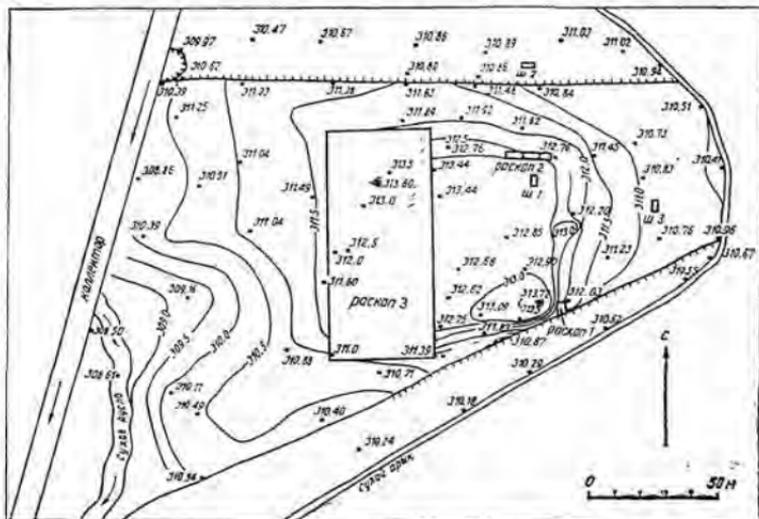


Рис. 1. План поселения.

Поселение Сапаллитепе оказалось «стерильным» — непогребованным, непокрытым поверх позднейшими напластованиями. Оно отражало в своих остатках достаточно полно процессы создания, обживания и разрушения в пределах единого отрезка времени, что значительно облегчило исследования напластований, строительных периодов, классификацию и интерпретацию полученных археологических материалов.

Первый разведочный раскоп на этом памятнике заложен Л. И. Альбаумом в юго-восточном углу поселения по восточному коридору. Это участок был разрушен бульдозером при планировке полей.

явилось, что коридор заполнен толстым слоем угля и различными отбросами — обломками глиняной посуды разных размеров, зернотерок, костями животных. Встречались отдельные кремневые и металлические предметы. Среди мелких фрагментов керамики попадалась археологически целая парадная посуда без наружных украшений. Черепки тонкие и толстостенные, отличной термотехники, дают изящные формы горшковидных, конусовидных, полусферических сосудов и крупных хумов с раздутым туловом и подкошенным дном. Во время разведочных работ 1968 г. заложен второй раскоп в юго-восточной части поселения. Раскоп

оказался в северном коридоре, который был заполнен толстым слоем угля, отбросами производства и завален мусором. По насыщенности он оказался более богатым, чем восточный, но археологический материал здесь менее интересен. Это в основном мелкие обломки керамики, неподдающиеся восстановлению формы сосудов, камни, кости животных и другие остатки. Заполнение коридора довольно рыхлое, насыщено слоем угля. Первоначально (1968 г.) здесь был заложен раскол на площади 8 м<sup>2</sup>. Весной 1969 г. мы его расширили до 24 м<sup>2</sup>. Выяснилось, что стены северного коридора, подобно восточному, оштукатурены глиняным раствором, встречается местами и саманная обмазка пола. Большая часть сохранившейся стены высотой около 1 м срезана бульдозером во время планировки сельскохозяйственных полей. Заполнение имеет розовато-серую и местами темную окраску, насыщено различными видами кухонных и производственных отбросов. В разрезе заполнения коридора не прослеживаются напластования нескольких слоев по всей глубине, оно имеет однородный цвет завала.

Во время весенних полевых работ 1969 г. с целью определения насыщенности культурных напластований на поселении на трех участках были заложены стратиграфические шурфы. Первый — шурф 1 (2×4 м) заложен в северо-восточном углу укрепленной части поселения, в 4 м к югу от стены северного коридора. На глубине до 1,2 м обнажилась материковый лесс. Стараясь не разрушить материк в шурфе, мы приостановили работы.

По всей площади поселения дерновый слой смыт дождями, а значительная часть верхнего культурного слоя выветрена. Сразу же с дневной поверхности идет довольно плотный культурный слой светло-серого цвета с богатым археологическим комплексом. Толщина верхнего слоя шурфа 1 более 40 см. За ним располагалась светло-серая прослойка с темным оттенком мощностью не менее 30 см. На этой глубине встречались керамика и кости животных, обломки сырцового кирпича, зернотерок, пестиков, от-

бойников и т. д. Далее шел сравнительно рыхлый слой темного цвета толщиной около 50 см. В нем обнаружена масса материалов — керамика, кости, рога, обломки зернотерок, уголь и многое другое. Среди этих находок представляет интерес костяное шило и черепок от стенки конической чаши с красочными натеками, состоящими из трех темно-красных на розовато-красном фоне линий.

Шурф 2 (2×4 м) заложен в северной части поселения, разрушенной бульдозером при планировке полей под хлопчатник. Он был углублен до 1 м. Однако культурный слой здесь сохранился лишь на глубине 60 см от дневной поверхности, ниже идет материковый лесс. Культурный слой, начинающийся с поверхности шурфа, довольно рыхлый, темно-серого цвета с желтовато-красным оттенком, что свидетельствует о наличии вблизи выгребной ямы для очагов. На территории шурфа строительных остатков не обнаружено. Весь материал, состоящий в основном из обломков глиняных сосудов, встречался в потрехованном слое толщиной до 40 см. Ниже следовал плотный темно-серый слой с редкими находками керамики и костей животных, аналогичных материалам верхнего горизонта, затем шел материк.

Шурф 3 (2×4 м) заложен в восточной стороне поселения, за пределами его укрепленной части. Поверхность поселения здесь размыва весенними дождями потоками, о чем свидетельствует обильный археологический материал, наруженный на такыровидной поверхности земли. Шурф углублен до 1 м. Толщина залегания слоя не превышает 40 см, ниже идет материковый лесс. Культурный слой, четко вырисовывающийся в разрезе шурфа, довольно однороден и не несет в себе строительных остатков. Здесь обнаружено более 40 мелких черепков не менее чем от 3 сосудов и большое количество осколков костей животных.

В юго-западном углу шурфа на глубине 20 см от дневной поверхности найден трулявый скелет младенца, который разрушился при расчистке. Судя по расположению его оставшихся частей,

скелет лежал на боку, в скорченном положении, головой на север. Череп не сохранился, остались лишь следы отпечатков черепной коробки. Могильную яму, а также сопровождающий покойника инвентарь, обнаружить не удалось.

Шурфы, заложенные с целью выяснения культурных напластований памятника на разных его участках, показали, что насыщенность культурными остатками по всей площади поселения различна. Вся территория поселения как бы делится на две части — центральную — возвышенную и прилегающую к ней площадь. Первая отгорожена мощными стенами. Судя по насыщенности культурными остатками, как показывают разведочные раскопки 1 и 2 и шурфы (1, 2, 3), укрепленная часть поселения была основной и наиболее обжитой. Не исклю-

чена возможность, что большинство культурных остатков неприлегающих к крепостной части, особенно остатки строений (этот участок поселения по отношению к центру довольно пологий), уничтожены в результате воздействия весенних дождей, ветров и других природных явлений. Возможно, что обживание этой территории началось намного позже, чем первоначальное заселение центральной части поселка. Туда можно было загонять скот, принадлежащий общине, там, видимо; укрывали детей, стариков и женщин во время неприятельских набегов.

Таким образом, шурфовки и небольшие разведочные раскопки на отдельных участках поселения указывали на необходимость широких стационарных раскопок именно в центральной части.

### ОСТАТКИ ЖИЛИЩ

Стационарные раскопки первых четырех полевых сезонов (весна и осень 1969 г. и весна и осень 1971 г.) были сосредоточены на западном участке, названном условно раскоп 3. Цель, которую преследовали стационарные полевые исследования на данном объекте — выявить общую картину формирования и развития поселка — процессы созидания, обживания и разрушения. В ходе раскопки выяснилось, что весь верхний строительный горизонт поселения был разрушен и размыт; сохранились лишь остатки стен этого горизонта в один-два кирпича, лежащих на мощных культурных слоях.

На уровне остатков стен верхнего горизонта вскрыты стены разной высоты, стоящие прямо на материке. Таким образом, в процессе раскопок выяснилось, что остатки стен имеют несколько строительных горизонтов в пределах одного исторического этапа. А это значит, что остатки стен ранних строительных периодов максимально использовались при строительстве зданий последующих периодов. Этот момент исключает проведение исследований лишь верхних строительных горизонтов, так как остатки многих стен ранних строительных периодов впоследствии использовались под

фундаменты стен верхних горизонтов. Поэтому в процессе раскопок возникла новая задача, придающая раскопу 3 стратиграфический характер.

В результате археологических раскопок, произведенных в западной части крепости, выявлена последовательность освоения территории поселения: сначала сооружались мощные обводные стены поселка в три ряда, затем осваивался под жилой массив северо-западный участок крепости, появились помещения хозяйственно-производственного назначения на центральном участке раскопа.

После сооружения обводных стен вокруг укрепленной части поселения, площадь крепости подверглась интенсивной застройке — оформились целые кварталы, разделенные коридорообразными улицами и переулками. Таких небольших кварталов (скорее всего больших общинных домов) в раскопной части поселения выявлено три.

При вскрытии жилого массива в западной части крепости в двух местах обнаружены параллельно расположенные в направлении с запада на восток улицы. Они как бы разделили раскапываемые части поселения на три участка — северный, центральный и южный. Стратиграфические наблюдения, произведен-

ные на раскопанном участке поселения, показали, что северо-западная часть крепости (северный участок раскопа) интенсивно обживалась с первого строительного периода, а центральная и южная — заселялись неравномерно (рис. 2).

Пристенная полоса центрального участка в первом строительном периоде была застроена лишь частично, остальная территория пустовала. Здесь накопился большой слой золы с угольками мощностью более 1,5 м. На втором этапе этот участок оказался заброшенным — только в юго-восточном углу функцио-

размером 20×10×42; 22×12×44; 24×13×46 см. На полу некоторых помещений обнаружена гипсовая обмазка и кирпичная подстилка с глиняной штукатуркой. На стенах почти всех комнат хорошо сохранилась многослойная саманная штукатурка. Характерно, что одна из стен помещений имеет легкий наклон во внутрь, в то время как остальные сооружались вертикально.

Комнаты различны по своей форме. Они чаще всего прямоугольные или квадратные. В одном случае встретилась форма полуovalа. Во многих помещениях

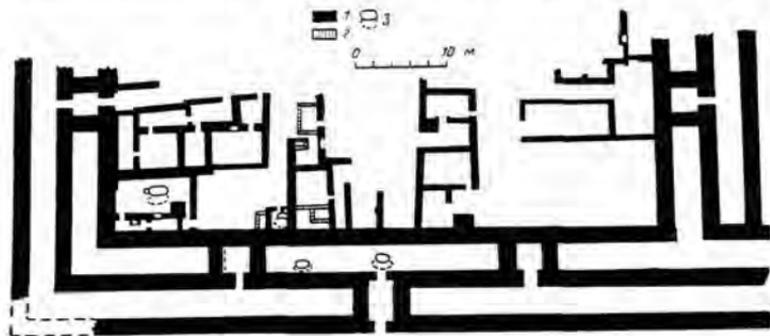


Рис. 2. План. Остатки жилищ первого строительного горизонта. 1 — стена первого строительного горизонта; 2 — стена внутрикомнатных подразделений; 3 — могила.

нировала керамическая мастерская с обжигательной печью. В последний строительный период этот участок благоустраивается — на мощной толще культурного напластования воздвигаются дома.

Во второй строительный период интенсивному освоению подвергается юго-западный участок крепости. Здесь вырастает целый квартал с небольшими коридорообразными улицами, отделенный от остального жилого массива. Наибольшего расцвета домостроительство квартала достигает на последнем этапе.

Со второго строительного периода обводные коридоры перестраиваются под жилые дома. Все здания как жилые, так и хозяйственные, а также мощные обводные стены, имеющие оборонительный характер, сложены из сырцового кирпича

обнаружены очаги типа каминов с внутренним узким верхним дымоходом. Иногда возле очага находилась массивная зернотерка и крупные сосуды (во всех случаях разбитые).

Сохранность стен жилых помещений различна. Так, стены комнат, примыкающих к оборонительным стенам, сохранились на большую высоту и хорошо оконтурируются. На них в местах стыка четко прослеживается саманная штукатурка.

Таким образом, в течение четырех полевых сезонов сплошному вскрытию подверглось более 4000 м<sup>2</sup> площади поселения (рис. 3). В результате получен богатый материал, характеризующий материальную культуру, быт, религиозные представления, хозяйство и общественный ук-

лад жителей поселка в эпоху развитой бронзы.

Переходя к индивидуальной характеристике раскопанных помещений, следует отметить, что комнаты, независимо от времени и последовательности их вскры-

тых как жилое, так и хозяйственное назначение (рис. 4).

Комната 1<sup>1</sup> вскрыта в юго-западном углу участка. Она вплотную пристроена к внутренним обводным стенам со стороны запада и юга.



Рис. 3. План раскопа. Вид с юга.

тия описываются по участкам, отделенным друг от друга улицами. Они как бы представляют собой три самостоятельных части — южную, центральную и северную. Описание раскопа начнем с южного участка.

Раскопки на южном участке. Южный участок (раскоп 3) представляет собой юго-западный угол крепости, замкнутой с юга и запада мощными стенами оборонительного характера, а с севера и востока, отделенный от остального массива застройки неширокими улицами. Здесь вскрыто 12 помещений, имею-

При углублении площади комнаты до материкового слоя<sup>2</sup> выяснилось, что южная и западная стены более ранние, чем две другие — они стоят на материке. Северная и восточная стены сооружены на толще культурного слоя; первая — на слое толщиной 15—20 см, вторая — более 50 см.

<sup>1</sup> Нумерация комнат устанавливалась по мере их вскрытия.

<sup>2</sup> Это вызвано тем, что при выявлении восточной стены под ней обнажился мощный культурный слой, в то время как три остальные стены комнаты опускались в глубину.

За восточной стеной комнаты обнаружена еще одна стена, относящаяся ко второму строительному горизонту. Она сильно разрушена и сохранилась в высоту всего на 35—40 см.

При дальнейшем углублении всей площади комнаты на 80 см от дневной поверхности южной, западной и северной

на небольшом культурном слое воздвигается северная и восточная стены и внутрикомнатные сулы. Позднее, на руинах первой восточной стены сооружается вторая восточная стена.

Сохранность южной, западной (их высота 130 см) и даже северной (высота 115 см) стен намного лучше, чем

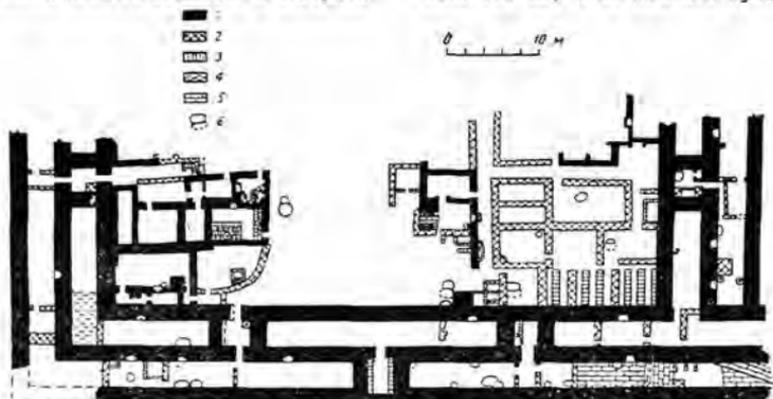


Рис. 4. План. Остатки жилищ первого и второго строительных горизонтов. 1 — стена первого строительного горизонта; 2 — стена второго строительного горизонта; 3 — стена внутрикомнатных подразделений; 4 — паховая забутовка; 5 — кирпичная кладка; 6 — могила.

стен (сохранность их высоты одинакова) внутри помещения обнажились три ряда параллельно расположенных с запада на восток стен высотой в два кирпича, представляющих собой узкие сулы одинаковые по длине. Их высота—30 см, длина—4 м, ширина—70 см. Южная сула—пристенная. По ширине она на 20 см уже двух других. Между сулами образовались узкие (шириной 70 см) коридоры, заполненные рыхлым слоем земли, содержащие богатый археологический материал. На полу коридоров под западной стеной сделаны специальные «подушки» из кирпичей, обмазанные сверху глиной.

Таким образом, при выявлении всех стен комнаты установлены три последовательных этапа их сооружения: вначале появляется внутренняя кольцевая стена, служившая впоследствии южной и западной стеной помещения. Затем

восточной. Последняя сохранилась в высоту всего лишь на 4 кирпича, т. е. примерно на 60 см.

Все стены комнаты несут следы тщательной обмазки в два и даже в три слоя. Аналогичная саманная обмазка обнаружена и на стенах внутрикомнатной сулы.

Первоначально комната 1, видимо, предназначалась для изготовления отдельных видов орудий труда. Затем, на последнем этапе жизни поселения, она служила как жилая, в связи с возведением восточной стены.

Можно допустить предположение, что внутрикомнатные узкие сулы использовались для сидения, а узкие коридоры, расположенные между ними, были местом, куда выбрасывались отходы и обломки предметов, непосредственно связанных с изготовлением орудий труда. Материалы, обнаруженные в заполнении коридоров, свидетельствуют о том, что

первоначально эта комната не была жилой, а выполняла функции мастерской, где изготавливались костяные и роговые орудия труда. Действительно, в процессе зачистки внутрикомнатных коридоров среди рыхлого пылевидного заполнения найдены фрагменты бокалов на высоких ножках, керамические ножи, астрагалы и костяные ручки ножей, серпов, многочисленные распиленные рога животных и большое число заготовок роговых орудий.

Комната 1 на последнем строительном этапе имеет квадратную форму (4×4 м). Ее пол плотно утрамбован, он прослеживается на уровне основания восточной стены и перекрывает по всей площади внутрикомнатные суглы.

Комната 13. Перед мастерской, к востоку от нее, обнаружена еще одна комната (13), построенная на втором этапе. Южной стеной комнаты 13 служила внутренняя кольцевая стена поселка, а северная, западная и восточная стены были сооружены на втором строительном этапе. Комната имела форму прямоугольника (5,70×3,50 м). Ее пол обнаружен на уровне основания северной, западной и восточной стен, стоящих на небольшой толще культурного слоя, он обмазан глиной и известковой примесью.

На полу комнаты 13 первого периода обживания обнаружено большое количество находок, среди которых наиболее интересными являются металлическая печать с петелькой, три обломка глиняного тигра с остатками крупниц металла и несколько глиняных пряслиц<sup>3</sup>. Под южной стеной комнаты найден большой раздавленный хум с подкошенным дном. Следы очагов на полу помещения обнаружить не удалось. В северо-восточной части комнаты 13 вскрыто три захоронения. Первое (могила 8) вырыто под полом первого периода, второе (могила

15) и третье (могила 16) относятся ко времени третьего строительного горизонта.

Комната 2—вскрыта к северу от комнаты 1 вдоль обводной стены.

Сооружение стен этой комнаты, как и предыдущих, осуществлялось в три периода. При углублении площади комнаты на 80 см обнажились внутрикомнатные суглы (два ряда) высотой в два кирпича. Между суглами и стенами расположились узкие коридоры, заполненные рыхлым слоем земли, содержащие богатый керамический материал. Под западной стеной на полу коридоров обнаружены «подушки», сделанные из двух рядов сырового кирпича. Планировка помещения с внутрикомнатными суглами свидетельствует о его едином функциональном назначении с комнатой 1 на всех этапах существования. На последнем этапе она получает оформление как жилое помещение подквадратной формы размером 3,80×4,50 м. К востоку от нее располагалась комната 14.

Комната 14—почти квадратная (3,50×4,70 м). Ее стены, кроме западной, относятся ко второму строительному горизонту. Пол комнаты был обнаружен на глубине 80 см. Он сильно утрамбован, местами имеет следы глиняной обмазки с примесью известкового раствора.

Эта комната в первый период своего существования выполняла функции передней мастерской 2, впоследствии она стала самостоятельным жилым помещением. В связи с сооружением на третьем этапе западной стены, вход в комнату переносится на западную сторону. В этот период выход в соседнюю комнату, расположенную к северу от нее, закладывается кирпичом.

На полу комнаты 14 и того и другого периода не обнаружено следов очага, под полом помещения нет захоронений. Лишь в южной стене на уровне пола последнего строительного этапа обнаружена могила 25.

Комната 3 вскрыта к северу от комнаты 2 вдоль обводной стены. Ее стены также сооружались в разное время. Западной стеной служила внутренняя обводная стена. Южная и северная сте-

<sup>3</sup> При раскопках во всех комнатах обнаружено большое количество археологического материала, чаще всего однородного. При дальнейшей характеристике помещений мы не будем говорить об обычных находках, таких как керамика, кости, камень и т. д., если они не представляют особой научной ценности и не являются редкими.

ны подстилают культурный слой мощностью не более 20 см. В центре комнаты — сула с двумя внутрикомнатными коридорами, заполненными материалом, аналогичным найденному в коридорах комнат 1 и 2. Восточная стена комнаты появилась гораздо позднее, чем другие, она находилась на культурном слое мощностью 50—60 см.

Следовательно, комната 3 на первом этапе своего существования представляла собой открытой с восточной стороны айван прямоугольной формы размером 2,30 × 4 м. На последнем этапе жизни на поселении комната перестраивается под жилую, ее размеры становятся 2,30 × 4,50 м. Прослеживается под комнаты последнего строительного горизонта — он довольно плотный и подстилает внутрикомнатные сулы.

В период сооружения восточной стены, по-видимому, производились некоторые ремонтные работы по восстановлению верхней части южной стены. К этому времени относится появление в северной стене очага-камина с узким квадратным дымоходом. По обе стороны очага расположились пристенные ниши. В восточной нише обнаружено два разбитых кувшина с подкошным дном. Около очага найдена массивная зернотерка из крупнозернистого серого гранита. Вход в комнату прорублен со стороны южной стены.

Комната 4 вскрыта к северу от комнаты 3 также вдоль обводной стены. Ее южная стена относится к более раннему периоду, чем северная и восточная. Как жилое помещение она была оформлена на втором строительном этапе. Комната (3,40 × 4,30 м) имела прямоугольную форму, входной проем находился в восточном углу северной стены. В отличие от соседних с южной стороны комнат она не имеет внутрикомнатных коридоров и сулы, сохранявшаяся высота — более 1 м. Прослеживаются следы некоторых ремонтных работ по восстановлению верхней части северной, восточной и южной стен.

Заполнение помещения имело несколько иную структуру, чем в предыдущих комнатах. Так, северо-западная по-

длина комнаты оказалась более насыщенной обломками сырцовых кирпичей, фрагментами больших толстостенных кувшинов, а кости животных попадались значительно реже. При зачистке помещения в его северной половине на уровне пола нижнего горизонта обнаружено могильное пятно прямоугольной формы, уходящее под северную стену комнаты (могила 1).

Комната 15 расположена к востоку от комнаты 4. Она сооружена на втором строительном этапе и продолжала существовать на последнем этапе жизни на поселении. Стены этой комнаты подстилает культурный слой толщиной от 20 до 30 см. Наибольшая высота стен 140 см, размеры комнаты 3,80 × 4,80 см. Первоначально вход в нее был с юго-западного угла южной стены. Потом он закрывается, а новый вход в комнату прорезается со стороны западной стены. На полу помещения (в нижнем горизонте) в его юго-восточном углу обнаружена круглая яма диаметром 67 см со слоем культурных остатков. В северо-западном углу комнаты — овальная перегородка в виде кормушки, заполненная слоем пепла.

Комната 5. К северу от комнаты 4 вдоль обводной стены открыто помещение 5, стены которого сооружены в разное время. Южная стена комнаты подстилает культурный слой глубиной 15—20 см, а северная сохранилась всего лишь в два кирпича. Она построена на большой толще (1 м) культурного заполнения.

В процессе зачистки заполнения комнаты 5 выявились три внутрикомнатных подразделения, относящиеся к первоначальному этапу ее существования. Стены внутрикомнатных подразделений при высоте 40 см сооружены из крупного тонкого сырцового кирпича (50 × 8 × 22 см), положенного на ребро. Размер подразделений разный. Они имеют прямоугольные формы без входных отверстий. Внутри эти микропомещения заполнены остатками мусорных отбросов, в нижней их части обнаружен небольшой слой позеленевшего органического отложения. Все микропомещения находились в западной

половине комнаты, в то время как восточная ее половина, особенно северо-восточная часть, была заполнена мощным слоем угля. Интересно, что здесь под слоем угля обнаружен слой позеленевшего органического отложения.

Продолжение археологических работ на южном участке раскопа 3 показало, что к востоку от комнаты 5 расположена улица, разделяющая этот участок застройки на две части (в дальнейшем мы будем называть ее улица 1). Высота бо-



Рис. 5. Общий вид улицы 1 с востока.

Выше верхнего уровня кирпичных кладок внутрикомнатных перегородок прослеживается пол верхнего горизонта. Именно на этом уровне в юго-восточном углу южной стены комнаты сделан вход в соседнее помещение (4). Размер комнаты  $3 \times 4,2$  м.

ковых стен улицы сохранилась до 1,5 м, длина ее вскрытой части 17 м при ширине 1,60 (рис. 5). Однако в 10 м к востоку от угла комнаты 5 улица расширяется, достигая 2 м ширины. Именно на этом участке от нее на юг ответвляется другая улица (улица 2) шириной 1,40 м, кото-

рая, в свою очередь, замкнулась южной обводной стеной. Оттуда она поворачивает на запад в виде переулка и замыкается к помещению 13. Оформление улицы как межквартальной происходило, видимо, на втором строительном этапе в связи с полной застройкой юго-западного участка крепости. Поэтому под стеной улицы находится культурный слой мощностью до 30 см.

Под северной стеной улицы 1, в западной ее части, были обнаружены две неглубокие, высотой в два кирпича, кормушки, сделанные из сырцового кирпича и имеющие овальную форму. На дне кормушек, кроме рыхлой земли зеленого оттенка, ничего не обнаружено. Видимо, часть улицы, замыкавшаяся помещением 5, использовалась в качестве загона для скота. Об этом свидетельствует слой позеленевших органических отложений.

К востоку от кормушек, на расстоянии 2 м. под северной стеной улицы находился мощный выступ высотой около 1 м. Он скорее всего отделял загонную часть улицы для скота.

Раскопки в пределах данного участка продолжались и в последующих сезонах полевых работ (весной и осенью 1971 г.). Выявлены еще четыре комнаты, одна кладовая и хранилище, получившие по мере последовательного вскрытия соответствующую нумерацию.

Комната 57 вскрыта к востоку от комнаты 15 вдоль южной улицы 1. Она оформлена в качестве жилой на втором строительном этапе и продолжала существовать по всей вероятности и на последнем этапе жизни на поселении. Все ее стены подстилает культурный слой толщиной от 20 до 30 см. Сохранность северной стены сравнительно лучшая, чем остальных трех. Ее высота—80 см, а трех других—до 70 см. Вход в комнату обнаружить не удалось.

Комната 57 (5×2) имеет удлиненную прямоугольную форму. Стены помещения несут следы саманной штукатурки, сохранившейся местами до трех слоев.

Внутрикомнатные заполнения оказались достаточно твердыми. Их верхняя часть плотно утрамбовалась, что поме-

шало установить уровень пола последнего этапа жизни на поселении. Однако ниже 50-сантиметрового твердого глинистого отложения обнаружен рыхлый слой с богатым археологическим материалом. При расчистке пола в юго-западной части комнаты выявились остатки стены в один кирпич, длиной около 2,5 м, идущей с севера на юг. По всей вероятности, комната относится к первому строительному горизонту и уходит под южную стену помещения. В ней обнаружены остатки очагов—других строений не было.

Комната 58 вскрыта к востоку от комнаты 57, на угловой части улиц 1 и 2. Она, как и предыдущая, оформлена на втором строительном этапе. Имеет удлиненно-прямоугольную форму, ее размеры 5×2 м. Заполнение внутрикомнатной площади, как и предыдущей, довольно твердое, очевидно, от оплыва разрушенных стен. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки сырцовых кирпичей, которые образовали относительно чистый слой глины мощностью местами до 50 см. В этом слое довольно мало материалов, встречаются отдельные фрагменты керамики и костей животных. Ниже идет рыхлый слой с богатыми культурными остатками. При очистке нижнего слоя внутрикомнатного заполнения, на глубине около 70 см, обнажились остатки какой-то стены, которая делила помещение на две части. Стена стояла на тонком культурном слое, лежавшем на материке, и состояла из одного ряда положенных плашмя сырцовых кирпичей. Она одним концом упиралась в западную стену комнаты, направлялась к востоку до восточной ее стены, и затем поворачивала на юг. Часть этой древней стены оказалась под стеной второго этапа. Вход в комнату и остатки очагов обнаружить не удалось.

Комната 59 вскрыта к югу от комнат 57 и 58. Она расположена вдоль улицы 2. Здесь были выявлены остатки стен двух строительных горизонтов: нижние стены относятся к первому строительному этапу, а верхние—ко второму. Остатки стен, относящиеся к нижнему горизонту, являются продолжением тех

стен, которые частично отмечались при описании комнат 57 и 58. После зачистки внутрикомнатного заполнения помещения 59 выявилась остальная часть их очертания, представляющая остатки стен большого помещения прямоугольной формы, размером 3,5×9 м. Восточная стена комнаты нижнего горизонта лежит под стеной верхнего горизонта, а западная—вдоль внутренней части западной стены, выходя за ее пределы. Южная стена проходит на 1 м севернее южной стены комнаты 59 (см. план первого строительного горизонта, рис. 2). На площади комнаты нижнего горизонта не обнаружено очагов и других сооружений. Под ее полом найдено одно захоронение (42).

Стены верхнего горизонта, независимо от расположения стен нижнего горизонта, представляют собой самостоятельную комнату под номером 59. Она прямоугольная в плане, размером 7,8×4 м. Окончательно в качестве жилого помещения комната оформлена на втором строительном этапе. Она функционировала и на третьем этапе жизни на поселении. Вход в комнату—с северо-восточного угла помещения, его ширина 1 м. Высота стен почти одинаковая—не более 60 см от их основания, стены имеют тщательную глиняную штукатурку в два и более слоя. Раствор глины, как обычно, с примесью самана. Заполнения комнаты по всей ее площади разные. В северо-западном углу они более твердые так же, как в комнатах 57 и 58. В южной половине заполнения оказались рыхлыми и насыщенными обломками керамики и другого бытового инвентаря. В середине восточной стены обнаружен очаг-камин с остатками золы, состоящими из двух горизонтов. Между горизонтами золыного слоя находится выстилка кирпичей в один ряд и обмазка сверху обожженная докрасна. Толщина каждого золыного слоя—10—12 см. Пол комнаты обнаружен на глубине 50 см от дневной поверхности стены верхнего горизонта. Он более твердый, лежит на культурном слое нижнего горизонта, имеет беловато-серый цвет и как бы следы окрашенности. Однако по всей площади комнаты пол не прослеживает-

ся,—видимо, он разрушен в процессе раскопки.

Нижний горизонт золыного слоя очага соответствует уровню обнаруженного пола комнаты, а верхний, по всей вероятности, относится к последнему этапу жизни на поселении.

Комната 56 является последним замыкающим помещением данного квартала. Она лежит вдоль внутренней южной кольцевой стены, к юго-востоку от комнаты 59. В отличие от описанных комнат, она не имеет строгой формы жилого помещения и является, видимо, проходным двором или помещением для загона скота, подобно комнате 5. Однако в ней нет внутрикомнатных подразделений, а заполнение культурных остатков довольно твердое. В середине ее восточной стены обнаружена ниша размером 110×70 см. К западу от нее—коридор, замкнувшийся помещением 13. Наибольшая длина этого помещения—5 м при ширине—4,80 м.

К западу от него, вдоль южной обводной стены расположены кладовая и хранилище, сооруженные на втором строительном этапе жизни на поселении. Все стены комнаты 56, кладовой и хранилища тщательно обмазаны глиняным раствором с примесью самана, местами штукатурка сохранилась до трех слоев. Здесь, как и в других хозяйственно-бытовых помещениях, не было обнаружено остатков внутрикомнатных строений. Пол зернохранилища отличался своей блестящей отделкой, что свидетельствует о его прямом назначении.

Таким образом, раскопки юго-западного участка укрепленной части поселения выявили целый квартал, замкнутый с юга и запада монументальными обводными стенами, а с севера и востока отделенный от остального массива застройкой неширокими улицами. Мы его условно назвали квартал I.

В пределах квартала I обнаружено двенадцать помещений, имеющих как жилое, так и хозяйственно-бытовое назначение. Комнаты 1, 2, 3, как уже отмечалось, первоначально использовались в качестве мастерских, где выделялись костяные и роговые орудия. Некоторое

время спустя, они перестроились под жилые помещения. Комнаты 4, 13, 14, 15, 57, 58 и 59, как на первом, так и на последнем этапе своего функционирования предназначались для жилья, а 5 и 56 являлись скорей всего скотными дворами.

Разведочные раскопки, произведенные к востоку от квартала I, показали, что за пределами улицы 2, между южной внутренней кольцевой стеной и улицей 1 имеется возможность вскрыть целую группу жилых и хозяйственно-бытовых

стенка камня сильно закончена, а стены самого очага от постоянного огня получили красно-кирпичный цвет. Большая часть южной стены разрушена.

Раскопки на центральном участке. Вскрытие помещений продолжалось к северу от квартала I, вдоль западной обводной стены крепости. Здесь выявлена целая группа строений различной сохранности, условно названная кварталом II.

С западной стороны квартал II замкнут мощной стеной оборонительного ха-

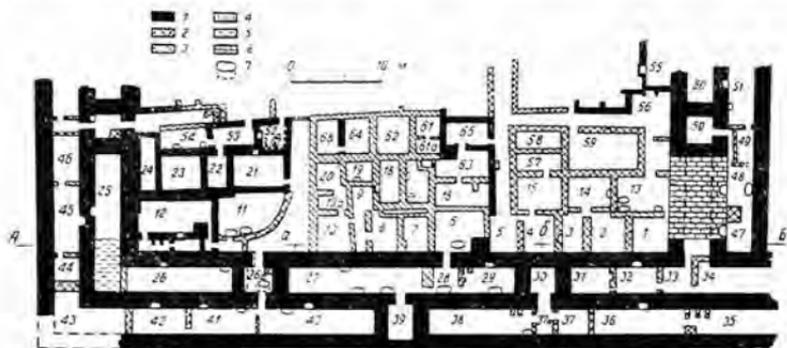


Рис. 6. План. Остатки жилищ первого, второго и третьего строительных горизонтов. 1 — стена первого строительного горизонта; 2 — стена второго строительного горизонта; 3 — стена третьего строительного горизонта; 4 — стена внутрикомнатных подразделений; 5 — лахвовая забутовка; 6 — кирпичная облицовка; 7 — могила.

помещений. При полном выявлении квартала I с его улицами, отделявшими застройку от остальной части, обнаружены отдельные стены некоторых помещений и две трети комнаты 55.

Комната 55 вскрыта к востоку от комнаты 56, вдоль внутренней южной обводной стены. Она представляет собой удлиненный прямоугольник. Полностью выявлена западная стена, построенная на первом этапе жизни на поселении. Ее высота почти 1 м при ширине 50 см. Раскрыта значительная часть северной и южной стен комнаты. Высота южной стены — 120 см, северной — 80 см. В северной стене комнаты имеется очаг-камин с узким дымоходом. Внутренняя

рактера, а с северной — отделяется от остального массива застройкой неширокой улицей, названной улица 3. К востоку от него выявлен большой двор, с южной стороны он ограничивается улицей 1 (рис. 6).

На площади вскрытой части квартала II обнаружено семнадцать помещений, имеющих жилое и хозяйственно-бытовое назначение. Комната 6 — первое из них.

Она оформлена как жилая лишь на третьем строительном этапе. Комната имеет почти квадратную форму (5,60 × 4,60 м). Сохранность ее стен, особенно южной и восточной, плохая, их высота не более 40 см. Стены воздвигнуты

на метровой толще рыхлого культурного слоя с пазобилем угля. Северная стена несколько лучшей сохранности подстилает культурный слой толщиной 70 см. В юго-западном углу помещения обнаружен мощный выступ почти квадратной формы, сделанный сплошь из сырового кирпича. Его поверхность тщательно обмазана несколько раз раствором глины с ирисью самана. Высота выступа—более 1 м, своим основанием он лежит на материке.

При зачистке внутрикомнатного заполнения с восточной и северной сторон на разных глубинах обнажились остатки разрушенных стен более раннего периода, лежащих прямо на материке. Небольшой кусок этой стенки в северо-восточном углу помещения сохранился на высоту более 60 см, на остальных участках высота всего в два и более кирпича. С южной стороны остатки этого времени обнаружить не удалось. Не исключена возможность, что если они и существовали, то в скором времени были полностью разрушены. При разборке культурного наслоения внутри комнаты выявлен кусок стены, отходящей к западу от центральной части восточной стены первого периода. Но она на расстоянии 1 м разрушена полностью. Видно, на раннем этапе жизни поселения на площади помещения *б* существовали две небольших комнаты прямоугольной формы. На руинах старых стен вскоре появляется мощный слой мусора толщиной до 1 м. Видно, этот микроучасток в период между первым и третьим строительными этапами был заброшен. Здесь образовался слой мусора над остатками стены нижнего горизонта. Состав мусора на всей площади комнаты имеет различное содержание. Так, заполнение в западной половине комнаты иной структуры, чем в ее восточной части. Здесь оно состоит лишь из остатков угля, материалов содержит очень мало.

В результате расширения площади раскопа на восток выяснилось, что в южной части соседней комнаты имелась печь для обжига сосулов. Оттуда и выгребался весь мусор, собиравшийся во время ее функционирования.

На площади комнаты раскопаны три захоронения. Наблюдения, произведенные при раскопках комнаты и расчистке могил, показали, что две из них (могила 2 и 4) относятся ко времени второго строительного горизонта, а одна (могила 3)—к последнему этапу жизни на поселении. Пол комнаты верхнего горизонта обнаружить не удалось, а нижнего прослеживается отчетливо. Он плотно утрамбован, кое-где встречается глиняная обмазка. По-видимому, пол комнаты первого периода в свое время обмазывался глиной с саманным раствором.

Комната 7 вскрыта к северу от комнаты *б* вдоль внутренней обводной стены. Она оформлена как жилое помещение на последнем этапе жизни на поселении. Западной стеной ей служила обводная стена, южная и северная—сооружены на небольшой толще культурного слоя. Ниже лежит кладка стен высотой в два кирпича, которая, видимо, относится к остаткам стен первого строительного этапа. Стены этого периода с восточной стороны помещения не прослеживаются. Размеры комнаты верхнего горизонта  $2,80 \times 4$  м, нижнего— $3,50 \times ?$  м. Пол комнаты как верхнего, так и нижнего горизонтов не прослеживается, остатки других внутрикомнатных сооружений (очаг, ниша, могила и т. д.), а также вход в комнату не обнаружены. В ее заполнении масса отбросов, в частности обломков керамики.

Комната 8 вскрыта к северу от комнаты 7 вдоль западной обводной стены. Она, как и предыдущая, имеет остатки стен двух строительных горизонтов. Сохранность их, за исключением западной, плохая. Верхний горизонт стен сохранился всего лишь на четыре кирпича. Он лежит на двадцатисантиметровой толще культурного слоя. Невыясненным осталось наличие стен нижнего горизонта с восточной стороны комнаты.

Размер помещения во всех периодах  $4 \times 2,80$  м. Вход отмечается для обоих этапов с северной стороны. Выявлены остатки пристенного очага из кладки кирпичей под южной стеной комнаты, относящиеся к первому этапу жизни на поселении. На этом уровне прослежива-

ется под комнаты, представляющий собой плотно утрамбованный слой глины с известью. Пол для верхнего горизонта стен обнаружить не удалось.

К северу и северо-востоку от этого помещения вскрыта целая серия комнат небольших размеров, стены которых принадлежат к различным этапам строительства поселка.

Первая из них — комната 9 имеет вытянутую форму. Это помещение коридорного типа, в виде буквы «Г», длина его — 7 м, наибольшая ширина — 2,3 м, а ширина узкой части — более 1 м. Судя по остаткам стен, первоначально оно было оформлено в виде коридора, размером 6,60×1,3 м. Северная стена комнаты, относящаяся к первому строительному горизонту, по всей вероятности, функционировала и на последнем этапе жизни на поселении. Но она подвергалась неоднократно ремонту во время возведения новых стен в другой части помещения. Восточная стена после разрушения больше не ремонтировалась и осталась под мощной толщей культурного слоя. Однако на последнем этапе строительства поселка здесь появляется новая стена, отгораживающая комнаты не только с восточной, но и с юго-восточной стороны. К этому же времени относится стена, построенная на небольшой толще культурного слоя, лежащего над остатками стены нижнего горизонта в южной стороне комнаты.

К северу от этой комнаты (или коридора) обнаружены еще два небольших помещения под общим номером 10, которые с северной стороны отделены от остального массива застройки улицей 3. Северная стена их более мощная чем остальные и имеет два строительных горизонта, отделенных друг от друга большим рыхлым слоем культурных остатков толщиной 40—45 см. Верхний горизонт северной стены сохранился в два, а местами в три кирпича.

По остаткам стен нижнего горизонта можно заключить, что здесь была одна большая комната размером 4×3,6 м. Вход в нее находился в южной стороне. К западу от нее помещалась кладовая, отделенная от большой комнаты

перемышкой толщиной в один кирпич, прямоугольной формы, размером 3,60×2 м. Она, в свою очередь, разделена на две части узкой стенкой из кирпичей, поставленных на ребро в один ряд. Вход не обнаружен, стенки тщательно обмазаны раствором глины с примесью самана. Аналогично оштукатурен и пол этих помещений. Не исключена возможность, что обе эти комнаты предназначались для хранения продуктов питания, о чем свидетельствуют обуглившиеся зерна пшеницы, обнаруженные на полу.

Комната 10, видимо, на какой-то период была заброшена, поэтому здесь накопился толстый слой культурных остатков, которые подстилают перегородки зернохранилища. Спустя некоторое время этот участок опять благоустроивается — воздвигаются новые стены с северной и восточной стороны над культурным слоем, образованным на развалинах стен первого периода. Производятся ремонтные работы по восстановлению на разрушенных участках западной и южной стен комнаты. Новая стена, разделившая помещение на две части, сооружается в середине комнаты. На уровне основания последней стены отмечается пол комнаты верхнего горизонта.

Таким образом, этот микроучасток, являющийся северо-западным углом квартала II и первоначально представлявший собой большую комнату с двумя миниатюрными помещениями, использованными под хранение зерна, оказался заброшенным. В следующий период комната снова обживается. Зернохранилища, расположенные в западной части помещения, продолжали функционировать и на последующих этапах.

Внутрикомнатные заполнения верхнего горизонта рыхлые и содержат в сравнении с нижним горизонтом мало материалов. В основном это, как обычно, керамика, кость, камень. На площади комнаты как верхнего, так и нижнего горизонтов остатков внутрикомнатных сооружений обнаружить не удалось, следов захоронения также найдено не было.

Следующее помещение, вскрытое на территории квартала II, — комната 16.

Она расположена к востоку от комнаты 6 вдоль северной стены улицы 1. При ее вскрытии выяснилось, что все стены сооружены на первом этапе строительства поселка. Помещение имело прямоугольную форму, его размер 3,60×5 м. Однако три стены — северная, западная и восточная — скоро разрушились, на их

длительного функционирования. Полностью сохранилась топка и лишь частично стены обжигательной камеры. Длина топочной камеры — 1,20 м, ширина — 40 см. С западной стороны печи находится выгребная яма, а с восточной — кладовая. Размер последней 1,20×90 см. Стенки и пол кладовой тщательно обмазаны гли-

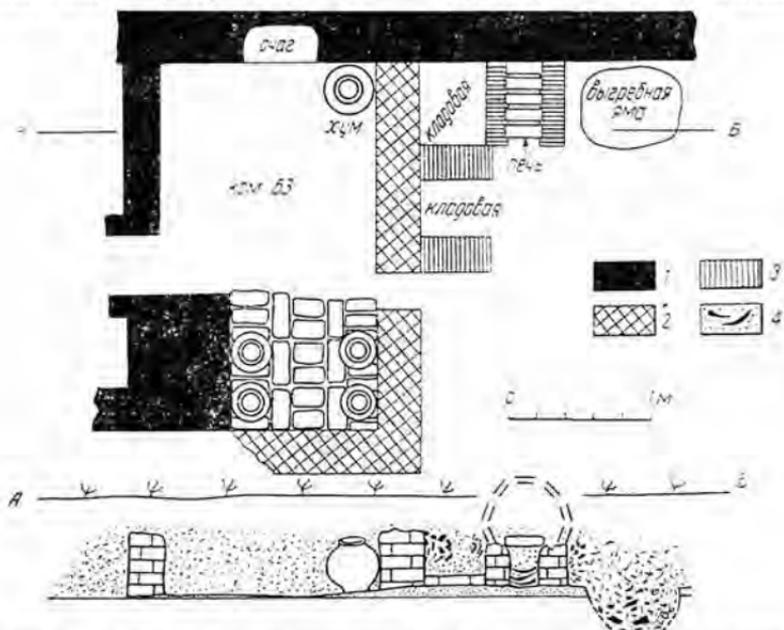


Рис. 7. План и разрез. Остатки керамической печи комнаты 16. 1 — стена первого строительного горизонта; 2 — стена второго строительного горизонта; 3 — стена внутрикомнатных подразделений; 4 — слой золы.

руинах на последующих этапах новых стен не воздвигалось. За время второго строительного этапа южная стена помещения подверглась ремонту. За счет уменьшения площади комнаты в восточной стороне строится новая стена. Она частично задевает стену первого периода. В это же время сооружается керамическая печь для обжига сосудов (рис. 7). Она построена из сырцового кирпича, имеет прямоугольную форму. Стенки печи сильно ошлакованы в результате ее

инным раствором с примесью самана. Ее пол намного выше, чем пол комнаты. Рядом с этой кладовой, к северу, находилась еще одна кладовая. Она была открыта с западной стороны и обращена на лицевой частью к печи.

С западной стороны комната была не отгорожена, поэтому во время функционирования печи уголь попадал в соседнее западное помещение. Здесь образовался мощный слой угля. На последнем этапе жизни на поселении появляется стена

с западной стороны и воздвигается стена за руинами северной. Таким образом, площадь комнаты 16 в связи с возведением стен с севера и запада становится размером  $6 \times 2,70$  м. Не исключено, что и в этот период продолжал функционировать керамическая печь. Следовательно, комната 16 на втором и, возможно, на последнем строительном этапе использовалась под керамическую мастерскую, обеспечивающую жителей квартала посудой.

Комнаты 17 и 18 выявлены к северу от помещения 16. Они имеют прямоугольную форму, вытянуты с востока на запад. Оба помещения оформлены как жилище на последнем этапе жизни на поселении. Об этом свидетельствуют остатки стен, стоящих на мощной толще рыхлого культурного слоя. В разрезе западной стены обеих комнат можно наблюдать следующую последовательность слоев: вначале идет кладка стен, состоящая из четырех рядов кирпича высотой около 50 см, ниже—слой золы с угольками толщиной 30 см, затем—твердый пятнадцатисантиметровый глинистый слой с обломками кирпичей, еще ниже—очень мягкий слой пелла до 30 см. Состояние продольных стен плохое—они сохранились всего лишь на один или два кирпича. Поперечные стены в лучшем состоянии.

Размер комнаты 17— $2,50 \times 5$  м. Пол ее западной стеной обнаружена могила 12, относящаяся ко времени третьего строительного этапа.

Размер комнаты 18— $2,30 \times 5$  м. Со стороны северной стены обнаружены остатки очага-камина с небольшим слоем золы. Заполнение комнаты, как и предыдущей, довольно рыхлое и содержит большое количество материалов бытовой жизни. Входа как в ту, так и в другую комнату обнаружить не удалось.

Комната 19 открыта к северу от предыдущей. Она имеет почти квадратную форму ( $3 \times 2,3$  м). Сохранность стен плохая—всего в два-три кирпича. Стены лежали на мощном культурном слое. Прямо на поверхности западной стены обнаружен хум с захоронением ребенка.

На площади комнаты, под северной

стеной, примерно на глубине 1 м выявлены остатки древней стены. Нижняя стена, образовав резкий угол, поворачивала на юг по линии стены верхнего горизонта, но, не доходя до южной комнаты, она обрывалась. Сохранность нижней стены с северной стороны худшая, чем в западной части. На северной стенке сооружен очаг-камин с узким верхним дымоходом.

Комната 20 открыта к северу от комнаты 19 и имеет прямоугольную форму ( $3 \times 2,80$  м). Она оформлена в качестве жилого помещения на последнем этапе жизни на поселении. Высота стен небольшая, толщина—в два-три кирпича. Однако здесь, под толщей культурных слоев, местами вскрыты остатки стен более раннего периода. В северо-восточном углу комнаты обнаружена кормушка, стены которой стояли на материке. Она имеет квадратную форму, размер  $1,3 \times 1,3$  м. Не исключена возможность, что здесь на раннем этапе находился дворик с входом в восточной стороне. На последнем этапе на руинах древних стен появляются новые стены. Пол комнаты относится к обоним периодам существования помещения. Остатков очагов проследить не удалось.

Комната 66 ( $4 \times 2,40$  м) относится к числу помещений, вскрытых на территории квартала II. Она расположена к востоку от комнаты 20 вдоль улицы 3. Выявленные стены комнаты 66 относятся к различным строительным горизонтам. Северная, восточная и западная построены на последнем строительном этапе, о чем свидетельствует слой культурных остатков, достигающий 60 см. Однако южная стена лежит на материке. Вход в помещение—с юго-западного угла, со стороны южной стенки.

Внутри комнаты, вдоль северной ее стены, обнаружена тонкая перемычка из поставленных на ребро в один ряд сырцовых кирпичей. Такие же перемычки выявлены с западной и восточной стороны комнаты. Время возведения их более раннее, чем строительство стен северной стороны комнаты. Однако планировка и назначение комнаты пока остаются невыясненными. К югу от описываемой комнаты обнаружено еще три помещения.

Комната 64 расположена рядом с комнатой 66. Она имеет прямоугольную форму (4,40×2,50 м). Все ее стены, кроме северной, воздвигнуты на третьем строительном этапе. Вход в комнату прослежен со стороны северной стены. Внутри помещения не обнаружено каких-либо подсобных строений. Находки обычные — керамика, кость и т. п.

Комната 62 расположена рядом с комнатой 64. Она имеет прямоугольную форму (4,40×3,60 м). Южная стена помещения относится ко второму строительному горизонту, а остальные воздвигнуты на последнем этапе жизни поселения. Пол помещения, очаги и другие подсобные строения не выявлены, не обнаружен и вход в комнату.

Комната 61. Расположена к югу от комнаты 62.

Форма ее прямоугольная, размер 2,70×4,30 м. Площадь комнаты узкой перемычкой разделена в центре на две части, имеется проход, соединяющий обе половины помещения. Возведение стен комнаты относится к трем строительным горизонтам. Южная, более ранняя, лежит на материке, восточная и северная возведены на небольшой толще культурного слоя и относятся ко второму строительному этапу, западная сооружена на последнем этапе жизни на поселении. Пол комнаты, вход и внутрикомнатные сооружения обнаружить не удалось.

Комната 63 раскопана к востоку от комнаты 16 вдоль улицы 1. Она оформлена как жилое помещение на втором строительном этапе. Пол северной узкой половины помещения выстлан сырцовым кирпичом. Под западной и восточной стенами установлены четыре массивных хума. Их наружная поверхность обмазана глиняным раствором с саманом. Под южной стеной найдены остатки очага-камина. С правой боковой стороны обнаружен еще один хум. Комната имеет два входа со стороны восточной и западной стен.

Комната 65 находится к востоку от описанных помещений. Она вытянута с юга на север и имеет прямоугольную форму (4,70×2,50 м). Вход со стороны улицы 1.

Таким образом, в процессе раскопок на территории квартала II выявлено около двух десятков помещений как жилого, так и хозяйственно-бытового назначения, относящихся к различным этапам жизни на поселении. Строительство большинства жилых домов квартала осуществлялось на последнем этапе жизни на поселении.

Квартал II с западной стороны замкнут единой мощной стеной оборонительного характера, с южной отделяется от остального массива застройки поселка улицей 1, а с севера ограничивается улицей 3. Последняя вытянута с востока на запад и вскрыта в северо-западной части раскопа. На расстоянии 13 м с востока на запад она упирается в стены небольшой комнаты, построенной в юго-западном углу, затем поворачивает на север, идет вдоль южной стены комнаты 1, на расстоянии 18 м упирается в оборонительные стены и узким проходом (ширина 90 см) прорезает первую обводную стену, образуя между первой и второй обводными стенами комнату квадратной формы. Далее она прорезает насквозь вторую обводную стену. Следуя с востока на запад, на расстоянии 25 м она замыкается коридором, расположенным между второй и третьей обводными стенами. Улица 3, как и другие улицы поселения, с двух сторон (с юга и севера) отгорожена почти единой системой стен, служивших одновременно стенами для многих жилых и хозяйственно-бытовых помещений, оформленных в разное время. Во вскрытой ее части обнаружены три захоронения: первое (могила 6) — в юго-западном углу улицы, под полом небольшой комнаты, второе (могила 17) исследовано между первой и второй обводными стенами и третье (могила 44) — под южной ее стеной.

Комната, обнаруженная в юго-западном углу улицы, квадратная в плане (ее размер 2,5×2,5 м), она имеет один строительный период. Состояние ее стен плохое, они сохранились лишь на высоту не более 40 см. Все стены комнаты относятся к первому строительному горизонту и стоят основанием на материке.

Вход в комнату с востока—он узкий, шириной 50 см. Справа у входа—пристенный очаг с ошлакованными стенками и слоем золы на дне. Под полом помещения обнаружена могила б. К северной его стене пристроена маленькая комната удлиненно-узкой формы без входного проема.

Раскопки на северном участке. За пределами улицы 3 (к северу от нее) вскрыт квартал домов, замкнутый с севера и запада мощными обводными стенами. Эта группа домов, расположенных на северном участке раскопа, составляет целый массив застройки—квартал III (см. рис. 2).

В раскопанной части квартала III выявлено девять жилых помещений с двумя входными комнатами и два помещения складского характера. Раскопки по выявлению комнат данного квартала, как и других помещений, производились в разное время, поэтому их нумерация условна и не всегда последовательна.

Комната II вскрыта в юго-западном углу квартала III. С юга и запада она имеет стену полукруглой формы, сооруженную на культурном слое (толщина 8—10 см). Северная и восточная стены прямые, они воздвигались прямо на материке. Их сохранность хорошая, местами высота достигает 1 м и более. Все стены подвергались неоднократной штукатурке раствором глины с саманом. Впервые первого строительного горизонта площадь комнаты была открыта с юга и запада. Видимо, этот участок служил двором для загона скота. Не исключена возможность, что первоначально узкий проход, пересекающий первую внутреннюю обводную стену этого двора, не существовал. Его сооружение было связано с возведением стены с юго-западной стороны на втором строительном этапе. В этот период происходит оформление входной комнаты IIa.

Комната IIa имеет в плане прямоугольник, ее размер 2,60×1,20 м.

В связи с возведением в юго-западной части новой стены, большая северо-восточная часть двора приобретает вид жилого дома мастера-керамиста. Об этом свидетельствуют остатки обжигательной

печи под юго-западной стеной комнаты. Печь по форме и времени функционирования идентична и синхронна печи из комнаты 16 квартала II. Однако здесь на последнем этапе печь не функционирует. Видимо, в этот период комната уже не интересует древних людей, она становится заброшенным участком, где производятся захоронения. В западной половине помещения найдены две могилы—человека и животного—с одинаковым обрядом захоронения. Могила (13) человека, находится прямо под порогом дверного проема. К югу от нее, также под стеной, вскрыта могила животного (7). В южной части обнаружена обжигательная керамическая печь.

Комната 12 вскрыта в северо-западном углу квартала III. Она с северной стороны замкнута толстой обводной стеной. Восточная стена также массивная (шириной около 1 м), южная и западная—сравнительно тонкие. Южная стена смежная с комнатой II, западная—с небольшими помещениями складского типа. Все стены лежат на материке, они сохранились лучше, чем стены многих других помещений, вскрытых на поселениях.

Комната имеет прямоугольную форму (размер 8×4 м). Высота восточной и южной стен более 1 м, а северной и западной—около 1,5 м. Все стены с внутренней стороны тщательно оштукатурены, местами сохранилось до пяти слоев обмазки. Стены, за исключением западной, прямые, а западная несколько наклонена во внутрь. В ней вскрыт очаг-камин шириной 80 см, глубиной 60 см с узким дымоходом. На дне очага сохранился толстый слой золы; рядом, с левой стороны, выгребная яма, заполненная также золой.

Вход в комнату—в юго-западном углу. С левой стороны ступенчатого входа, под западной стеной, обнаружен выступ типа высокой супы, сложенный из сырцового кирпича. Его поверхность тщательно обмазана раствором глины с саманом. Размер супы—1,40×1,30 м, высота—более 1 м. Почти в центре комнаты, под полом, вскрыто захоронение с двумя ступенчатыми дромосами. Север-

ная половина площади комнаты выстлана сырцовым кирпичом. В северо-западном углу, в западной стене, обнаружено сквозное отверстие в виде неправильно прямоугольника, которое, как выяснилось позже, было входом в складские помещения 12а и 12б. Они с двух сторон — северной и западной — замыкались широкими обводными стенами, а с восточной — ограничивались западной стеной комнаты 12.

Снимая верхнюю часть комнат 12а и 12б на один штык лопаты, нам не удалось оконтурить стены и выявить рыхлое внутрикомнатное заполнение. Тогда мы продолжили расчистку внутрикомнатных заполнений сбоку, со стороны входного отверстия комнаты 12.

Комната 12а. Выявив контур входного отверстия, мы приступили к расчистке внутрикомнатного заполнения. Здесь обнаружен довольно чистый рыхлый слой, почти не содержащий фрагментов керамики. Были выявлены восточная, северная и западная стены с их внутренней стороны. В процессе снятия рыхлого слоя выяснилось, что потолок комнаты не подвергся разрушению. Помещение имело плоскую крышу, его перекрывали арчевые балки, сверху оно было покрыто вначале ветками, потом соломой и кирпичом. Местами сохранились остатки трухлявых балок, обуглившиеся ветки и отпечатки соломы.

Вдоль восточной стены комнаты выявлена маленькая пристройка, боковые стенки которой сложены из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро водни ряд. Внутри пристройки обнаружена яма, где установлен большой хум, заполненный рыхлым слоем земли. На полу комнаты, под ее восточной стеной, были обнаружены кости животных весьма хорошей сохранности.

На расстоянии 3,5 м к югу от северной стены выявлена поперечная стена со сквозным отверстием в центре. Оно имеет почти квадратную форму (65 × 60 см). После полного вскрытия выяснилось, что раскопанная комната являлась складским помещением, где хранилось зерно, и, очевидно, молочные продукты. Ее размер — 3,5 × 1,3 м.

Комната 12б (3,5 × 1,5 (1,3) м) обнаружена к югу от описанного склада. Она как бы продолжала его. При расчистке внутрикомнатных рыхлых заполнений потолок помещения провалился, но трухлявые остатки балок от крыши сохранились в гнездах боковых стенок. Судя по расположению балок, плоское перекрытие имело уклон с севера на юг. Оно упиралось в узкий проход комнаты 12, при этом боковые стенки не понижались в соответствии с уровнем потолка.

На полу южной половины комнаты 12б, где потолок был ниже (60 см высотой), чем в ее северной части (1,20 м), обнаружено большое количество костей животных. Стены комнат, как той так и другой, были тщательно обмазаны несколько раз, о чем свидетельствуют остатки слоев штукатурки.

На площади квартала III, в его восточной части, открыты еще восемь помещений.

Комната 21 вскрыта вдоль улицы 3, к востоку от комнаты 11. Она имеет в плане прямоугольник (5,5 × 3,5 м). Вход в помещение первоначально был со стороны восточной стены, а затем с южной. Здесь, под южной стеной, находились супа и хум, заполненный рыхлым слоем земли. В северо-западной части комнаты вскрыта другая супа. В центре, под западной стенкой, обнаружен еще один хум. Обе супы сложены из сырцового кирпича и имеют тщательно поверхность облицовку. Их высота не менее 40 см от пола комнаты (рис. 8).

При расчистке внутрикомнатного заполнения выяснилось, что все без исключения стены построены на материке и имеют относительно хорошую сохранность, их высота не менее 60 см. В середине восточной стены открыт очаг-камин с узким дымоходом прямоугольной формы. Очаг имеет ширину 70 см, глубину 60 см. На его дне сохранился толстый слой золы с несколькими тонкими прослойками. Нижние прослойки имеют окраску бледновато-серого цвета, в верхних встречается большое количество угольков.

Заполнение комнаты в целом состоит из толстых рыхлых слоев земли. Оно содержит большое количество керамики, костей и другого материала. Не исключена возможность, что комната 21 как жилое помещение функционировала на всех этапах жизни на поселении.

Вход, относящийся к последнему этапу, обнаружить не удалось. На первом этапе выявлен дверной проем, ведущий в комнату 24. Все стены помещения тщательно оштукатурены, местами наблюдаются следы нескольких слоев штукатурки. Комната 23 как жилое поме-

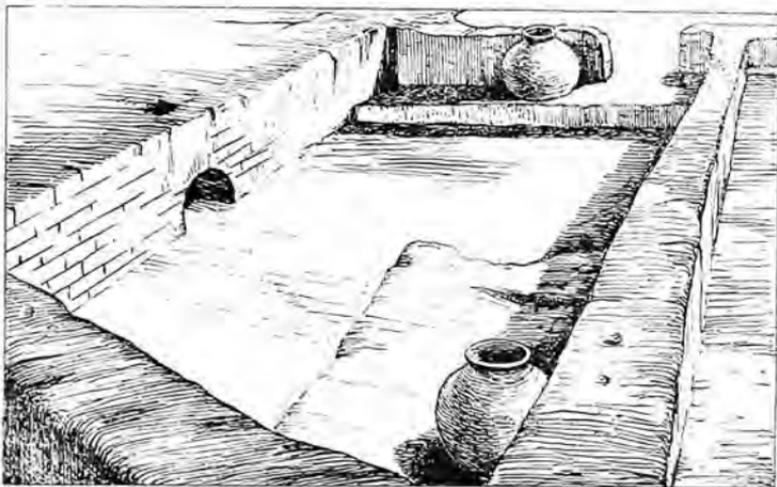


Рис. 8. Планировка комнаты 21, вид с северо-запада.

Комната 22 вскрыта к северу от предыдущей и имеет прямоугольную форму (размер  $2,3 \times 3,7$  м). Сохранность стен достаточно хорошая, высота не менее 1 м, стены стояли на материке. При расчистке внутрикомнатного заполнения остатков очагов и каких-либо других внутрикомнатных сооружений, обнаружено не было.

Комната 23 расположена к северу от 22, она имеет почти квадратную форму (размер  $4,5 \times 3,90$  м). Все стены стоят на материке. При разборе внутрикомнатного заполнения на глубине 1,20 м от поверхности стен был зафиксирован пол помещения. Вход в комнату на первом и втором этапах был со стороны восточной стены, на третьем—его заложили кирпи-

щение функционировала на всех этапах жизни на поселении.

Комната 24 обнаружена к северу от комнаты 23 вдоль северной обводной стены и оформлена на первом строительном этапе. Она имеет удлиненно-прямоугольную форму (в виде коридора), ее размеры: длина 6,20 м, ширина нижней части стен 2 м, а ширина верхней части стен на 20 см меньше, чем нижней за счет изгиба северной стены внутрь комнаты. Внутрикомнатные заполнения отличаются от заполнения других помещений, во-первых, рыхлостью, легкостью и зеленоватым оттенком, во-вторых, богатством содержания археологических материалов и наличием целых сосудов. Аналогичное рыхлое культурное запол-

нение отмечалось в комнатах 12а и 12б. Состояние всех стен хорошее (высота до 1,5 м), отлично сохранилась штукатурка, особенно на северной стене. Она саманная, гладкая—поражает высокое качество работы древних мастеров.

Вход в комнату на первом этапе был со стороны южной стены, на последующих этапах дверной проем выявить не удалось.

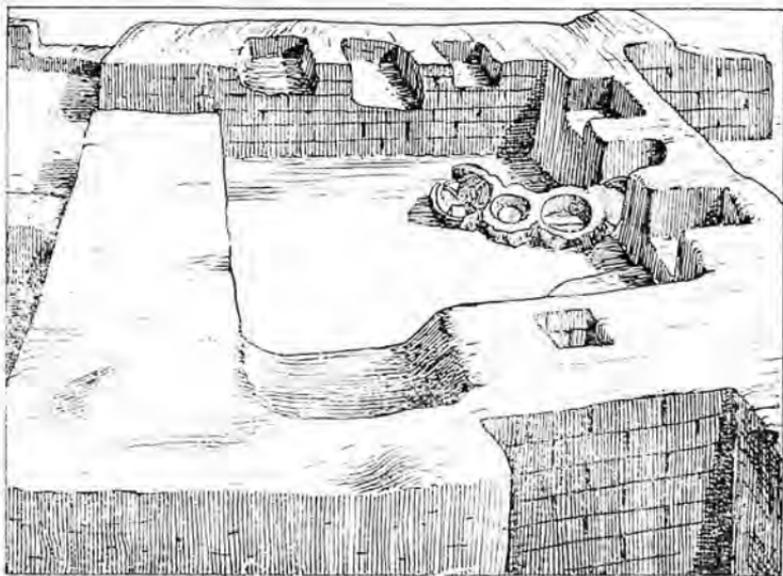


Рис. 9. Планировка комнаты 52, вид с севера.

Комната 52. Вскрыта на участке квартала III. Она расположена вдоль улицы 3, к востоку от комнаты 21. Внутрикомнатное культурное заполнение—рыхлое, довольно четко окомуривались все стены помещения. Форма его квадратная в плане (размер 2,50×2,60 м). Высота сохранившихся стен до 1 м (Рис. 9). На первом этапе от этого помещения в соседнюю комнату (21) вел дверной проем, но его заложили, а новый был пробит в юго-восточном углу. В комнате выявлены три круглых очажка, ус-

тановленные в один ряд. Они выполняли функции рудоплавильных печей. Один из очажков разделен на две части тонкой кирпичной перемычкой, в другом находился разбитый кувшин. На дне всех очажков обнаружен слой золы. Внутренняя сторона стенок была сильно ошлакована до грязно-зеленого цвета. На дне двух очажков обнаружены крупицы металла с зеленым окислением.

Южная стена комнаты имеет три ниши глубиной до 40 см. Аналогичные ниши обнаружены и в западной стене. В одной из них (центральной) стояла разбитая на куски большая ваза на высокой ножке. Глубина ниш, расположенных в западной стенке, в среднем 50 см. Стенки всех ниш, как южных, так и западных, подвергались неоднократной штукатурке. В северной стене располагался очаг-камин с небольшим квадратным дымоходом. На дне очага—толстый слой золы. По левую сторону—внутрикомнатная при-

стройка с тонкой глиняной перегородкой, справа в стене еще одна ниша.

Комната 53 вскрыта к северу от комнаты 52, стены которой относятся к первому строительному периоду. Ее западная стена довольно мощная, а остальные три—сравнительно тонкие, стоят на материке. Все стены тщательно штукатурились несколько раз. Вход в комнату с юго-восточного угла. В центре помещения имеется перемычка—стена в один кирпич, сложенная на втором этапе. От этой комнаты идут дверные проемы помещения 22 и 54, где не были выявлены остатки очагов или каких-либо других внутрикомнатных сооружений.

Комната 54. Она расположена к северу от помещения 53, имела в плане удлиненно-прямоугольную форму (размер 5×1,40 м). Выявленные с северной и западной стороны стены построены на материке. Они сохранились значительно лучше (высота около 1 м), чем две другие. В восточной части комнаты вскрыты остатки стен двух строительных этапов: одна длиной более 5 м относится к первому строительному периоду, вторая—обнаружена за пределами первой стены и сооружена на небольшой высоте культурных остатков, что указывает на более поздний период ее возведения. Первая стена, по всей вероятности, не имела никакого отношения к оформлению комнаты 54.

При разборе внутрикомнатного заполнения под западной стеной обнаружено два захоронения. Первое—скелет грудного ребенка, захороненный в кувшине, второе найдено в стене. Недалеко от второго захоронения стоял кувшин вытянутой формы с золотой. Рядом с ним находился сильно разрушенный пристенный очаг.

Таким образом, в процессе раскопок на территории квартала III обнаружено девять помещений и две комнаты типа склада, относящихся к различным этапам строительства поселка. Преобладающее большинство жилых и хозяйственно-бытовых помещений сооружено на первом этапе жизни на поселении и лишь некоторые комнаты достраивались на втором.

Полностью выявлены северная и западная границы квартала, замкнутого мощными стенами оборонительного характера. С южной стороны квартал ограничивается улицей 3, отделяющей его от остального массива застройкой поселка. Его восточной границей служил узкий коридор, за пределами которого начинался новый квартал.

Раскопки по выявлению западных обводных стен поселка. Полное вскрытие трех рядов оборонительных стен в западной части крепости является частью археологических работ по изучению жилищ поселка Сапаллитепа.

Первая внутренняя обводная стена обнаружена еще в 1969 г. Однако ее полное выявление как в ширину, так и в длину завершилось во время полевых работ 1971 г. (Рис. 10) Длина стены—62 м, ширина—более 1,7 м, сохранившаяся высота достигает 1,5 м. Стена сооружена из сырцового кирпича крупного размера. Ее поверхность подверглась неоднократной штукатурке с саманной глиной. Стену на протяжении всей ее длины в двух местах насквозь прорезали входные проемы, ведущие во внутрь крепости. Следует отметить, что сооружение входных проемов относится к более позднему времени, чем строительство самой стены—ко второму, третьему этапам строительства поселка.

В процессе археологических работ подверглись вскрытию вторая и третья обводные стены. Длина второй стены—76 м, ширина как той, так и другой одинакова, высота—от 60 см до 1 м и более. Длина третьей кольцевой стены достигает 82 м. Она сильно разрушена с южной и северной оконечности, и ее по всей фактической длине проследить не удалось. Почти в центре стены имеется входной проем шириной 120 см, существовавший лишь на первом строительном этапе. С южной стороны у входа выявлены остатки какого-то сооружения, имеющего в плане полукруглую форму. Все обводные стены построены на материке и тщательно обмазаны.

Между тремя рядами оборонительных стен образовалось два параллельно расположенных обводных коридора. Один из них состоял из трех крупных частей, второй—из двух, отделенных друг от друга мощными поперечными перегородками, построенными одновременно с об-

мени возведения стен второго строительного горизонта обводные коридоры интенсивно перестраивались под жилые помещения, в связи с чем появляются сравнительно узкие поперечные стены, построенные на толще культурных заполнений внутри коридоров. В процессе



Рис. 10. План западных обводных стен, вид с севера.

водными стенами. Обводные коридоры внутри каждого подразделения, начиная со второго строительного этапа, разбивались на несколько больших и малых помещений как жилого, так и хозяйственно-бытового назначения.

Интересно, что между поперечными широкими стенами образовались три небольших проходных комнаты. Две из них расположены по линии первого (внутреннего) коридора, а одна—по полосе второго. Следует отметить, что со вре-

вскрытия обводных коридоров в западной части крепости было выявлено девятнадцать комнат (26, 26-а, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 37-а, 38, 39, 40, 41 и 42), имеющих как жилое, так и хозяйственно-бытовое назначение.

Комната 26 вскрыта по внутреннему обводному коридору. Она с трех сторон (с юга, запада и востока) замкнута обводными стенами поселка. В связи с возведением поперечной стены в северной ее части, она получает оформление

как жилое помещение, удлиненно-прямоугольной формы (размер 11,5×3 м). Внутри комнаты обнаружено, как обычно, большое количество материалов, основную массу которых составляют обломки глиняных сосудов. Под восточной стеной комнаты выявлен очаг-камин с большим слоем золы. Очаг состоит из двух горизонтов, т. е. имеет два пола, что свидетельствует о длительности его функционирования. Заполнение очага в разрезе следующее: на глубине 80 см от дневной поверхности восточной стены наблюдается тонкий слой глиняной обмазки, которая производилась по кладке кирпичной стены. Кирпичная кладка розовато-красного цвета с сероватым оттенком, что свидетельствует о длительном действии огня в очаге. Выше обмазки находится слой золы в 12 см. Затем идет выстилка кирпичей в один ряд, плашмя. Она серовато-красного цвета, потом опять обмазка и слой золы в 22 см. Обгоревшие кирпичи как на полу, так и в боковых стенках очага легко рассыпаются. Выше верхнего горизонта золы лежит рыхлый слой земли толщиной 8 см. Очаг имеет узкий верхний дымоход со следами сильной закопченности. Внутренняя часть очага обмазывалась. Ширина его устья 90 см, глубина—70 см, высота (от пола до потолка)—80 см.

Таким образом, напластования слоев в разрезе очага свидетельствуют о том, что он имел два строительных периода и возник с появлением стены на северной стороне комнаты и продолжал, видимо, существовать до конца жизни на поселении.

В комнате на трех ее участках обнаружены следы скопления кострищ. Вокруг них не найдено обломков кирпичей и других строительных материалов, свидетельствующих о наличии очагов. На уровне кострищ под западной стеной открыто погребение (могила 27). Еще одно погребение обнаружено на восточной стене (могила 26).

Комната 26-а расположена к югу от предыдущей. Все ее стены капитальные и относятся к первому строительному горизонту. Она имеет в пла-

не прямоугольную форму (размер 2,80×3 м), вход—со стороны западной стены. Первоначально ее восточная стена была целая, но позднее в ней прорубили проем, а в юго-восточном углу пристроили супу размером 1×1 м, при высоте до 1 м. Пол комнаты сильно разрушен, он сохранился лишь в южной части. На площади комнаты обнаружена могила (17). В связи с появлением входного проема в восточной стене комната 26а становится проходным двором, через который обитатели поселения проходили во внутрь поселка.

К югу от комнаты 26а по внутреннему обводному коридору (вторая часть внутреннего коридора) между двумя мощными поперечными стенами выявлены еще три комнаты. Возведение поперечных стен относится ко второму и третьему строительным горизонтам.

Комната 27. Она имеет прямоугольную форму, размер 14,80×3 м. Помещение с трех сторон окружено капитальными стенами. С южной стороны на последнем этапе жизни поселка появляется поперечная стена шириной 1,2 м, стоящая на толще мощного культурного слоя (около 1 м). Сохранность стены плохая. Сохранившаяся высота стены—не более 40 см, западная ее часть подверглась полному разрушению. Видимо, здесь находился входной проем в следующую комнату. На площади помещения обнаружено пять захоронений, два из них (могила 18 и 22), видимо, относятся к первому строительному горизонту, два других (могила 20 и 21)—ко второму этапу строительства поселка и последнее (могила 19)—к третьему.

При разборке внутрикомнатного культурного заполнения, представляющего рыхлую, сильно гумусированную землю с обилием находок, других внутрикомнатных сооружений (очага, печи, супы и т. д.) обнаружить не удалось. Пол комнаты также не прослеживался. Не исключена возможность, что эта часть коридора была жилым помещением.

Комната 28 расположена к югу от комнаты 27 по коридору.

Первоначально (на первом этапе) она была частью длинного коридора. На вто-

ром этапе жизни на поселении с южной стороны сооружается стена с дверным проемом. При этом северная сторона комнаты остается открытой. На последнем этапе обживания поселка с северной стороны также воздвигается стена, которая придает комнате квадратную форму (размер  $3 \times 3$  м). В этот период в следующую комнату (б) пробивается через внутреннюю обводную стену входной проем шириной 70 см. На площади комнаты следов очагов и других хозяйственно-бытовых внутрикомнатных сооружений обнаружить не удалось. Однако под западной стеной, у северного входа, было найдено захоронение (могила 23), которое, по всей вероятности, относится к последнему этапу строительства поселка.

Следует особо подчеркнуть, что пол комнаты хорошо сохранился, его ровная поверхность обмазана глиняным раствором с примесью известня и сглажена до блеска. Хорошо сохранилась штукатурка стен, особенно с южной стороны. Она состоит из трех слоев обмазки. На полу — толстый слой угля, особенно в восточной части комнаты. Под полом — гумусированный слой земли толщиной до 50 см.

Комната 29 вскрыта в южной части описываемого коридора. Она имеет в плане прямоугольную форму ( $5,80 \times 3$  м). С южной стороны помещение замкнуто мощной стеной, построенной одновременно с обводными стенами поселка. Стена с севера возникла на втором этапе. Комната имеет явные признаки обживания в два периода. Первый — это очаг-камин, сооруженный в северо-восточной стене комнаты. В нем слой золы толщиной более 10 см. Камин тщательно обмазан глиняным раствором с примесью самана. Второй — скорее всего печь (типа камина), она расположена в восточной стене и имеет два яруса. Нижний — является топочной камерой, на дне которой обнаружен толстый слой золы. В центре устья топочной камеры находился глиняный столбик, который служил опорой для пода печи. Второй ярус представляет собой так называемую обжигательную камеру. Кроме очага и

печи на площади комнаты найдено захоронение (могила 24), относящееся, видимо, к последнему этапу жизни на поселении. Внутрикомнатное культурное наполнение содержит большое количество материалов, как и предыдущие помещения, что свидетельствует об интенсивном обживании площади комнаты на всех ее этапах.

Комната 30 относится к числу помещений, окруженных монументальными стенами. Она расположена к югу от комнаты 29, имеет почти квадратную форму ( $3 \times 2,80$  м) и входное отверстие со стороны западной стены. В отличие от проходной комнаты 26-а, она во все периоды своего существования оставалась помещением складского типа. Об этом свидетельствует отсутствие сквозного проема со стороны восточной стены, наличие специальных зернохранилищ внутри комнаты, под ее северной стеной, состоящих из двух подразделений размером  $1,5 \times 80$  см. Пол внутрикомнатных построек облицован фрагментами глиняных сосудов, что говорит об использовании их в качестве зернохранилищ.

К югу от комнаты 30 вскрыта третья часть внутреннего обводного коридора. Его южная сторона была открыта (результат окончательного разрушения), а остальные три (северная, восточная и западная) окружены мощными капитальными обводными стенами. На расстоянии 12,5 м коридор ответвляется на восток, сохраняя свою ширину. При строительстве капитальных стен во внутренней части коридора никаких перегородок и пристроек не сооружалось. Коридор подвергся перестройке лишь на последующих этапах обживания территории поселка. Было оформлено четыре жилых комнаты.

Комната 31 — первая из них. Она имеет прямоугольную форму и входной проем (80 см) в юго-западном углу. Размеры комнаты  $4,3 \times 3$  м. Все ее стены, кроме южной, капитальные, их высота не менее 1 м. Южная стена сравнительно тонкая (толщина — 70 см) — она построена на сорокасантиметровом толще культурного слоя и относится ко второму этапу строительства поселка. Пол поме-

шения, сделанный на втором этапе, обнаружен на глубине 1 м от дневной поверхности восточной стены. Он тщательно обмазан известковым раствором глины толщиной около 10 см. Все стены заштукатурены глиняным раствором с примесью самана, штукатурка особенно отчетливо прослеживается в южной стене. В этой же стене сделан очаг-камин размером 80×40 см. На его дне обнаружен толстый слой золы (около 20 см) с фрагментами обожженных костей животных.

Комната 32 открыта к югу от комнаты 31. Как жилое помещение она оформлена на втором строительном этапе. Обе ее поперечные стены стоят на значительной толщине культурного слоя (40 см). Однако южная стена очень плохой сохранности. Пол комнаты этого периода, как и помещения 31, обнаружен на глубине 1 м от дневной поверхности восточной стены. Все стены подверглись тщательной штукатурке.

Помещение с двух сторон (южной и северной) имеет дверные проемы. На площади комнаты, под восточной стеной (примерно в ее середине) выявлена кака-то печь глубиной 80 см при ширине 1 м. В отличие от очагов-каминов в ней прослеживается два яруса. Нижний является, видимо, топочной камерой, ее высота около 40 см. В центре, у устья печи, глиняный столбик, который служил опорным столбом пода. Выше пода—обжигательная камера с почти полуovalным потолком, внутренняя поверхность которого, как и боковой стенки, подвергалась тщательной обмазке. Под печи сделан из сырцовых кирпичей, положенных плашмя в один ряд. Между кирпичами—щели шириной до 2 см, специально оставленные для прохождения горячего воздуха из топки в обжигательную камеру. Кирпичи, служившие подом печи, обожжены докрасна—результат непрерывного горения огня. Расстояние от пода до потолка обжигательной камеры не менее 40 см.

Комната 33 выявлена к югу от описываемого помещения. Она имеет два дверных проема и оформлена, как и предыдущая, на втором строительном

этапе. Комната квадратная по форме (3×3 м). Судя по структуре внутрикомнатных культурных заполнений, здесь, видимо, произошел пожар, так как перекрытие помещения с камышовой застилкой и глиняной обмазкой упало на пол, о чем свидетельствует слой горелых камышовых растений. При расчистке и разборке мощного рыхлого заполнения по всей площади помещения остатков очагов, печи и захоронений обнаружить не удалось.

Комната 34—закрывающее помещение по полосе внутреннего коридора. Она служила, по всей вероятности, скотным двором, о чем свидетельствует толстый слой позеленевшего навоза. При раскопках комнаты каких-либо следов от пола проследить не удалось. Лишь изредка встречались отдельные обломки сосудов, фрагменты костей животных и т. д.

Как уже отмечалось, внешний западный коридор состоял из двух замкнутых частей, разделенных мощными капитальными поперечными стенами. Между ними образовалась узкая входная комната. Многочисленные поперечные стены, разделившие обе части коридора на несколько комнат различного размера, выявились на втором строительном этапе.

Комната 35 расположена в южной хвостовой части коридора. Ее южную границу установить не удалось, так как обе продольные капитальные обводные стены в угловой части крепости сравнялись с дневной поверхностью земли. Комната прямоугольная в плане, ее размеры 7 (?) × 3 м. Пол в ее южной половине облицован кирпичом в два ряда, северная половина заполнена горелой землей (толщина слоя 35 см). Высота стены к югу резко снижается, вклиниваясь в поверхность земли. В северо-западном углу помещения обнаружена сула размером 1,20×1 м. В северо-восточной части комнаты сооружены две кладовые. Размер первой—100×90 см при высоте стен 80 см; а второй—100×90 см при высоте стен 70 см.

Комната 36 расположена к северу от помещения 35. Она прямоугольная, размеры 10,30×3 м. Все стены (кроме северной, которая стоит на культурном

слое) покоятся на материке. Значительная площадь комнаты выстлана кирпичом. Вход в нее—со стороны южной стены. Почти в центре западной стены прослеживаются следы сильного горения штукатурки до красного цвета, кое-где заметна сажа. Сооружений какого-либо хозяйственно-бытового назначения здесь не обнаружено. В середине восточной стены—очаг-камин с дымоходом, на его дне мощный слой золы. Глубина очага—80 см, высота—100 см, ширина—90 см. На всех его стенах хорошо сохранились два слоя саманной штукатурки. Очаг имеет два горизонта золы. Толщина нижнего золного слоя—4—5 см. Выше него выстланы в один ряд обгорелые кирпичи, еще выше—другой слой золы с угольками, толщиной 8 см. К северу от очага—круглая яма глубиной 80 см, диаметр 75 см.

Комната 37 вскрыта к северу от предыдущей. Она прямоугольная, размером 3×4 м. Обе поперечные стены подстилают небольшой культурный слой толщиной до 10 см. С северо-восточного угла помещения обнаружен вход в комнату шириной 1 м. В комнате прослеживаются два строительных этапа. Пол первого (верхнего) этажа обнаружен на глубине 80 см от поверхности восточной стены, второго (нижнего)—на глубине 1,10 м. В северо-западном углу помещения вскрыто детское захоронение (37). В юго-западном углу—другое детское захоронение (31).

Комната 37-а—входная для помещений 30, 37 и 38. На ее площади нет никаких строений (размеры 1,60×3 м).

Комната 38 вскрыта к северу от 37а. Она прямоугольная (11,5×3 м). В ее юго-восточной части обнаружены остатки двух стен в виде выступа. Оба «отростка» сооружены гораздо позже, чем основные стены. В одном из них обнаружена массивная зернотерка. Пол комнаты со стороны обмазки прослеживается на глубине 90 см от поверхности восточной стены. Под восточной стеной вскрыта мелкая пристенная яма. В комнате имеются еще две ямы. Одна из них находится под западной стеной. Она круглая, диаметр—45 см, глубина—20 см.

Другая обнаружена в северо-восточном углу помещения под северной стеной. Диаметр ее—50 см, глубина—30 см. В юго-западной части помещения 38 вскрыты два захоронения. Одно (35)—катакомбное, другое—ямное (36).

Комната 39 обнаружена между двумя частями внешнего коридора. Она прямоугольная (4,50×2,90 м), проходная, имеет входной проем в центральной части внутреннего коридора. В северо-восточном углу помещения вскрыт небольшой очаг с сильно ошлакованной стенкой, его размер 70×32 см, глубина—50 см.

Вдоль северной и южной стен протянулись узкие супы (50 см), построенные из сырцового кирпича в два ряда, высотой 28 см.

Из коридора, расположенного к северу от входной комнаты (длина—26,5 м), сделано три жилых комнаты.

Комната 40—первая из них. Она удлиненно-прямоугольной формы (12,70×3 м). Все ее стены (кроме северной) капитальные, они сложены на материке и лишь северная, узкая, подстилает небольшой слой культурных остатков.

Под восточной стеной обнаружена печь типа камин с толстым слоем золы на дне топки. Она имеет почти квадратную форму и глиняный столбик в центре—на него опирались кирпичи от пода. Печь двухъярусная. Нижний ярус—топка, верхний—обжигательная камера. Об этом свидетельствуют ошлакованные стенки верхней камеры печи. Высота топки—40 см, сохранившейся части камеры—около 30 см. К северу от печи обнаружено захоронение 33.

Комната 41 вскрыта к северу от предыдущей. Она прямоугольная, размером 3×7,10 м. Возведение двух стен—северной и южной—относится ко второму этапу. Вход в комнату (90 см) расположен в северо-западном углу помещения. Под восточной стеной обнаружены очаг-камин с дымоходом. Ширина очага—80 см, глубина—85 см. Рядом вскрыто третье захоронение—детское (32).

Комната 42 находится к северу от 41. Она прямоугольная, размером 6×

×3 м, оформлена как жилое помещение на втором строительном этапе. Разрез заполнения комнаты показал, что пол имеет два периода. Первый (нижний) — на глубине 90 см, около основания восточной стены, второй (верхний) — на глубине 80 см. Пол того и другого горизонтов обмазан глиной. Вход в комнату расположен в юго-западном углу, его ширина 80 см. Комната с южной стороны отгорожена стеной, от которой сохранился лишь один ряд кирпичей. В северо-западной части помещения имеется круглая яма диаметром 70 см и глубиной 60 см. На ее дне обнаружена большая ваза без ножки. Стены ямы тщательно оштукатурены, кое-где прослеживается как бы каменная облицовка со следами обжига. Видимо, яма служила сандалом или тандыром. По мнению старожил, она могла быть калипом для изготовления тандыров.

Под восточной стеной комнаты обнаружен очаг-камин. Он прямоугольной формы, имеет два горизонта дна. Нижний меньше верхнего. Размеры очага нижнего горизонта 80×60 см, верхнего — 100×60 см. На дне очага верхнего горизонта сохранился пепел слоем 20 см, нижнего — 5—6 см. В северо-восточном углу помещения обнаружена кладовая (110×85 см). Она сооружена из одного ряда кирпичей, поставленных на ребро.

Таким образом, при раскопках западных обводных стен и коридоров исследовано девятнадцать помещений различного назначения. Большинство из них оформлены на втором строительном этапе. Три параллельно расположенных обводных стены явились основой для оформления всех комнат.

Раскопки по выявлению северных и южных кольцевых стен поселка. В процессе четырех сезонов полевых исследований на южном и северном участках крепости выявлены остатки трехрядовых обводных стен и коридоров.

Северный внутренний коридор первоначально составлял единую систему с внутренним западным коридором. Однако на втором этапе строительства поселка западная его часть (в объеме

18 м<sup>2</sup>) заполняется обработанной глиной на глубине 80 см. Ниже глиняной забутовки идет двадцатисантиметровое культурное заполнение. Внутри глиняного заполнения нет кирпичной кладки или обломков кирпичей. По линии внутреннего северного коридора вскрыта лишь одна комната 25, а по внешнему — четыре — 43, 44, 45, 46.

Комната 25 имеет удлиненно-прямоугольную форму (размеры 3×9 м), сохранность стен хорошая. Южная ее стена сохранилась на высоту 1,5, а северная — на 1,3 м. Аналогичная мощная стена обнаружена и в восточной стороне комнаты. Все стены подвергались неоднократной обмазке глиняным раствором с примесью самана. Внутрикомнатные культурные заполнения оказались мягкими, рыхлыми. Здесь скопилось много слоев вековой пыли с золой. Сильно гумусированное заполнение комнаты содержит значительное количество обломков хозяйственно-бытового инвентаря и кухонных отбросов. В верхней части северной стены расчищен очаг размерами 50×80 см и глубиной около 40 см от дневной поверхности стены, относящейся к последнему строительному горизонту обживания поселка.

По линии внешнего северного коридора было выявлено три достаточно хорошо сохранившихся помещения и одно сильно разрушенное.

Комната 43 находится в северо-западном углу укрепленной части поселения. Выявлены часть южной и восточной стен, причем обе они небольшой высоты. Первая стоит на материке, вторая подстилает культурный слой. Северная стена сильно разрушена, особенно в западной ее части, где она сравнивается с поверхностью земли. В помещении нет очагов и других внутрикомнатных сооружений. На площади комнаты обнаружено мало керамических материалов, причем все они только в фрагментах.

Комната 44 вскрыта к востоку от 43. Она прямоугольная в плане, ее размеры 3×2,80 м. Сохранность стен различная. Здесь также не обнаружено очагов и других внутрикомнатных сооружений. Пол выслан кирпичом, в заполне-

нии комнаты найдено большое количество материалов — керамики, кости и других.

Комната 45 вскрыта к северу от помещения 44. Она прямоугольная в плане, ее размеры  $3 \times 7,70$  м. Почти в середине южной стены находится очаг-камин с дымоходом. Высота устья очага—70 см, ширина—80 см, глубина—90 см. Внутри очага, кроме золы, обнаружены две глиняные подставки. Одна из них имеет форму цилиндра, другая—конусовидная с четырьмя гранями. Вход в помещение—со стороны восточной стены. Продольные стены комнаты капитальные, стоят на материке, а поперечные—на культурном слое. Толщина культурного слоя под западной стеной—5—10 см, под восточной—20 см и более. Комната имеет два периода жизни. На третьем строительном этапе в ее восточной части появляется перегородка, что уменьшило первоначальную длину помещения. Западная стена сооружена раньше восточной, но позже, чем южная и северная.

Комната 46 находится к востоку от помещения 45.

Она прямоугольная в плане, размеры  $3 \times 5$  м, оформилась как жилое помещение из третьем этапе. Вход в комнату—со стороны западной стены.

В юго-западном углу помещения обнаружено детское захоронение, в северо-восточном—скопления костей животных. Заполнение довольно рыхлое, в нем много золы, мусора и обрывков производства. Видимо, на последнем этапе жизни на поселении площадь комнаты использовалась под мусорную свалку.

Таким образом, раскопки в северной части крепости показали, что мощные кольцевые стены с обводными коридорами окружали поселок и с северной стороны. Они сооружались одновременно с трехрядными капитальными стенами в западной части поселения.

Вскрытия обводных стен и коридоров на южной окраине крепости показали, что внутренняя южная обводная стена соединяется с внутренней западной обводной стеной, обрываясь в 22 м от своего начала. Вторая южная обводная стена западным концом отделяется от

второй западной стены и, образовав острый угол, поворачивает на юг. Третья южная обводная стена сохранилась в северной части всего лишь в один или два кирпича, а ее южная часть сровнялась с поверхностью земли.

На этом участке поселения обнаружено два ряда параллельно расположенных обводных коридоров. Первый (внутренний) составляет единую систему с западным внутренним коридором, второй с западного конца замкнут мощной капитальной стеной. Архитектурное оформление южных коридоров и кольцевых стен происходило одновременно с оформлением обводных стен и коридоров в других частях крепости.

На втором строительном этапе у западного устья первого (внутреннего) коридора на мощной толще рыхлого культурного слоя воздвигается поперечная стена, отделяющая южный коридор от западного. При этом оставлен дверной проем шириной 80 см. На поверхности культурного заполнения коридора, на уровне основания новой поперечной стены, прослеживается обмазанный пол, относящийся ко второму строительному горизонту. Этот пол был расширен в пределах 32 м по южному внутреннему коридору.

Комната 50. Она вскрыта при продолжении окуривания первого (внутреннего) южного коридора, на расстоянии 14 м от западного его устья. Имеет квадратную форму ( $3 \times 3$  м). Вход в нее—со стороны южной стены.

В западной половине помещения выявлена внутрикомнатная пристройка размерами  $80 \times 1,60$  см, находящаяся между двумя супами, квадратная в плане. На противоположной к входному проему стороне обнаружена пристенная яма, где было найдено несколько сохранившихся костей мелкого рогатого скота. В северо-восточном углу комнаты вскрыто захоронение (39), относящееся ко второму этапу жизни на поселении. В юго-восточном углу, изолированном перегородкой, площадью более  $1 \text{ м}^2$  найдено несколько целых глиняных сосудов.

За мощной капитальной стеной к востоку от комнаты 50 вскрыто продол-

жение внутреннего южного коридора. Эта его часть получила условное название — комната 60.

Комната 60 — прямоугольная, с трех сторон она отгорожена мощными стенами, следов четвертой поперечной стены в восточной стороне помещения пока не обнаружено. Значительная часть северной стены подверглась сильному разрушению. Вся площадь комнаты заполнена почти стерильным песком, она бедна археологическим материалом.

В северо-восточном углу комнаты обнаружили большой хум, а рядом глиняный тазик (рис. 11). Снаружи поверхность хума до середины тулова тщательно обмазана, нижняя половина врыта в землю. В юго-восточном углу помещения установлен другой хум, от которого сохранилась лишь нижняя часть. В северной стене — очаг-камин. Он квадратной формы (ширина — 80 см, высота — 60 см, глубина — 60 см). В очаге — толстый слой золы (30 см). По разрезу заполнения



Рис. 11. Хум для хранения мяса.

При раскопках второго (внешнего) южного коридора вскрыты четыре помещения 47, 48, 49, 51, оформившиеся как жилые на втором строительном этапе жизни на поселении.

Комната 47 находится в юго-западном углу коридора. Имеет в плане почти квадратную форму (3,60×3 м). Вход в комнату шириной 140 см, выявлен со стороны восточной стены. Толщина последней — 185 см, длина — 160 см. Мощные западная и южная стены в то же время являются обводными для поселения.

прослеживается только один период жизни комнаты.

Комната 48 вскрыта к востоку от 47. Как жилое помещение она оформилась на втором этапе строительства поселения. Помещение имеет в плане прямоугольник (4,50×3 м). В северной стене обнаружен очаг-камин с узким дымоходом шириной 80 см, глубиной 60 см и высотой от дна до потолка 60 см. Внутри очага оказался слой золы до 50 см и много обломков прокаленных докрасна кирпичей.

Рядом с очагом (к востоку от него), под северной стеной, обнаружено захоронение (29). Другое захоронение (могила 38) исследовано под южной стеной комнаты. В комнате с двух сторон имеются входные проемы. Первый (с восточной стены) функционировал на втором этапе существования помещения. На последнем этапе проем заложили кирпичом и прорыли новый со стороны западной стены.

Комната 49 вскрыта к востоку от предыдущего помещения. Она имеет форму прямоугольника с входным проемом с восточной стены. Ее размеры—3,6×2 м. Поперечные стены комнаты построены на втором этапе. Внутри она заполнена рыхлым слоем земли с незначительными находками. Никаких внутрикомнатных хозяйственно-бытовых сооружений здесь не обнаружено.

Комната 51—последнее помещение, вскрытое по линии второго южного коридора. Она оформлена как жилая на втором этапе строительства поселка. Раскопки по выявлению всех ее стен еще незавершены, осталась невыявленной восточная поперечная стена. На площадке помещения, под северной его стеной, обнаружено детское захоронение (могила 43) в кувшине, чуть дальше, к востоку от него, установлен большой хум, наружная поверхность которого обмазана раствором глины с примесью самана. Хум оказался пустым. К востоку от него, в северной стене, вскрыт очаг-камин. Ширина его устья—70 см, глубина—60 см, высота от дна до потолка—60 см. На его дне—слой золы до 40 см.

Таким образом, при выявлении обводных стен и коридоров в южной стороне укрепленной части поселения исследованы две комнаты по внутреннему коридору, четыре по внешнему, относящиеся к различным строительным этапам.

Заканчивая характеристику остатков жилищ и других строений на раскопанной части поселения, констатируем, что перед нами поселок, состоящий из крепости-холма и прилегающей к нему укрепленной части. Крепость обнесена тремя рядами параллельно расположен-

ных обводных стен, сложенных из сырцового кирпича. Они образовали два обводных коридора, которые в ряде случаев использовались под жилые помещения. Сохранность обводных стен более или менее хорошая, их контуры легко прослеживаются. Неплохо сохранились две внутренние стены. Их высота колеблется от 0,80 до 1,60 м. Третья стена сильно оплыла, местами она полностью разрушена.

Внутри крепость подверглась сплошной застройке, состоящей из взаимосвязанных помещений жилого и хозяйственного назначения, разделенных узкими улицами и переулками на три небольших квартала. Каждый квартал состоит из нескольких многокомнатных жилищ, принадлежащих большим семьям жителей поселка.

Стратиграфические наблюдения при раскопках показали, что остатки жилых и хозяйственных помещений имеют три строительных горизонта и, соответственно, архитектурное оформление кварталов происходило поэтапно. Так, сооружение обводных стен и значительной части квартала III производилось на первом этапе строительства поселка.

На втором этапе полностью застраивается территория квартала I. В этот период происходит интенсивное обживание внутриобводных коридоров. На последнем этапе осваивается площадь квартала II, хотя кое-где прослеживаются остатки домов, относящихся к первому строительному горизонту.

В период второго строительного горизонта в юго-восточной части квартала II функционирует двухъярусная печь с отдельными примыкающими к ней помещениями. Остальная большая часть площади находится в запустении.

Следует отметить, что последовательность строительных этапов чисто условная, она не связана с большими хронологическими рамками и не отражается в археологическом материале. Одним из наиболее существенных определяющих признаков времени возведения стен является их стратиграфия. Так, если стена первого строительного горизонта стоит непосредственно на материке, то стена

второго горизонта подстилает культурный слой мощностью до 30 см, а стена третьего горизонта—до 50 см и более (см. на разрез, рис. 12). Хронологическая последовательность строительных горизонтов, связанная со временем возведения стен жилых домов, не привела к существенным социально-экономическим изменениям в жизни обитателей поселка, что характеризует развитие строительных этапов в рамках лишь одного исторического периода.

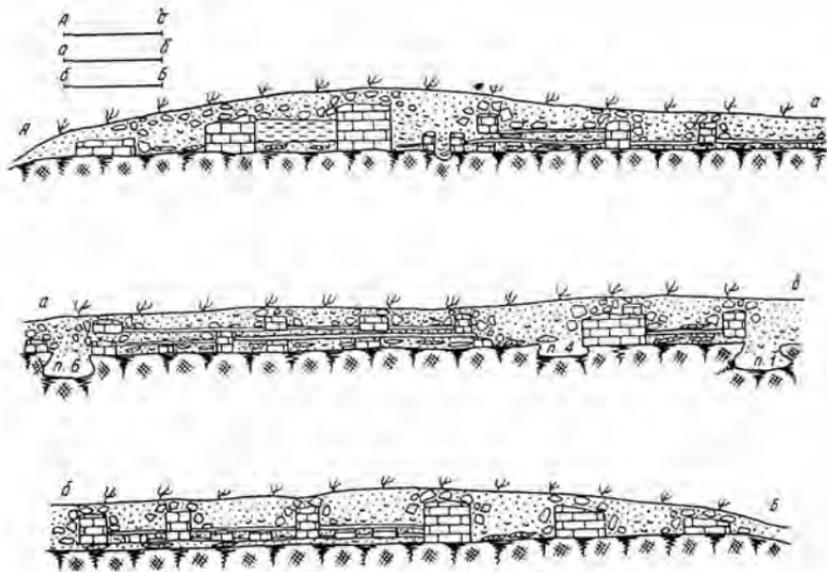


Рис. 12. Продольный разрез по раскопу 3.

При раскопках выявлено два типа очагов: очаг пристенный малого размера, построенный из двух рядов кирпичей; очаг-камин, устроенный внутри одной из стен жилых помещений с верхним дымоходом. Первый тип очага на поселении встречается очень редко. Наиболее распространены очаги-камины. В отличие от пристенного очага, они чаще всего имеют два уровня пола, разделенных кирпичной выстилкой.

В процессе раскопок встречено несколько керамических печей для обжига сосудов. По своему конструктивному устройству они представлены двумя вариантами: печи пристенные, видимо, с куполовидным перекрытием, и печи типа каминов, устроенные внутри обводных стен. Первый тип печи известен по двум случаям, второй—по трем. Оба варианта печей—двухъярусные, с нижней топочной и верхней обжигательной камерами и толстым слоем ошлакованной стенки.

Подом в обоих случаях служили сырцовые кирпичи, укрепленные в каминобразных печах на столбике, а в пристенных печах—на боковых стенках топочной камеры.

Наряду с жилыми и хозяйственно-бытовыми помещениями, на четырех участках выявлены скотные дворы. Один из них, относящийся к первому строительному этапу, находился в юго-западном углу квартала III, второй—на южной

оконечности внутреннего западного коридора, два других — на территории квартала I. Эти скотные дворы по-видимому,

предназначались для молодняка, но в зимнее время они могли служить укрытием и для взрослого придомного скота.

### ДРЕВНИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Большой научный интерес представляет изучение древних захоронений на поселении Саналлтепа. В течение четырех полевых сезонов здесь было исследовано сорок шесть захоронений (рис. 13). Весьма примечательно, что почти все они оказались хорошей сохранности и не подверглись разрушениям и ограблениям. Большинство могил содержат богатый разнообразный сопровождающий покойника инвентарь. Основную массу погребального инвентаря составляет станковая керамика. Встречаются в могиле изделия из металла, камня, кожи, дерева, соломы, рога и т. д.

Устройство могил в основном подбойное, имеются и глубокие катакомбы. Подбойные захоронения обычно производились под одной из стен помещений, чаще всего под западной стеной, а катакомбы — под полом комнат и под мощными обводными стенами. Кроме подбойных и катакомбных, встречаются захоронения в сосудах, в стенах и в мелких ямах. Последние относятся исключительно к детским погребениям. В детских захоронениях, в отличие от взрослых, почти отсутствует погребальный инвентарь. В двух случаях (погребения 7.44) захороненными оказались животные, встречено и захоронение — кенотаф (40).

Погребения взрослых имеют единую ориентацию: покойник лежит на боку, в скорченном положении, головой на север. В двух случаях (погребения 29 и 38) ориентация скелетов нарушена. Детские погребения не имеют единой ориентации.

Из числа исследованных погребений в трех случаях оказались коллективные захоронения, причем разновозрастные, а в остальных — одиночные. Устройство могил и сопровождающий покойника инвентарь не позволяет установить какое-либо хронологическое отличие захоронений. Это дает возможность датировать

все исследованные погребения тем же временем, что и поселение (см. сводные данные о раскопанных могилах).

Погребение 1 — катакомбное, вскрыто в северной половине комнаты 4 (табл.), намогильного сооружения не имеет. Однако на участке, где найдено захоронение, обнаружены среди рыхлого внутрикомнатного заполнения обломки сыровых кирпичей. Тщательная расчистка пола помещения, обмазанного толстым слоем саманной штукатурки, позволила выявить здесь прямоугольную яму размером 135×110 см. Северная часть этой ямы слегка заходила под северную стенку помещения. Рыхлое заполнение ямы представляло собой чистый рассыпчатый материковый грунт. Впоследствии выяснилось, что эта яма была дромосом, т. е. входом в могилу. В западной части ямы, на дне обнаружена слегка наклонная кладка сыровых кирпичей в один ряд. Щель между кирпичами была закрыта обломками глиняных сосудов и тщательно обмазана. Дальнейшая расчистка заполнения дромоса выявила овальное входное отверстие в погребальную камеру, закрытое кладкой, состоящей из шести кирпичей. Камера оказалась не засыпанная, весь погребальный инвентарь и скелет покрывала вековая пыль. Погребальная камера имела овальную форму, вытянутую с юга на север, ее размеры 225×120 см. Дно могилы совершенно ровное с легкой песчаной засыпкой, потолок сводчатый, его максимальная высота — 67 см. В камере на левом боку, в скорченном положении лежал скелет пожилой женщины (более 60 лет), ее голова была обращена на север<sup>4</sup>, ноги покойной сильно согнуты. Правое колено находи-

<sup>4</sup> Пол и возраст скелетов погребений 1—29 были определены антропологами В. Я. Зезенковой и Т. Ходжайовым, погребений 30—46 — Т. Ходжайовым.

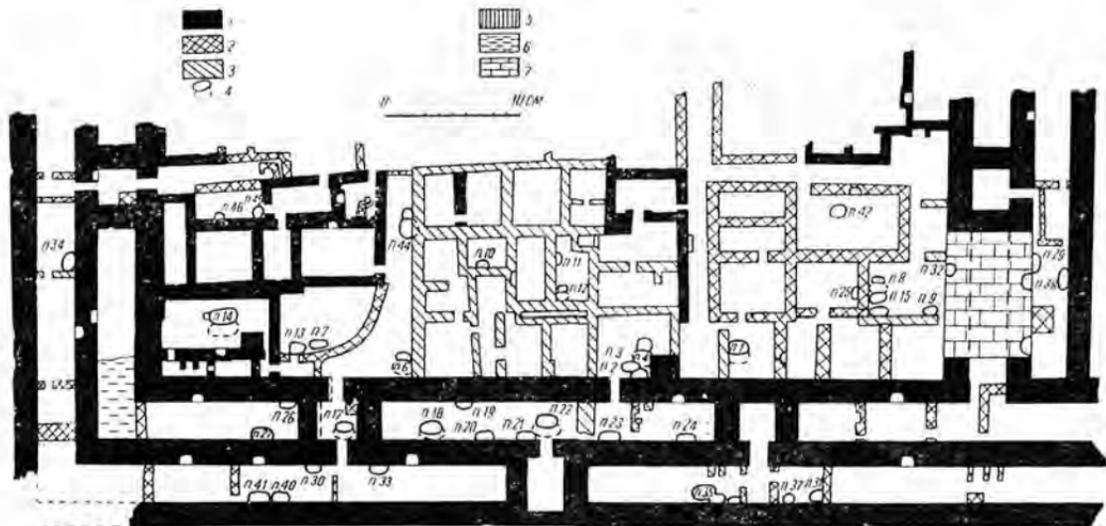


Рис. 13. План расположения погребений 1 — стена первого строительного горизонта; 2 — стена второго строительного горизонта; 3 — стена третьего строительного горизонта; 4 — могила; 5 — стена внутрикомнатных подразделений; 6 — пахсовая забутовка; 7 — кирпичная облицовка.

Сводные данные о раскопанных могилах

№ могилы	Устройство могилы	Размеры, см			Количество скелетов	Пол	Возраст	Положение и ориентировка скелетов	Сопровождающий похоронка инвентарь							
		дромос	погребальная камера	высота свода					остатки пищи	кости животных	предметы из бронзы	предметы из дерева	предметы из кожи	каменные украшения	предметы из слоновой кости	предметы из рога
1	Катакомбное	135×110	225×120	67	1	жен.	Старческий более 60 лет	На левом боку головой на С	имеются	имеются	1	2	3	3	1	16
2	Подбойное		120×100	65	1	жен.	Возмужалый 25—30 лет	На левом боку головой на С		имеются						19
3	Катакомбное		185×125		1	муж.	Зрелый, 40—45 лет	На правом боку головой на С		имеются	1					10
4	Катакомбное	152—120	200×105	40	1	муж.	Возмужалый 25—30 лет	На правом боку головой на С		имеются					1	9
5	Ямное				1		Грудной до 1 г.	Головой на С								
6	Катакомбное	140—100	220×125	110	1	жен.	Зрелый 35—40 лет	На левом боку головой на С	имеются	имеются	9	3			3	15
7	Катакомбное	111—105	145×85	54	1		6—7 мес.	На правом боку головой на С	имеются	имеются		2				11
8	Катакомбное	130—105	180×100	75	2	муж. жен.	Оба зрелые 40—45 лет	На правом боку На левом боку головой на С	имеются	имеются			бусинка			21
9	Подбойное		50×30		1		Грудной до 1 г.	На правом боку головой на С								
10	Подбойное				1		Грудной 1—2 г.	На правом боку головой на С								1
11	Подбойное		46×20		1		Грудной до 1 г.	На левом боку головой на В								
12	Катакомбное	140×85	160×100	56 (?)	1	муж.	Возмужалый 25—30 лет	На правом боку головой на С		имеются					1	11
13	Катакомбное	130×100	190×108	50	1	муж.	Возмужалый 25—30 лет	На правом боку головой на С		имеются						9
14	Катакомбное	200×90	200×140	90	1	муж.	Зрелый 40—45 лет	На спине головой на С	имеются	имеются	2					21
15	Ямное		70×50		1	муж.	Детский 7—8 лет (?)	На правом боку головой на С								3
16	Подбойное	90×65	130×65	32	1	жен.	Юношеский 18—20 лет	На левом боку головой на С		имеются						6
						муж.	Зрелый 50—55 лет	Все на левом боку головой на С		имеются						16
17	Катакомбное	160×70	160×115	50	3	жен.	Возмужалый 35—40 лет									
18	Катакомбное	115×75	200×113	55	1	жен.	Грудной до 1 г.	На левом боку головой на С	имеются	имеются	4	1	бусы			12
19	Подбойное		80×55		1		Возмужалый 25—30 лет	На левом боку головой на Ю					2			1
20	Подбойное		120×80		1	муж.	Грудной до 1 г. Зрелый 40—45 лет	На левом боку головой на С								3

21	Подбойное		140×95		1	жен.	Зрелый 45—50 лет	На левом боку головой на С		имеются						9
22	Катакомбное	130×125	180×140	140	1	муж.	Возмужалый 25—30 лет	На правом боку головой на С	имеются	имеются	2					12
23	Катакомбное	140×90	135×115	60	1	жен.	Возмужалый 20—30 лет	На левом боку головой на С	имеются	имеются		1				26
24	Катакомбное	130×70	140×65	42	1	жен.	Зрелый 40—50 лет	На спине головой на С		имеются						12
25	Подбойное		95×38	25	1		Грудной 1—2 г.	На правом боку головой на З								
26	Подбойное		?		1		Грудной 1—2 г.	На левом боку головой на С								
27	Катакомбное	130×90	150×95	68	1	жен.	Зрелый 40—50 лет	На левом боку головой на С	имеются	имеются						10
28	Ямное		диаметр 50													1
29	Катакомбное	100×23	110×42	43	2	жен.	Подросток 11—13	На левом боку головой на З			2					6
						жен.	Зрелый 40—50 лет	На левом боку головой на В								
30	Подбойное		65×30		1		Грудной 1—2 г.	На левом боку головой на Ю								
31	Ямное		63×40		1		Грудной 1—2 г.	На левом боку головой на С								1
32	Подбойное		?		1		Грудной 1—2 г.									1
33	Подбойное		120×65	35	1	муж.	Юношеский 17—18 лет	На правом боку головой на С								
34	Ямное		?		1		Грудной 1—2 г.	На левом боку головой на С								11
35	Катакомбное	130×85	140×70	45	1	жен.	Возмужалый 25—35 лет	На левом боку головой на С	имеются	имеются	2					1
36	Ямное		120×55	5			Грудной, детский, подросток	На правом, на левом боку								1
37	Ямное		диаметр 45		1		Грудной 1—2 г.	На левом боку головой на С								1
38	Ямное (?)		140×80		1	муж.	Зрелый 40—45 лет	На левом боку головой на З								4
39	Катакомбное	80×40	130×100		1	муж.	Зрелый 45—50 лет	На правом боку головой на С		имеются						17
40	Катакомбное	95×60	105×48					К Е Н О Т А Ф								5
41	Подбойное		180×100	65	1	жен.	Возмужалый 20—30 лет	На левом боку головой на С		имеются	9		бусы			12
42	Катакомбное	100×50	105×60	45	1	жен.	Зрелый 45—50 лет	На левом боку головой на С								4
43	Подбойное		диаметр 32		1	жен.	Подросток 11—13 лет				1					5
44	Катакомбное	120×90	160×110	75	1		5—6 мес.	На правом боку головой на С								18
45	Ямное		?		1		Грудной до 1 г.	На боку головой на С								1
46	Подбойное		62×40	30	1		Детский 3—4 г.									

лось вблизи кисти правой руки, а локоть левой руки упирался в область живота. Сохранность скелета очень хорошая. Благодаря сухому воздуху в камере, прекрасно уцелели остатки одежды (рис. 14) и мягкой кожаной обуви покойной. По всему скелету сохранилась высушенная кожа, а на голове погребенной уцелели даже волосы.

соломы (3), на нем маленький кожаный сосудик (25) с кожаной крышкой, привязанной тонкой ниткой к горловине. К югу от них—три глубокие конические чаши (2, 4, 5). В двух из них прекрасно сохранилась густая пища в виде пшенной каши. Далее стояли хумча с приплюснутым туловом, широким горлом и подкошенным дном (6) и две вазы на высоких ножках



Рис. 14. Фрагменты ткани одежды (могила 1).

Значительная площадь камеры была уставлена богатым погребальным инвентарем: у головы покойницы находился большой кувшин с узким горлом и подкошенным дном (1). На дне кувшина сохранились остатки какой-то жидкой пищи. В области черепа стояло еще два предмета: круглое блюдце с бортиком, плетеное из соломы (19), а в нем остатки кожаной шапочки (20). Другое блюдце, также с бортиком, изготовлено из рога (21), в нем кости мелкого рогатого скота: две задние ноги, одна лопатка, ключица и несколько ребер. Около лицевой части черепа установлено большое плетеное блюдо из соломы (18), в нем маленький глиняный кувшинчик (11).

По всей длине восточной половины камеры находились: плетеное блюдо из

с остатками густой пищи (7, 8), а также глубокий конический тазик с широким открытым венчиком (9). На дне сосуда выявлены остатки пищи, не поддающейся определению.

Насыщена погребальным инвентарем и южная половина камеры. Здесь находилось семь глиняных сосудов: большая приземистая хумча с широким открытым горлом (12), два крупных кувшина с раздутым туловом, узким горлом и подкошенным дном (10, 13), глубокая коническая чаша (14) и три вазы на высоких ножках (15, 16, 17). На дне кувшинов сохранились остатки жидкой пищи в виде нагара, в одном из них находились косточки джиды—видимо, в нем был какой-то напиток. Внутри чаш и всех ваз прекрасно сох-

ранилась густая пища в виде пшеничной каши (рис. 15). В одной из ваз оказалась еда, напоминающая мучную

разложены маленькие ветки плакучей ивы с листиками, которые также прекрасно сохранились.



Рис. 15. Сосуды с пищей из могилы I.



Рис. 16. Глиняные сосуды из могилы I.

кашу. Недалеко от стоп обеих ног установлено круглое деревянное блюдо с небольшим бортиком (22), в нем также остатки густой пищи, рядом—маленькая деревянная миска (23) и бронзовый предмет (24). По всему скелету были

Таким образом, при вскрытии этого захоронения обнаружено шестнадцать глиняных сосудов (рис. 16), четыре плетеных блюда, одно из них сделано из рога, три—из соломы, деревянное плоское блюдо и маленькая миска, а

также бронзовый предмет, кожаный сосудик и шапочка из кожи.

Расчистка скелета и окружающего его инвентаря требовала предельной осторожности. Прикосновение к остаткам кожи, волос, одежды погребенной превращало их в труху. Поэтому необходимо отметить труд химиков-реставраторов, спасших от гибели много ценнейших материалов.

северо-востоку от погребения 2, оказалась самостоятельной могилкой, получившей в дальнейшем нумерацию — погребение 3.

Скопление глиняных сосудов как бы образовало закладку в камеру, где находился скелет женщины в возрасте 25—30 лет, лежащий на левом боку, головой на север, в скорченном положении. Ноги ее сильно согнуты, пятки — около таза,



Рис. 17. Глиняные сосуды из могилы 2.

Погребение 2 — подбойное, вскрыто под западной стеной комнаты 6 (табл. 2). При расчистке заполнения помещения надмогильное сооружение не прослеживалось, лишь на глубине 70 см от поверхности сохранившейся стены встретилось скопление глиняных сосудов, поставленных друг на друга в три ряда. При расчистке сосудов стали выявляться контуры прямоугольной ямы размером 120×100 см. Глубина ямы от пола помещения — 40 см, от древней поверхности — 1 м 20 см. Потолок камеры сводчатый, его высота — 65 см, пол ровный с песчаной подсыпкой. В погребальной камере встречались кусочки угольков. Специального дромоса проследить не удалось. Принятая первоначально за дромос яма размером 185×125 см, расположенная к

левое колено — возле груди, кисти рук — вблизи лицевой части черепа.

В северо-западном углу ямы обнаружены кости животного: одна лопатка, две задние ноги и несколько ребер. У головы покойной установлена глубокая коническая чаша (18), чайник (14) стоял в области живота погребенной. Остальные погребальные вещи полностью занимали всю восточную половину ямы, причем многие из них были опрокинуты.

В процессе расчистки камеры найдены еще семнадцать глиняных сосудов разной степени сохранности (рис. 17): три глубокие конические чаши (2, 9, 17), крупный фрагмент вазы конической формы с высоким узким полым поддоном (10), горшковидный сосуд со сливом (1), три глубокие тагары конической формы (4, 8,

15), три вазы на высоких ножках (3, 11, 19), ножка от четвертой вазы (13), бокал на высокой ножке (6), четыре больших кувшина с узким горлом и подкошенным дном (5, 7, 12, 16). Следует отметить, что горлышки некоторых кувшинов перекрывали вазы и глубокие чаши конусовидной формы. Один кувшин перекрывала чаша горшковидной формы со сливом.

Погребение 3—катакомбное (?), находилось в центре помещения (6)

лежал на правом боку, головой на север (рис. 18). Череп раздавлен, у лицевой части находилась кисть правой руки погребенного, локоть левой руки был у бедренной кости, фаланги пальцев левой руки оказались под локтем правой руки. За кистью правой руки погребенного находилось истлевшее деревянное блюдо (11), на нем кости животного: несколько ребер, лопатка, ключица и т. д.

В погребении 3 обнаружено десять глиняных сосудов (рис. 19). Ваза на



Рис. 18. Погребение 3.

(табл. 2). При расчистке комнаты встретились оплывшие куски кирпичей, подстилающие рыхлое заполнение пола нижнего строительного периода. Заполнение в центре комнаты смешано с материковым грунтом. В процессе зачистки утрамбованного пола, на котором кое-где заметны следы глиняной обмазки, выявилось темное с бледно-красным оттенком пятно могилы неправильной овальной формы размером 1,85×1,25 см.

При разборе заполнения в пределах могильного пятна в его восточной половине обнаружены глиняные сосуды, а в западной — скелет, принадлежащий мужчине 40—45 лет. Скелет был скорченный.

высокой ножке (1), бокал (2) и вазочка с высоким узким полым поддоном (3) находились в северо-восточном углу ямы. Южнее стояли еще пять сосудов: два кувшина с шаровидным туловом и узким горлом со скошенной придонной частью (4,5), глубокая тагара (тазик) конической формы с узким высоким поддоном (9), в ней чаша со сливом (10) и большая ваза на высокой ножке (6).

Между тазовой и берцовыми костями погребенного стояла еще одна ваза на высокой ножке (7), в ней глубокая коническая чаша (8).

В процессе расчистки ямы удалось проследить наклонный подъем ее запад-

ной стенки, что позволяет предполагать сводчатость потолка погребальной камеры. К сожалению, свод давно обвалился, в результате чего часть глиняных со-

раскрыто могильное пятно, заполненное чистым материковым грунтом, вынутым из погребальной камеры. В западной половине входной ямы выявлены



Рис. 19. Глиняные сосуды из погребения 3.



Рис. 20. Глиняные сосуды из погребения 4.

судов, установленных в могиле, оказалась раздавленной. Учитывая это, можно допустить, что устройство могилы 3 было катакомбным.

Погребение 4 — катакомбное, находилось также в комнате 6 (табл. 2), надмогильного сооружения обнаружено не было. При расчистке пола помещения

полуразрушенные кирпичи, большая часть которых провалилась в яму-камеру. Погребальная камера прямоугольная, с округленными углами, размером  $200 \times 105$  см. Сохранился свод высотой 40 см. В восточной части ямы обнаружено девять глиняных сосудов (рис. 20) и одно блюдо в виде большой тарелки с

бортиком, сплетеное из рогоза (10). За черепом находился кувшин с шаровидным туловом и скошенной узкой придонной частью (9) и бокал (8). В юго-восточном углу ямы найдена глубокая тагара (тазик) конической формы (6), в ней чашечка со сливом (7). К югу от них стояли две глубокие конические чашки (5, 4). У ног скелета установлены две вазы на высоких ножках (1, 3) и чайник (2). В яме на правом боку, головой на север лежал скорченный скелет мужчины 25—30 лет, кисти обеих рук находились напротив лицевой части черепа. Рядом лежало несколько позвоночных костей животного, ножка барана находилась у локтя левой руки погребенного.

Погребение 5 вскрыто за пределами крепости, на месте, где заложены шурф 3. В шурфе на глубине 20 см от дневной поверхности обнажился трухлявый скелет младенца, который при расчистке рассыпался. Судя по расположению оставшихся его частей, скелет лежал на боку, в скорченном положении, головой на север. От черепа сохранились лишь следы отпечатков. При расчистке скелета сопровождающего инвентаря обнаружено не было.

Погребение 6—катакомбное, вскрыто в центре комнаты, расположенной в юго-западной части улицы 3 (табл. 3).

При расчистке пола помещения выявлено могильное пятно прямоугольной формы с округлыми углами (размер 140×100 см).

Яму заполнял чистый материковый грунт на глубину 95 см от пола. В ее западной части выявлена кладка кирпичей в наклонном положении, закрывающих входное отверстие в погребальную камеру. Однако южная сторона кладки разрушилась, и часть камеры заполнилась землей. Погребальная камера имела овальную форму, ее размер 220×125 см. В западной половине обнаружен скелет женщины зрелого возраста (35—40 лет), лежащий на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Ее правая рука сильно согнута, кисть находилась у подбородка. Левая рука также согнута, а пальцы оказа-

лись в деревянной миске (чора), лежавшей около челюсти (рис. 21).

У головы скелета установлено плоское деревянное блюдо с небольшим бортиком (14), на нем кости животного: лопатка, несколько ребер, кости ног. Далее, к востоку, стояли еще четыре сосуда: бронзовая чаша цилиндрической формы (3), чайник (1), чаша со сливом из серой глины (2) и кувшин с узким горлом, раздутым туловом и подкошенным дном (4). На черепе у правой теменной кости лежало бронзовое шило (17), а рядом—астргал барана со следами среза. Около глазной кости находились маленький глиняный сосудик (12) и миска из дерева (13). Почти под черепом лежало бронзовое зеркало (15), на нем: бронзовая лопаточка (16).

В восточной половине ямы стояли еще несколько глиняных сосудов: два чайника (5, 8), три вазы на высоких ножках (6, 7, 11), одна из них была опрокинута и лежала на другой вазе. Далее, к югу от них, стояла глубокая тагара (тазик) с пищей (9), на ней небольшой горшок вытянутой формы с высоким горлом (10). В южной части ямы находились еще два сосуда (24, 30). Один из них был плохой сохранности, внутри другого (30) оказался маленький цилиндрический роговой сосудик (31). Недалеко от них установлены еще два сосуда—конические чаши (25, 26).

В юго-западной части ямы обнаружены три блюда, сплетенных из рогоза. Их сохранность была очень плохая—во время расчистки блюда превратились в труху. На одном из них (20) установлена миниатюрная мраморная полусферическая миска (18), на ней деревянная пиалка (19). На другом блюде (22) лежал миниатюрный бронзовый сосудик-графинчик (23) и бронзовое шило (21). На третьем (27) находились два бронзовых браслета (29) и лопаточкообразный нож или бритва (28).

Погребение 7—катакомбное, обнаружено под западной стенкой помещения 11 (табл. 4). На полу комнаты оконтуривалась яма-дромос. Она квад-

ратная, размером  $105 \times 111$  см. Глубина дромоса от пола—40 см. Он заполнен чистым материковым грунтом. После тщательной расчистки под западной стенкой обнажилась кирпичная кладка, перекрывающая от входного отверстия. За кладкой оказалась погребальная камера—овальная, размером  $85 \times 145$  см. Хорошо сохранился ее свод, максимальная высота которого 54 см.

ку и югу от скелета установлено одиннадцать глиняных сосудов (рис. 22): приземистый кувшин с подкошенным дном (2), две чаши (1, 7), два конических тазика (3, 9), кувшин с округлым вытянутым туловом и подкошенным дном (4), бокал (5), чайник (11) и три вазы на высоких ножках (6, 8, 10). Во всех сосудах сохранились остатки пищи. В северной части стенки погребальной



Рис. 21. Погребение 6.

Всю восточную, южную и юго-западную площадь ямы занимали сосуды. В процессе расчистки этой могилы выяснилось, что здесь был захоронен баран 6—7 месяцев. Скелет, лежащий на правом боку, головой на север, покрывал толстый слой соломы, от которой сохранился лишь тлен. На черепе животного находилась деревянная дощечка, на которой лежал рог длиной 8 см с одним концом, срезанным острым металлическим предметом, и длинная палка (30 см). К восто-

камеры заметны четкие следы острого металлического орудия, которым, видимо, рылась могила. Следы металлического орудия представляли собой желобок шириной 4—5 см. Могила рылась с помощью вертикальных ударов орудия.

Погребение 8—катакомбное, обнаружено в комнате 13 (табл. 4). При зачистке северо-восточного угла помещения, на глубине 8—10 см от уровня пола, обнаружен целый чайник (1), а к западу от него, на глубине от 25 до 50 см от пола, находилось скопление

глиняных сосудов: глубокая коническая тагара (2), в ней чаша со сливом (3), рядом—ваза на высокой ножке (4). К юго-западу от них—коническая чаша (6), в которой находился небольшой горшок (5), а за вазой обломки тагары (7). К северу от них найдено несколько костей крупного рогатого скота: две крупные кости ноги, лопатка и мелкие кости. Однако скелета в яме не оказалось. После расчистки дна ямы в западной ее части обнажился завал кирпичей, очевидно, от перекрытия входного отверстия.

ее восточной стеной стояла чаша (8), рядом, к западу от нее,—ваза на высокой ножке (9), а южнее—кувшин с узким горлом и вытянутым округлым туловом (10). В отличие от других кувшинов, в его придонной части отсутствуют следы скошенности. Рядом с ним, к югу, находились еще две конические чашки (11, 12) и горшок вытянутой формы (13). Он лежал на плечиках хумчи (14).

Продолжена расчистка западной половины ямы. Здесь, на уровне верхнего слоя скопления сосудов, извлеченных



Рис. 22. Погребение 7.

В процессе зачистки кирпичного завала оконтуровалась яма квадратной формы, в ней обнаружено еще несколько сосудов. Расчистка могилы была затруднена тем, что в нее проникла вода. В результате погребальная камера заполнилась сырой глиной, которая со временем как бы сцементировалась.

После снятия части «сцементированной» земли, на глубине 70 см от пола комнаты обнажились венчики нескольких сосудов. Были определены границы ямы, имеющей прямоугольную форму и округлые края (180×100 см). Под

из погребальной ямы, словно бы висел большой хум, который своей нижней частью прорезал свод погребальной камеры. Совершенно очевидно, что этот хум никакого отношения к погребению 8 не имел.

Окончательная расчистка, произведенная по всей площади погребальной камеры, показала, что здесь было захоронено два человека, причем в разное время (рис. 23). Вначале похоронен мужчина зрелого возраста (40—45 лет). Его скелет лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на се-

вер. Между бедренными и берцовыми костями стояла чаша с пищей (19), у ног находились еще два сосуда—чаша с пищей (20) и ваза на высокой ножке (21). Раскопки показали, что некоторое время спустя могила была вскрыта и из нее извлечены все сосуды, занимавшие восточную половину погребальной камеры, а их место занял второй умерший (45—50 лет). Его скелет лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на север. Правая рука

После захоронения второго покойника сосуды, вынутые из ямы, по мере возможности, возвращались назад в могилу, многие из них устанавливались даже на скелет погребенного, а те, которые не поместились в яме (8 штук), были оставлены на площади дромоса.

Погребение 9—обнаружено на руинах западной стены помещения 13. В нем лежал между двумя кирпичами крупного формата, образовавшими яму прямоугольной формы (50×30 см), ске-



Рис. 23. Погребение 8.

была прижата к подбородку, левая лежала напротив лицевой части, локти прижаты к коленным чашечкам ног, а обе ступни—к тазовым костям, что создало как бы сидячую позу.

У головы второго скелета установлены чайник (15), кувшин с узким горлом и округлым туловом (16) и бокал (17). У его ног помещены хумча с приплюснутым округлым туловом (14) и сероглиняная чаша со сливом (18). Бокал (17) и чаша со сливом (18) поставлены в могилу, видимо, одновременно со вторым скелетом, а чайник (15), кувшин (16) и хумча (14) находились в камере еще до захоронения последнего погребенного. У подбородка покойного обнаружена мраморная бусинка.

лет. Он принадлежал ребенку до 1 года. Скелет находился в скорченном положении, на правом боку, головой на север с небольшим отклонением на запад. При вскрытии захоронения погребального инвентаря, сопровождающего покойника, обнаружить не удалось.

Погребение 10 обнаружено на глубине 30—35 см от дневной поверхности на руинах западной стены помещения 19 (табл. 5). Здесь, в кувшине со скошенной придонной частью, находился скелет ребенка 1—2 лет. Сосуд лежал на боку, горлом на север. Верхняя половина тулова сосуда была разбита и обломки от него попали на скелет младенца. Горловина кувшина отломана до плечика. Скелет лежал в скорченном

положении, на правом боку, головой на север. Сопровождающего покойника инвентаря не было.

Погребение 11 — обнаружено на глубине 20—25 см от дневной поверхности на руинах северной стены помещения 17. Скелет грудного ребенка находился в маленькой яме прямоугольной формы размером 46×20 см. Он лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Кости погребенного очень плохой сохранности, при расчистке они превратились в труху. В захоронении никаких сопровождающих покойника вещей обнаружено не было.

Погребение 12 — катакомбное, обнаружено под западной стеной помещения 17 (табл. 5). Остатков от намогильных сооружений обнаружить не удалось. На глубине 115 см от дневной поверхности выявлена яма-дромос прямоугольной формы размером 140×85 см. Расчистка дромоса показала, что он был вырыт в мягкой рыхлой земле, поэтому свод камеры внутри ямы (ее размер 160×100 см) разрушился. В могиле найдено одиннадцать сосудов — один из них (11) находился в дромосе, а остальные в яме. Скелет мужчины возмужалого возраста (25—30 лет) лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на север. Напротив его лицевой части стоял чайник (2), за черепом — другой (1). В южной части ямы, у ног скелета, была помещена ваза на высокой ножке (10), в ней — глубокая чаша конической формы (9). Остальные шесть сосудов находились в восточной половине камеры. Это вазы на высоких ножках (4, 5), бокал (3), коническая пиалка (6), глубокая тагора (тазик) с массивным выступающим высоким поддоном (7) и горшковидный сосуд вытянутой удлиненной формы (8).

В северо-восточном углу ямы, между чайником (1) и вазой (4), обнаружено несколько ребер животного, которые, видимо, находились на блюще, сплетенном из рогоза. От блюща сохранились лишь стпечатки.

Погребение 13 — катакомбное, обнаружено под западной стеной помещения 11 (табл. 6). При разборе внутри-

комнатного культурного заполнения, в северо-западном углу, на глубине около 80 см от поверхности стены выявлено темное пятно прямоугольной формы размером 130×100 см, являющееся дромосом могилы. Кирпичная закладка, закрывающая входное отверстие, обрушилась во внутрь погребальной камеры и яма (размер 190×108 см) заполнилась землей. Она сводчатая, максимальная высота свода — 50 см. В яме обнаружен скелет мужчины возмужалого возраста (25—30 лет), лежащий на правом боку, в скорченном положении, головой на север. Обе его руки сильно согнуты и прижаты к груди, кисти рук находились против лицевой части черепа. Сохранность скелета плохая, череп сильно разбит. У головы скелета лежали кости животного: лопатка, несколько ребер и две ноги. Не исключена возможность, что эти кости находились на блюще, сплетенном из рогоза или соломы, которое не сохранилось.

В северо-восточном углу ямы, за черепом погребенного, стояли два сосуда: бокал (9) и кувшин с узким горлом и округлым туловом (8); а рядом с ними — чаша со сливом (7). За спиной скелета, к югу от кувшина, находились стройный кувшинчик с узким, слегка вытянутым горлом и плавным переходом от туловнища к плоскому дну (6) и чаша конической формы (5). Поодаль стояли два глубоких конических тазика (3, 2) и одна ваза на высокой ножке (4). В юго-восточном углу ямы, у ног погребенного, установлена другая ваза на высокой ножке (1).

Погребение 14 — катакомбное. Оно обнаружено в центре помещения 12 (табл. 7). При разборе внутрикомнатного культурного заполнения следы намогильного сооружения не были отмечены. В процессе зачистки пола выявлено могильное пятно прямоугольной формы размером 200×90 см. В северной части оно слегка суживается. Дромос оказался двухступенчатым, он имел в плане несколько иную форму, чем обычные дромосы. Глубина его северной узкой части — 50 см, а остальной — 130 см. Входное отверстие имело фор-

му прямоугольника, наибольшая ширина которого—60 см. Здесь лежало несколько упавших внутрь ямы кирпичей, под которыми находились глиняные сосуды различной степени сохранности. Многие из них разбиты, вероятно, при разрушении перекрытия входного отверстия. Однако в южной части кирпичи, закрывающие входное отверстие, находились на своих местах.

Дромос и погребальная камера были вырыты в материке, что способствовало сохранению последней. Размер погребальной камеры—200×140 см, максимальная высота свода—90 см, глубина камеры от уровня пола помещения—195 см. При расчистке погребальной камеры было выявлено большое количество глиняных сосудов. Основную северо-западную часть камеры занимал огромный хум с подкошенным дном. Он лежал на боку, горлом на север. Размер хума—95×85 см. Его горловину закрывал конический таз (16). Он слегка сполз в сторону вместе с черепом погребенного.

Остаточную площадь камеры занимали сосуды различной степени сохранности. На северо-западной углу погребальной камеры сохранилось несколько обломков костей животного, рядом обнаружен бронзовый графинчик (24) и бронзовое шило (21). Кости животных найдены за донной частью большого хума. В северо-восточной части ямы было установлено шесть сосудов: два тазика (16, 19), два кувшина (17 и 20), ваза на высокой ножке (18) и чайник (22). К северу от этих сосудов найден амulet-подвеска круглой формы с петелькой из мрамора (23). В южной и юго-восточной части ямы обнаружено еще четырнадцать глиняных сосудов: два бокала (I, II), хумча приплюснутой формы (2), четыре тазика (4, 8, 13, 14), в одном из них находился горшок (3), три вазы на высоких ножках (5, 6, 12) и три глубокие конические чаши (7, 9, 10). Скелет погребенного был помещен в большой хум (15), горловинную часть которого заполняла земля. Однако она не доходила до дна хума и нижняя половина скелета осталась не засыпан-

ной землей. Именно поэтому в его нижней части сохранились потемневшие остатки кожи и даже одежды погребенного.

Скелет мужчины зрелого возраста (40—45 лет) лежал на спине. Сильно согнутые ноги были раздвинуты в разные стороны. Кисть правой руки находилась на тазовой кости, а левая рука—под костями левой ноги.

Погребение 15—ямное, обнаружено в помещении 13, между могилами 8 и 16 (табл. 5).

При разборе внутрикомнатного культурного заполнения следов захоронения обнаружено не было. В процессе вскрытия погребения 8 в западной его части был найден большой хум, лежавший на боку и обращенный горлом на север. В хуме находился скелет погребенного. Позже выяснилось, что этот хум не имеет никакого отношения к могиле 8. Яма, где установлен хум со скелетом, была вырыта на месте погребальной камеры могилы 8. Поэтому нижняя часть хума как бы свисала с потолка погребальной камеры. В хуме находились потровоженные кости погребенного ребенка лет 7—8, лежавшего в скорченном положении, видимо, на правом боку, головой на север. Горловина хума была закрыта небольшим тазиком (2), возле которого стоял бокал (1), а сверху лежали в один ряд кирпичи, подстилающие хум с захоронением.

Погребение 16—подбойное, обнаружено под западной стеной помещения (13) (табл. 5).

При зачистке пола комнаты выявлено могильное пятно темного цвета—дромос могилы размером 90×65 см. Он оказался очень мелким (глубина дромоса всего 10 см от пола комнаты) и заполнен рыхлой землей с большой примесью золы. Погребальная камера находилась прямо под западной стеной помещения. Могильная яма имела прямоугольную форму, ее размер 130×65 см, максимальная высота свода—32 см. Здесь находился скелет юноши (18—20 лет). Он лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на север. Напротив лицевой части черепа стоял чайник (1), к югу от не-

го — бокал (2), хумча (3) и чаша (4). У ног погребенного находились еще два сосуда: кувшин с вытянутым туловом (5) и чаша конической формы (6).

Погребение 17 — катакомбное, обнаружено под полом помещения 26 а (табл. 8). Здесь, на глубине 100 см от верхней части стены комнаты, найдено большое количество обломков керамики

один целый (16), три вазы на высоких ножках (7, 9, 12), три бокала (2, 6, 15) — у двух ножки обломаны, один целый (15), две хумчи (4, 13), довольно крупный конический тазик на поддоне (3), кувшин с подкошенным дном (5) и горшкообразный сосуд грушевидной формы (8). В северо-западном углу ямы обнаружены кости животного.



Рис. 24. Погребение 17.

различной степени сохранности, составивших узкую полосу по направлению с юга на север. К востоку от них находился дромос могилы размером 160 × 70 см. От дромоса сохранилась лишь его нижняя часть, вырытая в материке, глубиной 15 см. К западу от него расположена сводчатая погребальная камера. Высота свода — 50 см. Размер ямы 160 × 115 см. Перекрытие от входного отверстия разрушено и провалилось внутрь камеры, в результате чего разбились почти все глиняные сосуды, находившиеся в могиле. Их было шестнадцать: две конические чаши (1, 14), в одной из них (14) сохранилась пища, три чайника (10, 11, 16), из них

В могиле обнаружены два одновременных захоронения (рис. 24). Оба скелета лежали на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Первый принадлежал мужчине зрелого возраста (50—55 лет) — он находился в северной половине ямы. Напротив его лицевой части стоял чайник (16). Руки скелета словно бы держали бокал.

Второй скелет принадлежал женщине 35—40 лет, он находился в юго-западной части ямы. Его череп лежал за тазовыми костями первого скелета. В области живота погребенной находился скелет младенца. Видимо, ее смерть наступила во время родов, так как ножки младенца на-

ходились в районе тазовых костей матери, что могло привести рожицу к смерти. При расчистке скелетов в области таза и бедренных костей первого погребенного была обнаружена высохшая кожа и остатки одежды.

Погребение 18 — катакомбное, обнаружено в северной половине помещения 27 (табл. 9). На уровне пола выявлено темное пятно прямоугольной формы с округлыми краями — его размер  $115 \times 75$  см. Оно оказалось дромосом, заполненным чистой материковой землей. В его западной части обнаружено овальное входное отверстие. Кирпичи, закрывавшие вход в камеру, провалились во внутрь, вследствие чего ее до самого свода заполнила земля.

Расчистка погребальной камеры показала, что она имеет овальную форму и размер  $220 \times 113$  см. Хорошо сохранился свод камеры, достигший высоты 55 см. В западной части ямы находился скелет женщины 25—30 лет. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Под черепом, у лицевой части, обнаружено бронзовое зеркало (20), а недалеко от него — миниатюрный деревянный сосудик в виде полусферической чаши (16) очень плохой сохранности. От него сохранилась лишь полевая зарисовка. На правой руке погребенной был бронзовый браслет (14), а на левой — браслет из каменных бус.

В области груди погребенной находились бусы в цепочке и бисер из различных полудрагоценных камней. В южной части ямы, у ног покойницы, найден миниатюрный бронзовый сосудик типа графичика (18), на его горлышке находилась бронзовая шпилька (19), а рядом — миниатюрная мраморная чашечка (13). При расчистке могилы прослеживались следы какого-то сгнившего предмета, от которого сохранилась лишь отпечаток, напоминающий плетеную корзину (17). Аналогичная сгнившая корзина найдена и у головы скелета (15). В ней лежали несколько ребер, лопатка и две ноги животного.

Большую часть сопровождающего покойницу инвентаря составляет керамика. В северо-восточном углу ямы находилось три чайника (1, 3, 11) и одна миниатюр-

ная чаша типа пиалы (2), к югу от них — три вазы на высоких ножках (4, 5, 6), миниатюрная хумча (12) и две чаши (7, 8).

Погребение 19 — обнаружено на восточной стене помещения 27 (табл. 10). В яме прямоугольной формы размером  $80 \times 55$  см был погребен скелет младенца не более года, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на юг. Напротив лицевой части черепа стояла миниатюрная чашечка типа пиалы (1). Скелет плохо сохранился, череп сильно раздавлен, кости хрупкие, высохшие.

Погребение 20 — подбойное, обнаружено под западной стеной помещения 27 (табл. 9). Выявленная здесь яма имеет прямоугольную форму и округлые края, ее размер  $120 \times 80$  см. С западной стороны она срезала стены почти на два кирпича. Яма — мелкая, глубина ее не более 50 см от поверхности стены. Дном западной половины ямы служила кирпичная кладка, а восточной — культурное заполнение. По всей вероятности, захоронение производилось на последнем этапе жизни на поселении. В яме находился скелет мужчины зрелого возраста (40—45 лет), лежащий на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Его ноги сильно согнуты, пяточные кости — у тазовой кости, а кисти рук — у подбородка (рис. 25). В восточной половине ямы стояли три глиняных сосуда: около черепа — чайник (1), к югу от него — бокал (2) и дальше — глубокая коническая чаша на высоком стройном поддоне (3).

Погребение 21 — подбойное, обнаружено недалеко от могилы 20, под западной стеной помещения 27 (табл. 11). При раскопке комнаты, на глубине 20 см от поверхности стены, выявлена яма неправильной овальной формы размером  $140 \times 95$  см. С западной стороны она срезала стены. На глубине 60 см в яме находился скелет женщины 45—50 лет, лежавший на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на север. Кисти рук погребенной находились под лицевой частью черепа, а фаланги пальцев ног — около тазовой кости. В северо-восточном углу ямы обнаружены кости животного.

В восточной половине ямы находилось девять глиняных сосудов (рис. 26): около черепа — кувшин с вытянутым туловом (9), к югу от него — бокал (8), три чаши (7, 3, 2), за чашами — крупный тазик конической формы (1). В южной части ямы, за костями ног, обнаружено еще три сосуда: ваза на высокой ножке (6), чаша (5) и кувшин вытянутой формы (4).

шенным дном (1), чайник (2), горшкообразный кувшинчик вытянутой формы (3), тазик конической формы (5), в котором лежал бокал (4) и кости животного — несколько ребер и лопатка. Большую часть западной стороны ямы занимал большой хум высотой 110 см (11). Хум лежал на боку, горлом на север. За пределами донной части хума находилось



Рис. 25. Общий вид погребений 20 и 21.

Погребение 22 — катакомбное, обнаружено под полом помещения 27, напротив входа в комнату (табл. 8). Здесь, на глубине 1 м от стены, выявлена яма неправильной овальной формы размером  $130 \times 125$  см, заполненная чистой материковой землей. Глубина дромоса от уровня пола — 55 см. В его западной половине находилось входное отверстие правильной овальной формы размером  $130 \times 80$  см. Перекрытие входного отверстия провалилось в камеру и туда проникла вода. Погребальная камера оказалась большой ( $180 \times 140$  см) и глубокой — максимальная высота свода 140 см. В северо-западной части ямы находилось пять глиняных сосудов: кувшин с подко-

еще пять глиняных сосудов: тазик конической формы (7), в нем чаша со сливом (6), две вазы на высоких ножках (9, 10) и тазик с пищей (8). Северо-восточная и восточная части ямы пустовали.

В процессе расчистки погребальной камеры в восточной ее половине встретились истлевшие остатки деревянных балок диаметром более 10 см. Небольшой фрагмент балки лежал на вазе (9). Другой более крупный кусок задевал край венчика тазика (7). Остатки балок обнаружены и в северо-восточной части ямы. Судя по их расположению, перекрытие входного отверстия было укреплено балками, лежащими параллельно, а уже поверх них укладывались кирпичи.

В хуме находился скелет мужчины возмужалого возраста (25—30 лет). Он лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на север. Череп погребенного был сильно раздавлен и слегка сдвинут с места. Возле его лицевой части находился боевой бронзовый топор с остатками топорнища (13). Под плечевой костью скелета лежал бронзовый нож весьма плохой сохранности (14), а за спиной погребенного стоял маленький кувшинчик с шаровидным туловом и узким венчиком (12). В области живота

три вазы на высоких ножках (15, 20, 26), кувшинообразный горшок (16) и чайник (19). Среди них встретилось одно блюдечко-розетка (27) из арчового дерева. При окончательной расчистке всех этих сосудов выяснилось, что специально для них была вырыта неглубокая яма размером 90×140 см. В ее западной части, под западной стеной комнаты выявилась кладка кирпичей от перекрытия входного отверстия погребальной камеры.

Несмотря на то, что перекрытие сокра-



Рис. 26. Погребение 21.

покойника прослеживались следы какого-то сгнившего предмета, очевидно, цинковки.

Погребение 23—катакомбное, обнаружено под западной стеной помещения 28 (табл. 10). При раскопке комнаты, на глубине 60 см от поверхности стены, обнаружено семнадцать глиняных сосудов: бокал (10), пять чаш (11, 17, 23, 24, 25), два кувшина (13, 21), три тазика (14, 18, 22), ваза на полом поддоне (12),

погребальную камеру заполнила рыхлая сухая земля. Яма, где лежал скелет, имеет округлую неправильно-овальную форму, ее размер 135 × 115 см. Свод остался целым, его наибольшая высота — около 60 см. В западной половине ямы на левом боку лежал скелет женщины 20—30 лет. Он был в скорченном положении и ориентирован головой на север (рис. 27). В южной части ямы обнаружены кости животного.

В восточной половине ямы найдено девять глиняных сосудов: чайник (1), три вазы на высоких ножках (2, 5, 6), две чаши (3, 4), тазик конической формы (8), большая хумча приплюснутой формы со скошенной придонной частью (9) и кувшин (7) с яйцевидным туловом (рис. 28).

Обе ноги согнуты и приподняты. В южной части ямы, за костями ног, стояли четыре сосуда: ваза на высокой ножке (12) и три чаши (9, 10, 11). В северо-западном углу найдены кости животных, в северной части ямы — два кувшина (7, 8). В восточной половине ямы находилось



Рис. 27. Погребение 23.

Погребение 24 — катакомбное, обнаружено под западной стеной помещения 29 (табл. 12). При разборе внутрикомнатного культурного заполнения, под западной стеной прослеживалась яма-дромос прямоугольной формы размером  $130 \times 70$  см, глубиной около 20 см. В западной части ямы обнажились кирпичи, уложенные в один ряд, от перекрытия входного отверстия в камеру.

Яма овальная (размер  $140 \times 65$  см). В западной ее половине находился скелет женщины зрелого возраста (40—50 лет). Он лежал на спине, в скорченном положении, головой на север. Правая рука покойной находилась в области груди, кисть левой руки — около ушного отвер-

еще шесть глиняных сосудов: чайник (1), три вазы на высоких ножках (2, 5, 6), чаша (3) и бокал (4).

Погребение 25 — подбойное, обнаружено в стене помещения 14 (табл. 9). При зачистке южной стены комнаты выявлена яма размером  $95 \times 38$  см. В ней находилось детское захоронение. Скелет ребенка 1—2 лет лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на запад. Сопровождающего покойника инвентаря в погребении не было.

Погребение 26 — вскрыто на восточной стене комнаты 26. Скелет покоился между двумя кирпичами, положенными на ребро, сверху их покрывал третий. Скелет принадлежал также ребенку 1—

2 лет. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Сопровождающего инвентаря при нем не было.

Погребение 27 — катакомбное, вскрыто под западной стеной помещения 26 (табл. 7). При раскопке комнаты, на глубине 80 см от поверхности стены, об-

лежащий на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Кисти обеих рук находились у подбородка погребенной, ноги сильно согнуты, на фаланги пальцев ног упал тазик конической формы.

Возле черепа стояли два сосуда: кувшин с округлым плечиком, суживающим-



Рис. 28. Погребение 23.

наружено пятно овальной формы размером 130 × 90 см (рис. 29). Расчистка пятна выявила яму глубиной 40 см от уровня пола помещения. В западной ее стороне обнажилась кирпичная кладка от перекрытия входного отверстия, тщательно обмазанная глиняным раствором с примесью самана. В его северной части оказалась дыра, через которую в погребальную камеру проникла земля. Входное отверстие могилы имело овальную форму размером 90 × 40 см (рис. 30). Погребальная камера вырыта в материке, прямо под стеной комнаты. Она имеет также овальную форму, ее размер 150 × 95 см. Яма сводчатая, глубиной 68 см. В ее северо-западной части обнаружен скелет женщины зрелого возраста (40—50 лет),

ся ко дну туловища и со скошенной придонной частью (1), и чайник (2). За тазовой костью погребенной находилась ваза на высокой ножке (10) и тазик с пищей конической формы (3) — в нем горшковидный сосуд (4). К югу от них найдены еще пять сосудов: вазообразная чаша на узком полом поддоне (9), чаша с пищей (8), еще одна чаша (5), ваза на высокой ножке (7) и, наконец, еще одна вазообразная чаша на полом поддоне (6).

В юго-восточной части ямы обнаружены кости животных. Большая восточная половина этой ямы оказалась пустой. Лишь возле голени погребенной стояла плохо сохранившаяся плетеная корзинка из рогаза (11). Можно предположить, что в этой части ямы находилось

еще несколько блюд из соломы или рогоза, однако, они до нас не дошли — остались лишь отдельные части, по которым нельзя восстановить их первоначальную форму.

Погребение 28 — обнаружено под западной стеной комнаты 26. Здесь выявлена небольшая яма округлой формы диаметром более 50 см. Заполнение ямы

мер — 42 × 110 см, глубина — 30 см от древней материковой поверхности, максимальная высота свода — 43 см. Яма вырыта под мощной стеной коридора в подбой, поэтому она оказалась неглубокой. В ней находился скелет подростка 11—13 лет. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Череп был сдвинут с прежнего места и



Рис. 29. Погребение 27.

отличалось от заполнения помещения. Оно было чистое и не содержало зольных примесей. Однако при расчистке ямы, на глубине 15—20 см от уровня пола комнаты, обнаружен потрескавшийся сосуд типа тазика, лежавший на дне. Признаков, свидетельствующих о наличии какого-либо захоронения, здесь не было.

Погребение 29 — катакомбное, вскрыто под северной стеной комнаты 48 по обводному южному коридору поселка (табл. 6). При разборе культурного заполнения комнаты, на глубине более 1 м, обнаружено несколько кирпичей от перекрытия входного отверстия могилы. Погребальная камера — овальная, ее раз-

находился под костями правой руки лицевой частью вверх. Около черепа лежали три чаши со сливом (1, 2, 3). В области живота погребенного установлен миниатюрный сосудик приплюснутой формы с плоским дном и широким венчиком (6). В области ушного отверстия найдены две бронзовые серьги (7, 8).

Характерно, что под скелетом, находились кости другого скелета. После снятия первого скелета была произведена расчистка скелета из нижнего горизонта. Между скелетами верхнего и нижнего горизонтов почти не было засыпанной прослойки. Второй скелет принадлежал женщине зрелого возраста (40—50 лет), он

лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. Напротив лицевой части черепа стояли два сосуда вытянутой горшкообразной формы (4, 5).

Таким образом, при расчистке могилы 29 обнаружены два скелета разновременного захоронения с небольшим промежуток времени в рамках одного строитель-

Погребение 31 — обнаружено под полом, в юго-западном углу помещения 37 (табл. 5). При зачистке пола нижнего горизонта, на глубине более 1 м от стены комнаты, была выявлена яма, вырытая в материке. Она овальной формы, ее размер 63 × 40 см. В ней находился скелет младенца, лежавшего на левом боку, в



Рис. 30. Общий вид погребения 27 до раскопок.

ного периода — сначала была захоронена женщина, потом подросток.

Погребение 30 — обнаружено на восточной стене помещения 41 (табл. 10). При оконтуривании стены, на глубине 40 см от дневной поверхности, выявлена яма размером 65 × 30 см. В ней находился скелет ребенка плохой сохранности. Он лежал на боку, в скорченном положении, головой на юг, череп сильно раздавлен. При расчистке скелета никакого сопровождающего инвентаря не обнаружено.

скорченном положении, головой на север. При скелете не было сопровождающего инвентаря.

Погребение 32 — обнаружено на южной стене помещения 13. При расчистке стены, на глубине 50 см от дневной поверхности, найден кувшин, верхняя часть которого сильно разбита. В кувшине оказались отдельные кости младенца и сильно раздавленный череп. Ориентировку и положение скелета установить не удалось.

Погребение 33—подбойное, вскрыто под восточной стеной помещения 40 (табл. 11). При разборе внутрикоридорного культурного заполнения, на глубине 70 см от поверхности стены прослеживалась яма полуовальной формы размером 120 × 35 см. Яма вырыта во внутрикомнатном заполнении. Она слегка срезала материк, в результате чего общая ее глубина, от точки ее прослеживания до дна, составляла более 45 см. Яма продолжалась и под восточной стеной комнаты еще на 30 см, получив яйцевидную форму. Ее размер стал 120 × 65 см. От поверхности стены до дна ямы 100 см. Она имеет свод под стеной, наибольшая его высота 35 см. В яме находился скелет юноши лет 17—18, лежавшего на правом боку, в скорченном положении, головой на север. Обе руки погребенного оказались у лицевой части черепа, ноги согнуты. У головы скелета стоял небольшой кувшинобразный горшок вытянутой формы. Лицевая часть черепа как бы окрашена красной охрой.

Погребение 34—ямное, обнаружено в помещении 46, на глубине 60 см от дневной поверхности стены. Скелет младенца находился в рыхлом культурном слое, в обычной яме (ее контуры установить не удалось). Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Кости погребенного очень плохой сохранности, при расчистке они рассыпались. Череп сильно раздавлен, и его взять не удалось. При скелете не было никаких вещей.

Погребение 35—катакомбное, вскрыто под западной стеной помещения 38 (табл. 3). Входная яма обнаружена на глубине 80 см от поверхности западной стены. Она прямоугольная размером 145 × 85 см при глубине 50 см. Яму поднимала чистая материковая земля. Здесь обнаружено пять глиняных сосудов: изящный кувшин с округлым плечиком и скошенной придонной частью (1), ваза на высокой ножке (3) и три цилиндрических сосуда (2, 4, 5)—один из них маленький (2). Между вазой (3) и цилиндрическим сосудом (4) лежали кости животного: задняя нога, несколько ребер и лопатка барана.

Все сосуды находились в центре ямы. Поиск погребальной камеры в западной ее половине не дал никаких результатов. Расчистка пола комнаты к югу от входной ямы, вдоль западной стены, показала, что по-соседству имеется другая яма прямоугольной формы размером 130 × 85 см, которая с северной стороны соединялась с ранее выявленной ямой. Глубина второй ямы от пола помещения—50 см, а от поверхности стены—140 см. Она заполнена так же, как и предыдущая, чистой материковой землей. При расчистке ямы на западной ее половине обнаружена кладка кирпичей от перекрытия входного отверстия. За кирпичами оказалось пустое пространство. Яма была вырыта в материке под стеной. Она сводчатая, максимальная высота свода—45 см. Имела овальную форму, ее размер 140 × 70 см. В центре ямы находился скелет женщины 25—35 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на север (рис. 31). Скелет и сосуды, находящиеся в яме, покрывала вековая пыль. На костях скелета местами сохранилась высохшая кожа. За черепом находились истлевшие волосы погребенной. Череп слегка сдвинут с места, кисть правой руки лежала возле подбородка, а кисть левой руки—в области живота. Напротив лицевой части черепа стоял чайник (10), а в южной половине ямы—еще один с обломанным носиком (6). Рядом с ним—чаша с обломанным венчиком (7). Обломанная часть чаши реставрировалась еще в древности обычной глиной, которая хорошо сохранилась до сего времени. На дне чаши обнаружены остатки пищи. Еще одна чаша находилась за тазовой костью погребенной (8). Она разбилась на мелкие куски. Другая чаша с пищей стояла за спиной скелета (9), в ней—деревянная плоская ложка в виде лопатки (11). Одно плетеное блюдо из соломы лежало возле живота погребенной (12). На нем находилась деревянный гребень (13) и кувшинчик (14). На стенках дромоса и погребальной камеры сохранились отчетливые следы металлического орудия, при помощи которого рылась могила. Лезвие этого предмета плоское шириной 4 и 5 см. Кроме того, на стенках ямы просле-

живаются следы от роговых орудий в виде глубокого желобка округлой формы. Видимо, их рабочий конец был острый и тонкий.

Погребение 36 — находилось под западной стеной помещения 38 (табл. 10). При разборе внутрикомнатного культурного заполнения, в юго-западном углу помещения, на полу нижнего горизонта, обнаружено коллективное захоронение — пять скелетов. Первый скелет принадлежал грудному ребенку до 1 года. Он на-

11—13 лет. Он находился на костях четвертого скелета. Кости его переместились, ориентировку и положение скелета установить не удалось. При всех скелетах не было сопровождающих предметов.

Погребение 37 — обнаружено под западной стеной комнаты 37 в кувшине (табл. 11). Кувшин был врыт в землю и находился на глубине 90 см от поверхности стены. Верхняя часть туловища кувшина была на уровне пола комнаты. Скелет лежал на левом боку, в скорченном



Рис. 31. Погребение 35.

ходился в углу, в разбитом кувшине, лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад с большим отклонением на запад.

К северу от него обнаружен в потревоженном виде второй скелет ребенка (не старше 1—2 лет). Судя по ряду признаков, ребенок лежал головой на запад. От третьего погребенного до нас дошли лишь детский череп (3—4 лет), который лежал на костях четвертого погребенного. Четвертый скелет, также детский (3—4 лет), лежал на левом боку, в скорченном положении. Ориентировка непонятна. Череп сильно раздавлен и плохой сохранности. Пятый скелет принадлежал подростку

положении, головой на север. Сопровождающего покойника инвентаря не было.

Погребение 38 — обнаружено под южной стеной помещения 47 (табл. 11). При раскопке комнаты, на глубине 60 см от дневной поверхности, выявлена яма овальной формы, вытянутая с востока на запад размером 140 × 80 см. Яма вырыта в материке, ее глубина не более 20 см от уровня пола комнаты. При раскопке могилы признаков катакомбы или подбоя не обнаружено. Скорее всего, могила была ямная, в ней находился скелет мужчины зрелого возраста (40—45 лет), лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Однако

многие кости скелета, кроме черепа и позвонков, были разрознены. У черепа отсутствовала нижняя челюсть.

В восточной части ямы находились три глиняных сосуда: чаша со сливом (1), горшкообразный сосуд с удлинённой пропорцией (2) и бокал на высокой ножке (3). Донная часть другого сосуда — кувшина (4) найдена у головы скелета, принадлежавшего мужчине зрелого возраста (40—45 лет).

Погребение 39 — катакомбное, обнаружено под полом помещения 50 (табл. 6). При разборе внутрикомнатного культурного заполнения, на глубине около 1 м от поверхности северной стены, в северо-восточном углу, обнаружен завал кирпичей, а в остальной части помещения продолжался рыхлый мягкий слой земли. Под завалом кирпичей находились разбитые глиняные сосуды. Они лежали в яме прямоугольной формы размером 80 × 40 см. Глубина ямы от поверхности стены комнаты — 160 см. В яме найдены один целый чайник и двенадцать разбитых сосудов. Среди них три вазы на высоких ножках (3, 9, 11), два тазика (7, 12), бокал (5), три чайника (1, 2, 4), три чаши (6, 8, 10).

После расчистки дромоса в западной части ямы ооконтуровалось входное отверстие, которое вело в погребальную камеру, вырытую в материке. Яма была овальная в плане размером 130 × 100 см. Свод погребальной камеры разрушился. Глубина ямы от пола комнаты — 70 см, от поверхности северной стены — 190 см. В ее центре находился скелет мужчины зрелого возраста (45—50 лет), лежавший на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на север с отклонением на запад. Кисти рук находились у лицевой части черепа, ноги сильно согнуты, фаланги пальцев и ступни располагались в области тазовой кости погребенного. В северо-западном углу ямы найдены кости животного. В яме обнаружено еще пять сосудов: у головы погребенного — бокал (14) и кувшин с узким горлом (13), а за тазовой костью скелета — ваза на высокой ножке (15), в южной половине ямы — чайник (16) и в юго-западном углу — чаша (17).

Таким образом, при вскрытии погребения 39 было обнаружено семнадцать глиняных сосудов, в том числе два бокала, один кувшин, четыре чайника, четыре вазы на высоких ножках, два тазика конической формы и четыре чаши.

Погребение 40 — катакомбное, обнаружено под западной стеной помещения 41 (табл. 10). При разборе внутрикомнатного культурного заполнения, на глубине 60 см от поверхности стены, ооконтуровалась яма неправильной прямоугольной формы размером 95 × 60 см. Яму-дромос заполняла материковая земля. В западной ее половине обнажились полуразрушенные и целые кирпичи, видимо, от перекрытия входного отверстия. Под стеной комнаты, в материке, была вырыта погребальная камера глубиной 60 см от поверхности материкового грунта. Сохранился свод, его максимальная высота — 40 см, от дна камеры до поверхности стены — 130 см, от дна камеры до уровня пола комнаты — 70 см. Могильная яма имела форму правильного овала размером 105 × 48 см. В ее восточной половине найдено пять глиняных сосудов: полусферические лепные чаши (1, 2), цилиндроподобный вытянутый сосуд (3), кувшин (4), коническая чаша (5). Рядом с лепными чашами находились три миниатюрные глиняные чашечки-игрушки и схематизированная фигурка человека из сырой глины. В западной половине ямы, где должен лежать погребенный, ничего не оказалось. Нет сомнения, что перед нами погребение кенотафа. Глиняная фигурка заменила скелет умершего.

Погребение 41 — подбойное, обнаружено в западной половине помещения 41 (табл. 4). При разборе внутрикомнатного заполнения, под западной стеной, на глубине более 80 см от дневной поверхности, ооконтуровалась яма овальной формы размером 180 × 100 см. Яма вырыта в материке, ее глубина от пола помещения — 70 см, от западной стенки — 135 см. Могила не имеет дромоса и уходит под стеной комнаты. В западной половине ямы обнаружен скелет женщины 20—30 лет, лежавший на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Обе руки сильно согнуты, кисти рук — у

лицевой части черепа. Кости ног также сильно согнуты, ступни и фаланги пальцев находились около тазовой кости погребенной (рис. 32). Возле подбородка скелета найдено несколько ребер животного и бронзовое шило (17). У лицевой части черепа лежало бронзовое зеркало с ручкой (18), а рядом с ним — бронзовое шило (16). На обеих руках покойной было по браслету из бронзы (19), у головы найдена мраморная пряслица (20).

зы на высоких ножках (7, 8) и чайник (6). За чайником, к югу, другая большая хумча приплюснутой формы (10). К востоку от хумчи и чайника — коническая чаша (9), между хумчей (10) и вазой (8) — миниатюрная хумча с приплюснутым туловом (13), а рядом с ней — еще одна миниатюрная хумча (14). Внутри большой хумчи (10) находились бронзовая лопаточка и шило (11). Возле челюсти и кистей рук погребенной обнаружено



Рис. 32. Погребение 41.

Всю восточную и южную половину ямы занимали глиняные сосуды, некоторые из них были с остатками пищи. У головы погребенной находился чайник (1), к юго-востоку от него — тазик конической формы (2), а в нем — коническая чаша (3), рядом — еще один чайник (4), за чайником — большая хумча приплюснутой формы с относительно широким горлом (5), в которой оказался миниатюрный графинчик (12), на нем — бронзовая лопаточка (15). Поблизости найдена костяная поделка.

За хумчей стояли три сосуда: две ва-

большое количество каменных бус из полудрагоценных камней. Среди каменных украшений встречаются пуговицы-подвески. Многие из бус, пуговиц и подвесок имеют узоры, выполненные точечной техникой в виде фестончика. Одна из бусинок цилиндрической формы инкрустирована бирюзовыми глазками по круглой стороне.

Таким образом, при раскопке погребения 41 обнаружено девять предметов из бронзы, одна костяная поделка, мраморное пряслице и двенадцать глиняных сосудов различной степени сохранности.

Погребение 42 — катакомбное, обнаружено под полом помещения 59 (табл. 9). При разборе внутрикомнатного культурного заполнения помещения, на уровне пола второго строительного горизонта, ближе к восточной стене, прослежено скопление сырцовых кирпичей. Тщательная расчистка кирпичного завала дала возможность оконтурить кладку кирпичей, имеющую в плане почти квадратную форму. Кирпичи были аккуратно уложены в один ряд на площади около 1 м<sup>2</sup>. Разобрав их, мы выяснили, что яма прямоугольная в плане и имеет размеры 100 × 50 см. Глубина ямы-дромоса от уровня пола — 60 см, дромос вырыт в материке. В западной его половине находились кирпичи от перекрытия входного отверстия.

Погребальная камера вырыта также в материке. Ее глубина от уровня пола — 80 см. Она имела полусферическую форму и размер 105 × 60 см. Сохранился свод, максимальная высота которого 45 см. В центре ямы обнаружен скелет женщины зрелого возраста (45—50 лет), лежащий на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Кисти обеих рук покойной находились около челюсти, а колени обеих ног упирались в область живота. Ноги сильно согнуты — фаланги пальцев ног оказались под двумя сосудами. Скелет был весьма плохой сохранности; череп сильно раздавлен и при расчистке рассыпался. В отличие от других захоронений, скелет здесь занимал всю восточную часть могилы, а сопровождающий покойника инвентарь находился в северной и южной половине. У головы погребенной стояли два сосуда: бокал на высокой ножке (1) и чайник (2). В юго-восточном углу ямы обнаружена сероглиняная ваза на массивном полом поддоне (3). За костями таза находилась глубокая коническая чаша (4). Все сосуды изготовлены на круге.

Погребение 43 — подобное, вскрыто под северной стеной южного обводного коридора (табл. 11). Здесь, на глубине более 1 м от дневной поверхности северной стены, найден наполовину разбитый кувшин с узким горлом и подкошенным дном, внутри которого оказался скелет

подростка 11—13 лет. Кости скелета были в беспорядке. Череп лежал лицевой частью вверх под бедренной костью. На его лобной части находилось ребро. Две берцовые кости погребенного лежали справа от черепа. Локтевая и лучевая кости и несколько позвонков оказались у головы скелета. Нижняя челюсть была слева от черепа. Возле черепа найдена бронзовая серьга (5). Судя по разрозненности костей, захоронение покойника было произведено значительно позже, чем наступила его смерть. Здесь мы встретились со случаем повторного захоронения скелета. В кувшине находились две детские чашечки-пиалы (3, 4). К востоку от него обнаружено еще две детских конических чашки-пиалы (1, 2). Одна из чашечек, найденных в кувшине, сделана из серой глины (3) — при расчистке скелета она рассыпалась.

Погребение 44 — катакомбное, открыто под настлом улицы 3 (табл. 1). При разборе культурного заполнения улицы, на глубине 100 см от дневной поверхности, обнаружено могильное пятно овальной формы размером 120 × 90 см. Оно отличалось от остальной площади чистым материковым заполнением красновато-серого цвета. Глубина ямы-дромоса — 45 см. В ее западной половине обнаружено входное отверстие овальной формы, размером 95 × 45 см. Перекрытие входного отверстия не сохранилось. К западу от дромоса располагалась большая яма овальной формы размером 160 × 110 см. Глубина ямы от дна дромоса — 60 см, а от дневной поверхности более 2 м. Погребальная камера — сводчатая, ее максимальная высота — 75 см. Северо-восточная часть этой камеры оказалась пустой, весь инвентарь погребенного находился в южной, западной и частично северной сторонах ямы. Здесь обнаружено восемнадцать глиняных сосудов: один бокал (1), два кувшинчика с узким горлом и шаровидным туловом (2, 4), два кувшина с подкошенным дном (3, 15), чайник с обломанным носиком (17), тазик конической формы (18), ваза на высокой ножке (12), чаша со слипом (11), кувшинообразный горшок (10), одна коническая пиалка (13), семь глубо-

ких конических чашек (5, 6, 7, 8, 9, 14, 16). Скелет погребенного — это был ба-ран 6—7 месяцев — лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на север. Череп сильно раздавлен, на нем находился узкогорлый кувшин с шаро-видным туловом (4). В области живота скелета обнаружена коническая чаша (7).

Погребение 45. В разбитом кув-шине, лежащем на боку, в юго-западном углу помещения 54, на глубине 60 см от поверхности стены комнаты, обнаружен скелет младенца *очень плохой* сохранно-сти. Согласно положению черепа, скелет был ориентирован головой на север.

Погребение 46 — обнаружено под западной стеной помещения 54. Здесь был захоронен лишь один череп без сопро-вождающего инвентаря. Он был сильно раздавлен, лежал лицевой частью вниз.

Таким образом, на раскопанной части поселения выявлено сорок шесть захоро-нений различной степени сохранности.

Из них около тридцати погребений взрос-лых и пятнадцать детских. Шесть умер-ших были захоронены в хумах и кувши-нах. Большинство могил — катакомбных (21 погр.) и подбойных (16). Среди по-гребального инвентаря чаще всего встре-чается керамика. Она представлена в большом количестве и разнообразии. В тех случаях, когда свод погребальной ка-меры не провалился, перекрытия входных отверстий оставались целыми, в ямах было пустое пространство, а на скелетах и на поверхности сосудов образовалась вековая пыль, в сосудах сохранились ос-татки пищи, принесенной для умерших. Так, при вскрытии захоронений 1, 7, 14, 18, 22, 23, 27 и 35 в сосудах обнаружены остатки разнообразной еды.

В восьми могилах (1, 6, 14, 18, 22, 29, 41, 43) выявлен богатый набор металли-ческих предметов, чаще всего женских украшений. В некоторых находились со-суды из кожи, соломы, мрамора и дерева.

## ГЛАВА II. ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Добытый на поселении Сапаллитепе археологический материал весьма разнообразен. Он представлен богатым набором каменных орудий, изделий из металла, керамики и другого инвентаря бытового и производственного назначения.

Детальное и комплексное их изучение, характеристика каждой группы предметов с учетом их специфики дают интересные материалы о производственной деятельности, культуре и быте населения эпохи бронзы на юге Узбекистана.

### ПОСУДА

На поселении Сапаллитепе для изготовления посуды использовался самый разнообразный материал: глина, камень, металл, рог, дерево, кожа, солома и рогоз.

Керамические сосуды. В процессе раскопок на поселении обнаружено более 10 тыс. фрагментов керамики 2652 глиняных сосудов<sup>1</sup> различных размеров и форм (рис. 33). Из них более 450 экземпляров археологически целых.

Вся керамика в основном сделана на гончарном круге сравнительно быстрого вращения, но среди разнообразных форм встречаются отдельные экземпляры, изготовленные техникой ручной лепки. К таким сосудам в первую очередь относятся массивные плоские сковородки с небольшим толстым бортиком, толстостенные котлы в виде плоскостенных горшков с округлыми раздутыми туловами (табл. 21, 18), иногда со сливом (табл. 22, 2, 6, 10) и полусферические чашки (табл. 23, 6, 7). Среди кухонных сосудов встречаются большие хумообразные котлы с относительно узким, отогнутым наружу вен-

чиком и округлым туловом и со скошенной придонной частью (табл. 18, 14; табл. 21, 9, 11). Важно отметить, что некоторые кухонные сосуды изготовлены на круге. Тесто для них делалось грубое, с примесью шамота и дресвы. Поверхность кухонных сосудов, как правило, сильно закопчена, в то время как на внутренних стенках, особенно в нижней части сосудов, часто прослеживаются остатки пищи в виде нагара. В изломе черепок кухонных котлов в основном красновато-серый. Большая часть толщины излома сковородки с наружной стороны обожжена докрасна, что свидетельствует о частом использовании ее для приготовления густой пищи.

Многочисленной серией представлена столовая и парадно-столовая посуда. Вся она изготовлена из хорошо отмученной, тщательно обработанной эластичной глины местного происхождения. Все сосуды, какой бы они не были формы, хорошо обожжены и имеют красный и розовато-белый цвета. Среди большой серии керамики выделяется незначительная группа сосудов, отличающихся специфическим характером обработки наружной поверхности — ее подтесывали тупым керами-

<sup>1</sup> При подсчете сосудов учитывались лишь фрагменты венчиков.

чекским пожом и обмазывали жидкой глиной или ангобом темно-красного цвета. Большая часть сосудов снаружи подверглась вертикальному, а иногда и горизонтальному лощению до зеркального блеска. На поверхности многих из них

следи вихревой розетки — рез при помощи пилки. К сосудам со следами среза на дне относятся конические чаши, горшки, вазы на поддоне, чайники и др. Среди большого разнообразия керамики выделяется группа сосудов особенно крупных.

*типы и формы*

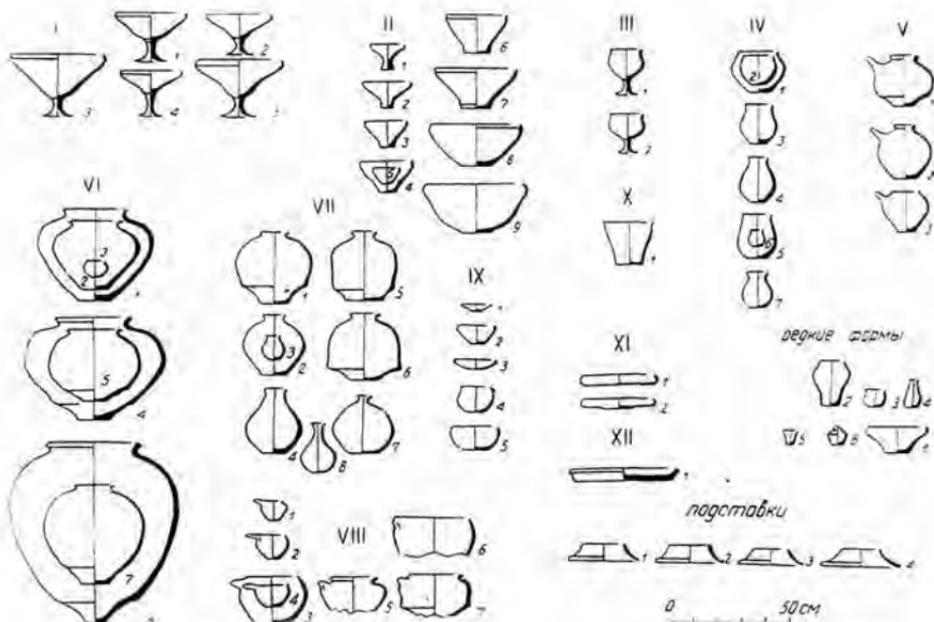


Рис. 33. Сводная таблица керамики.

следи лощения сохранились в виде полосчатого потока, давшего яркий блеск бледно-красного и темно-красного оттенков (табл. 13; табл. 14, 1, 2, 3, 5). Вся керамика с лощением имеет розовато-красный и темно-красный цвета, а остальные сосуды — бледно-розовый. Среди них выделяется небольшая группа керамики с бледно-зеленым оттенком.

Другая группа сосудов имеет на дне

донная часть которых после снятия их со станка подверглась вторичной обработке на круге быстрого вращения.

Керамика из Сапаллитена не имеет наружных украшений, если не считать двух черепков и одного серого сосуда с прочерченным орнаментом. На двух черепках (стенки от двух сосудов) небрежно изображена елочка каким-то тупым предметом (рис. 34). Другой сосуд изго-

товлен из серой глины, имеет грушевидную форму и высокое горло. Венчик и донная часть у него отсутствуют, а вся поверхность украшена горизонтально расположенными в шесть рядов параллельными линиями, вертикально заполненными удлиненными групповыми насечками или ломаными полосками в виде треугольников (рис. 35). На поверх-

ны двумя вариантами: ваза на высокой ножке с открытым желобчатым бортиком и коническим туловом (рис. 33; 1, 3, 4). Она вытянутая, стройная, со сравнительно длинной ножкой, выпуклым округлым плечиком и слегка отогнутым краем венчика. В отдельных случаях у этих ваз ножка профилирована; ваза имеет ту же форму, но с закрытым венчиком (рис. 33,



Рис. 34. Керамика с орнаментом.

ности некоторых больших сосудов имеются знаки мастеров в виде креста, полуовала, овала и схематичного рисунка сердца (табл. 14, 4, 6, 7, 8; табл. 20, 21).

При полном отсутствии орнаментации в керамике Сапаллитепе мы наблюдаем многообразие форм и усовершенствованную технику ее изготовления, а также вкус и мастерство гончаров того времени.

По форме керамика весьма разнообразна — плоскодонная, тонкая, изящная, стройная, легкая. Она подразделяется на несколько типов и вариантов внутри каждого типа.

Первый тип сосудов — ваза на высокой ножке (рис. 33; табл. 15, 1—4, 6—9; табл. 16, 1, 6, 8; табл. 17, 6, 10, 13; табл. 22, 8). Всего их 726 экземпляров. По оформлению венчика они представле-

ны двумя вариантами: ваза на высокой ножке с открытым желобчатым бортиком и коническим туловом (рис. 33; 1, 3, 4). Она вытянутая, стройная, со сравнительно длинной ножкой, выпуклым округлым плечиком и слегка отогнутым краем венчика. В отдельных случаях у этих ваз ножка профилирована; ваза имеет ту же форму, но с закрытым венчиком (рис. 33,

2, 5). Она относительно приземистая, край венчика округлый, загнутый внутрь. Среди ваз обоих вариантов выделяется целая серия сосудов, имеющих на поверхности следы вертикального полосчатого лощения (табл. 13, 1, 3, 5, 6, 10). Оба варианта ваз по своим размерам весьма разнообразны и подразделяются на четыре группы:

а) вазы наиболее крупных размеров с диаметром венчика 33—36 см, их средняя емкость — 4—5 л;

б) вазы крупных размеров с диаметром венчика 28—30 см, средней емкостью 2,5—3 л;

в) вазы средних размеров с диаметром венчика 24—27 см, средней емкостью 2 л;

г) вазы малых размеров с диаметром венчика 20—23 см, средней емкостью 1 л; Вазы наиболее крупных размеров обоих вариантов всегда глубже, чем вазы трех других групп. Среди ваз средних и малых размеров выделяется небольшая группа сосудов, в которую входят мелкие

10 л. Всего их обнаружено 127 экземпляров.

2. Конусовидная тагора с желобчатым бортиком, вогнутым профилем в придонной части (рис. 33, 6, 7; табл. 20, 17—20). Среди разнообразных сосудов Сапаллитела эта форма составляет зна-



Рис. 35. Сосуд с орнаментом.

конические чаши на довольно высокой и длинной ножке (рис. 33, 4).

Второй тип — конусовидные сосуды. Они в свою очередь подразделяются на три варианта.

1. Тагора с широким слегка вогнутым устьем и сфероконическим туловом (рис. 33, 8, 9). По оформлению венчика она бывает с желобчатым бортиком и вогнутым округлым краем.

Размеры как тех, так и других одинаковы. Высота — 18—21 см, диаметр бортика — 36—40 см, средняя емкость — 8—

чительное большинство. Подобных сосудов найдено 465 экземпляров. По форме они одинаковы, лишь некоторые различия наблюдаются в размерах. Желобчатый бортик сосуда оформлен округлым и затупленно-утонченным концом. Диаметр устья больших сосудов колеблется от 33 до 36 см, высота — 17—21 см, средняя емкость — 5—7 л. Среди них выделяется небольшая группа сравнительно мелких сосудов. Диаметр их устья — 24—29 см, высота — 16—18 см, средняя емкость — 2,5—3,5 л. Конические тагоры меньших

размеров, они более стройны, имеют подчеркнутую форму. Все без исключения сосуды этой группы имеют высокую вогнутую придонную часть.

3. Глубокие конусовидные чаши. Их 346 экземпляров. По некоторым деталям форм, намеченным в профиле сосудов, они представляют различные варианты:

а) воображаемая коническая чаша с открытым широким желобчатым бортиком и вогнутым профилем в узкой придонной части (рис. 33, 1). Высокая узкая и вогнутая придонная часть вазы в некоторых случаях представляет собой полый поддон внутри сосуда (табл. 20, 13). Эти чаши, по сути дела, являются переходным вариантом глубоких конических чаш с вытянуто-вогнутым профилем в придонной части к вазам на высокой ножке (тип 1). По размеру они самые разные и имеют довольно тонкую стенку. Высота больших чаш — 11—12 см, диаметр венчика — 19—20 см. Высота малых чаш — 10—11 см, диаметр — 15—16 см. Эта форма сосудов встречалась всего в десяти экземплярах;

б) глубокая коническая чаша с открытым желобчатым бортиком и со слегка раздутой боковой стенкой (рис. 33, 4; табл. 20, 3—5, 15, 16). Сосуды этого варианта имеют высоту 14—15 см, их средняя емкость — 1,5—2 л, диаметр венчика — 20—22 см. Среди них имеются чаши со следами лощения в виде потека (табл. 13, 9; табл. 14, 2);

в) глубокая коническая чаша с желобчатым широким открытым бортиком и с узким вытянутым плоским дном (табл. 20, 6—11; рис. 33, 3). Поверхность этих сосудов часто несет следы вертикального полосчатого лощения (табл. 13, 7; табл. 14, 1, 5). По размерам они разные. Большие чаши высотой 14—15 см, диаметром 21—22 см, средняя емкость — 2 л. Чаши среднего размера имеют высоту 13—14 см, диаметр — 19—20 см, среднюю емкость — 1,5 л. Чаши малых размеров высотой 11—12 см, диаметр венчика — 17—18 см, средняя емкость — 1 л.

г) глубокая коническая чаша с желобчатым бортиком и слегка вогнутой

вытянутой придонной частью (табл. 17, 4; рис. 33, 2). В этом варианте чаш отмечается плавный переход от широкого открытого венчика к сильно суживающемуся высокому дну, что является свидетельством продолжения усовершенствования форм глубоких конических чаш и появления разнообразных сосудов на узком высоком полом поддоне. Поверхность многих из них залощена и составляет соответственные размеры и емкости, как и предыдущая форма. Край бортика обеих групп чаш одинаковый, чаще всего прямой, слегка утонченный. Среди них выделяется небольшая группа сосудов со слегка вогнутым краем бортика;

д) среди большого количества глубоких конических сосудов имеется целая серия миниатюрных конических чаш, условно названных пиала (табл. 20, 1, 2, 12, 14; рис. 33, 5). Всего их 16 экземпляров. Они имеют широкий открытый желобчатый бортик с заостренным краем венчика и узкое плоское дно. Это детские пиалки, о чем свидетельствует их наличие только в детских погребениях. Их высота — 6—7 см, диаметр венчика более крупных пиалок — 10—11 см, малых — 8,5—9 см.

Третий тип сосудов — кубки на высоких ножках (табл. 15, 5, 10, 11, 12; табл. 16, 2, 3, 5, 9, 10, 12, 13; рис. 33, 1, 2). Всего их 140 экземпляров. По некоторым незначительным элементам форм эти кубки делятся на два варианта:

1. Кубки горшковидной формы на высокой ножке с округлым туловом и слегка отогнутым, утолщенным краем венчика (рис. 33, 2). Эта форма составляет преобладающее большинство;

2. Кубки горшковидной формы на высокой ножке со сферобиконическим туловом и слегка отогнутым краем венчика (рис. 33, 1).

Обе формы кубков почти одинакового размера, за небольшим исключением, они имеют емкость 1 л. Исключение составляет небольшая группа кубков емкостью не более 0,5 л. Диаметр венчика больших кубков — 12—13 см, малых — 10—11 см. На поверхности значительной части кубков имеются следы вертикального полосчатого лощения (табл. 13, 8, 4).

Четвертый тип сосудов — горшки. Они также по своей форме делятся на несколько вариантов:

1. Горшки с широким горлом, раздутым туловом, едва заметным отогнутым краем венчика (рис. 33, 1; табл. 17, 8, 9, 12; табл. 18, 11; табл. 21, 4; табл. 23, 12). Всего их более 100 экземпляров. Среди них встречаются горшки с прямым затупленным краем венчика и слегка выпуклым вытянутым профилем туловища (рис. 33, 2). Всего их около 60 экземпляров. Эта группа горшков, в отличие от первой группы, имеет красно-кирпичный цвет, в то время как горшки с раздутыми туловами — бледно-розовые. Размеры горшков обеих подгрупп различны: большие горшки высотой 16—17 см со средней емкостью 2—3 л, диаметр венчика приравнивается к высоте сосуда; горшки среднего размера высотой 14—15 см, со средней емкостью 1—1,5 л; горшки миниатюрные высотой 7—8 см, они довольно приземистые.

Среди коллекции горшков значительное большинство составляет первая группа:

2. Горшки вытянутых пропорций (табл. 17, 11; табл. 18, 4, 6, 8; табл. 19, 1—3, 7, 9—11; рис. 33, 3—6). Внутри этой группы, в соответствии с конфигурацией тулова и венчика сосудов, выделяются следующие варианты:

а) горшки с яйцевидным туловом (рис. 33, 4). У этих сосудов венчик четко выделяется и сильно отогнут наружу. Его край в основном круглый, иногда с подтреугольным оформлением. Размеры сосудов довольно стандартные: их высота — 13—14 см, диаметр венчика — 8—9 см, средняя емкость — 0,80—1 л. Среди изобилия горшков встречаются отдельные экземпляры идентичной формы, но больших размеров емкостью 1,5 и 2 л;

б) горшки с полусферической нижней частью тулова и прямым, иногда едва заметным, отогнутым краем венчика (рис. 33, 3). Край венчика некоторых из них утонченный. Размеры горшков стандартные: высота — 11—13 см, диаметр венчика — 9 см, средняя емкость — 0,80—1 л. Среди этой подгруппы встречаются единичные экземпляры сравнительно

крупного размера. Высота их — 17—18 см, диаметр венчика — 12 см, средняя емкость — 1,5—2 л;

в) горшки с полусферической нижней частью тулова и отогнутым утолщенным краем венчика (рис. 33, 7). Плечико сосуда имеет вытянуто-вогнутый профиль. Высота сосуда — от 12 до 15 см, диаметр венчика — 8—9 см, средняя емкость — 0,5—1 л.

г) горшки со сферобиконическим туловом и отогнутым утонченным краем венчика (рис. 33, 5). Эти сосуды сравнительно приземистые, их высота — 15—16 см, емкость — 1,5 л, диаметр венчика — 11—12 см.

На поселении Сапаллитера горшков всех видов с вытянутой пропорцией обнаружено более 150 экземпляров.

Пятый тип сосудов — чайники без ручки (рис. 33, 1—3; табл. 18, 3, 5, 7; табл. 20, 21—23; табл. 22, 1; табл. 23, 10). Всего их обнаружено 198 экземпляров. По конфигурации своих форм они подразделяются на три варианта:

1. Крупные чайники со сферическим туловом, низким отогнутым округлым краем венчика и со скошенной придонной частью (рис. 33, 1). На поверхности узкой придонной части сосуда — песчаная подсыпка, на плечике — лепной трубчатый носик с утонченным концом. В двух случаях пропорция чайника достаточно приземистая. Размеры довольно стандартные: средняя емкость этих сосудов — 6—7 л, высота — от 22 до 24 см, диаметр венчика — от 9 до 10 см;

2. Чайник с четко выделенным горлом, отогнутым округлым краем венчика, сферическим туловом и плавным переходом к плоскому дну (рис. 33, 2). На плечике, как и на предыдущем сосуде, имеется трубчатый носик различных размеров. В отдельных случаях край венчика имеет подтреугольную форму с затупленным верхом. Размеры сосудов этой подгруппы разные: одни чайники высотой от 20 до 22 см и емкостью 4—5 л, другие — высотой от 16 до 18 см со средней емкостью 1,5—2 л. Диаметр венчика у тех и других одинаков — 8—10 см. В одном случае на плечике сосуда начерчен небрежный заштрихованный кружок, нанесенный ка-

ким-то тупым предметом, в другом — стоит буква «А»;

3. Широкогорлые чайники без венчика или с незаметным тонким округлым венчиком со сферическим туловом (рис. 33, 3). Стенки сосудов довольно тонкие и имеют тщательную поверхностную обработку. Диаметр устья — 11—12 см, высота сосудов — от 14 до 17 см, средняя емкость — 2—3 л.

Шестой тип сосудов — хумы. Они подразделяются на два варианта:

1. Большие хумы с крючкообразным широким краем венчика — вытянутые, с раздутым туловом и скошенной придонной частью (табл. 21, 5—8; рис. 33, 6—7). Их более 60 экземпляров. На придонной части всех хумов — песчаная подсыпка. Высота — от 1 до 1,5 м, средняя емкость — 100—200 л. Среди них встречаются хумы меньшего размера (табл. 21, 5, 6; рис. 33, 7). Край венчика имеет затупленный верх подтреугольника, высота — от 0,5 до 1 м, диаметр венчика — от 20 до 40 см, толщина стенки — от 1,5 до 2 см, средняя емкость — 50—80 л. Обычные хумы помещались под одной из стен комнаты, рядом с супой или возле очага. Их придонная часть была врыта в землю, а большая верхняя половина обмазывалась глиной с примесью самана (рис. 11);

2. Горшкообразная хумча. Она имеет приплюснутую форму, раздутое сферическое тулово, широкий низкий отогнутый крючкообразный венчик и скошенную придонную часть (табл. 19, 6; рис. 33, 4—5). Среди этих сосудов встречаются экземпляры со следами горизонтального лощения в виде потека. Всего горшкообразных хумча 270 экземпляров. По размеру они разные: хумча диаметром 24—26 см, высотой 35 см и средней емкостью 25—30 л; хумча диаметром 20 см, высотой 20—25 см и средней емкостью 15—20 л.

Среди второй группы встречаются отдельные экземпляры со сферическим плечиком, конусовидной придонной частью, без признаков скошенности. Наружная поверхность многих из них подвергалась лощению. Эту форму совершенно точно повторяет небольшая группа сосудов (всего 5 экземпляров) — миниатюрные

хумча (рис. 33, 3). В отличие от крупных, в их придонной части отсутствуют следы скошенности;

3. Горшкообразные кухонные котлы — 186 экземпляров. Преобладающее большинство котлов имеет широкий отогнутый край венчика и округлое раздутое тулово с плоским дном (рис. 33, 1). Среди них встречаются экземпляры со скошенной придонной частью.

Все котлы толстостенные (8—12 мм), почти одинакового размера, их средняя емкость — 6—10 л. Поверхность котлов сильно закопчена, они, как правило, встречались в помещениях, чаще всего возле очагов.

Седьмой тип сосудов — кувшины. По размеру и форме они имеют некоторые варианты:

1. Широкогорлые кувшины с низким, слегка выделенным горлом, отогнутым круглым или подтреугольным краем венчика со сферическим и сферокопическим туловом и скошенной придонной частью (табл. 19, 5, 8, 13; табл. 22, 12; рис. 33, 1). Средняя емкость этих сосудов — 10—18 л. Диаметр венчика — 7—8 см, высота сосудов — от 27 до 33 см. Диаметр дна — от 8 до 11 см. Эта форма наиболее многочисленна среди разновидностей кувшинов. Всего их около 150 экземпляров. На поверхности отдельных кувшинов встречены знаки мастеров, небрежно прочерченные в виде округленного креста, полуовала, двух- и трехзубастой развилки. На узкой придонной части кувшинов — песчаная подсыпка.

Среди этой подгруппы имеются кувшины вытянутых пропорций с отогнутым округлым краем венчика и сферокопическим туловом, напоминающим яйцевидные сосуды (табл. 16, 11; табл. 17, 18, 19; рис. 33, 2, 4). Переход от туловища к плоскому дну плавный. Всего их 80 экземпляров. Имеется серия кувшинов приплюснутой формы с довольно узким высоким горлом и плавным переходом к плоскому дну. В двух случаях отогнутый край венчика кувшинов становится более уточненным и напоминает сосуды грушевидной формы (рис. 33, 4). В одном случае — горлышко отремонтировано гипсом. Размеры сосудов этой группы раз-

ные: наиболее крупные имеют высоту 26—30 см, емкость 6—8 л, средние — высоту 20—25 см, емкость 4—5 л и кувшины мелкого размера высоту 18—20 см, емкость 2—3 л. Среди них встречаются миниатюрные кувшины (4 экземпляра) емкостью около 1 л (рис. 33, 3);

2. Кувшины с вытянутым туловом, выделенным широким горлом (8—9 см) и скошенной придонной частью (табл. 18, 9; табл. 19, 12; рис. 33, 5, 6). Их 44 экземпляра. На поверхности придонной части — песчаная подсыпка. Эта форма представлена в нескольких пропорциях:

а) вытянутый кувшин с вогнутым профилем туловища (табл. 19, 12; табл. 22, 9);

б) кувшин со сферическим верхом в области плечика, расширенным туловищем и скошенной придонной частью (табл. 18, 9);

в) кувшин с шаровидным плечиком и прямой стенкой у туловища (табл. 22, 11).

Высота сосудов всех трех вариантов почти одинакова — от 24 до 29 см, средняя емкость — 5—10 л. Эти кувшины изготовлены с особым мастерством и большим вкусом. Они имеют совершенную и подчеркнутую форму;

3. Узкогорлые кувшины со сферическим туловом и плавным переходом от тулова к плоскому дну (рис. 33, 7). У них узкая горловина, край венчика заострен или затуплен — найдено всего 10 экземпляров. В двух случаях низкая узкая горловина кувшинов сильно отогнута и имеет крючкообразный венчик (табл. 18, 1, 12, 13). В остальных затупленный край венчика округлый и сильно отогнут. На одном из этих кувшинов имеется знак мастера в виде креста. Сосуд довольно крупный, его высота — 24,5 см, емкость — не менее 5 л. Остальные меньшего размера, их высота — от 13 до 16 см, емкость — от 0,5 до 1,5 л. Диаметр венчика почти у всех одинаков — не более 3 см;

4. Узкогорлые кувшины грушевидной формы типа графинов (табл. 23, 2; рис. 33, 8). У них узкая и высокая горловина, край венчика сильно отогнут и заострен. Среди этой небольшой группы встречаются сосуды с затупленным округлым

краем венчика. Туловище сфероконическое, с плавным переходом к плоскому дну. Высота — 20 см, диаметр венчика — 3 см, средняя емкость — 2 л. Всего их найдено 16 экземпляров.

Восьмой тип сосудов — горшкообразные чаши со сливом. Они представлены в нескольких вариантах:

1. Чаши со сливом небольших размеров (табл. 17, 3, 15, 16; табл. 21, 1, 2, 12—17, 19; рис. 33, 1, 2, 4). Всего их 99 экземпляров. Они имеют округлое призмистое тулово, напоминающее форму полусферических чаш. Нижняя половина чаши всего сфероконическая или конических пропорций, верхняя характеризуется постепенным сужением округлого края венчика сосуда. Количественно преобладают сосуды со сферическим туловом. На поверхности большинства сосудов прослеживается сплошное вертикальное, иногда горизонтальное полосчатое лощение (табл. 13, 2). Их высота — от 8 до 12 см. Среди сосудов данного типа встречаются миниатюрные чаши высотой не более 6 см, их средняя емкость — 0,1 л.

Внутри этой группы попадаются сосуды совершенно аналогичной формы, изготовленные из серой глины. Среди них имеется экземпляр со сферическим плечиком и конической нижней частью тулова. Тонкий венчик диаметром 6,5 см слегка выделен, высота сосуда — 8 см, наибольшая ширина верхней части туловища — 10,5 см, емкость — 0,3 л. Все сосуды имеют устья желобчатый длинный с постепенным сужением конца слив, который прикрепляется к чаше до ее обжига;

2. Горшкообразные чаши крупных размеров с закрытым венчиком, коротким носиком на плечиках (табл. 22, 2, 6, 10; рис. 33, 3, 5, 6, 7). Их 56 экземпляров. Внутри этой группы выделяются три вида сосудов:

сосуды со сферическим плечиком и сфероконической формой в нижней части тулова (рис. 33, 5). Край венчика закругленный, овальной формы, диаметр — 20—22 см, толщина стенки сосуда — 6 мм;

сосуды с полусферическим плечиком, уплощенным широким краем венчика и скошенной придонной частью (рис. 33, 7).

Диаметр венчика — 24—26 см, толщина стенки сосуда — 7 мм;

сосуды цилиндрической формы с прямым затупленным краем устья (рис. 33, б). В отличие от предыдущих сосудов, слив у них расположен у устья в виде глубокого желобка овальной формы. Толщина стенки сосуда — 7 мм.

Девятый тип сосудов — миски. Они представлены следующими вариантами:

1. Полусферические миски или чашки (табл. 22, 3, 4; табл. 23, 6, 7; рис. 33, 5). Лепные толстостенные (1—1,5 см), изготовлены из грубого глиняного теста, черепок в изломе серый. Вся внутренняя и внешняя поверхность грубая, неровная, отслаивается тонким слоем, сохранность сосудов плохая. Всего в комплексе 7 экземпляров. Все без исключения сосуды плоскодонные. Высота более крупных сосудов — 10 см, диаметр дна — 18 см, средняя емкость — более 1 л. Высота сосудов малых размеров — не более 7 см, диаметр венчика — 16 см, емкость — 0,5 л;

2. Миски (рис. 33, 2). Их 8 экземпляров, найдены исключительно в помещениях. Имеют сфероконическую форму с вогнутым затупленным или уплощенным краем венчика, выпуклым плечиком и узким плоским дном. Все миски изготовлены на круте, имеют очень хороший обжиг. Размеры почти одинаковые: средняя емкость — не более 0,5 л, высота сосудов — 5, 6, 7 см, диаметр венчика — 14—15 см, толщина стенки — не более 6 мм.

3. Неглубокие миски (рис. 33, 1, 3), 7 экземпляров. Имеют сфероконическое тулово с незаметным плоским или уплощенным дном. Край венчика слегка загнут внутрь сосуда. Бортик у одной миски желобчатый и утонченно-округлый, дно уплощенное (рис. 33, 3). Диаметр венчика большой миски — 16,5 см, высота — 5 см; у мелких мисок диаметр — 12 см, высота — 3 см. Все неглубокие миски имеют хороший обжиг, изготовлены на круте;

4. Полусферические глубокие миски (рис. 33, 4), их более 10 экземпляров. Они имеют слегка выпуклое тулово с плоским дном. По краям венчика равно-

мерно расположены три петлеобразных ушка со сквозным отверстием, видимо, для подвешивания. Эта группа мисок своей формой больше всего тяготеет к горшкам округлой формы (тип 4; 1, 2).

Десятый тип сосудов — баночные сосуды цилиндрикоконической формы с широким открытым венчиком и желобчатым бортиком (табл. 23, 1, 3, 4; рис. 33, 1). От широкого затупленного края бортика сосуд плавно суживается к плоскому дну, образуя цилиндрикоконическую форму. Цилиндрические сосуды по размерам разные, но форма и техника их изготовления совершенно идентична. Все они тонкие, отличной термотехники, звонкие. Высота сосудов большого размера — 18 см, диаметр венчика — 19 см, диаметр дна — 10,5 см. Средняя емкость — 2,5 л. Толщина стенки черепка не более 5 мм. Малые сосуды имеют высоту 10 см, диаметр венчика — 13 см, диаметр дна — 6 см, толщину стенки черепка — не более 3 мм, емкость — 0,5 л. Среди богатой коллекции керамических сосудов известны всего шесть экземпляров цилиндрикоконических банок.

Одиннадцатый тип сосудов — плоские блюда в виде подноса (рис. 33, 1, 2), их пять экземпляров. Они имеют небольшой (2—3 см) загнутый бортик с округлым концом. В центре внутренней части углубленное кольцо с незаметным бортиком. Высота подноса — 3—4 см, диаметр венчика — 25—30 см, диаметр внутреннего кольца — 7 см. В одном случае блюдо имеет выделенное плоское дно (рис. 33, 2).

Двенадцатый тип сосудов — сковородки (рис. 33, 1). Всего их двенадцать экземпляров. Они имеют круглую плоскую форму с невысоким (2—3 см) наклонным наружу бортиком. Дно плоское, при переходе от дна к бортику — желобок. Край бортика косо срезан. Высота сковородки — 4—5 см, толщина дна — 2—2,5 см, толщина венчика — 1—1,5 см, диаметр — не менее 30 см. Все сковородки лепные со следами сильной закопченности.

Редкие формы. 1. Ваза с выпукло выступающим плечиком, коническим туловом и прямой высокой придонной

частью (рис. 33, 1; табл. 23, 8). Край венчика округлый с незаметным желобком. Диаметр венчика — 25 см, диаметр дна — 10 см, высота сосуда — 11 см. Ваза изготовлена из теста серой глины, хорошо обжигана, покрыта снаружи вертикальным полосчатым лощением на фоне серого ангоба;

2. Сосуд-цветочник (табл. 21, 3; рис. 3, 2) вытянутой формы с широким устьем венчика, выпукло-раздутым шаровидным плечиком и постепенным сужением тулова к удлиненной придонной части. Диаметр венчика — 11 см, диаметр дна — 7,5 см, высота — 19 см;

3. Цилиндрический сосудик с широким открытым устьем венчика, слегка вогнутым профилем туловца и со скошенной придонной частью (рис. 33, 3). Высота — 7,5 см, диаметр венчика — 8,5 см, диаметр дна — 4,5 см;

4. Сосудик-бутылка с широкой придонной частью и постепенным сужением к узкому венчику (табл. 23, 5; рис. 33, 4). Край венчика заостренный, диаметр — 3,5 см, диаметр дна — 5,5 см, высота сосуда — 12 см. Он изготовлен на круге быстрого вращения;

5. Цилиндроконический сосудик с широким открытым отогнутым устьем венчика (6 см) и выступающим краем дна (табл. 23, 11; рис. 33, 5). Край дна подправлен каким-то орудием. Высота сосуда — 5,5 см.

Среди изобилия разнообразных форм сосудов в керамическом комплексе поселения Сапаллителя встречались и отдельные предметы бытового назначения, в частности подставки. Они представлены двумя вариантами: а) керамические кольцевые подставки (табл. 23, 9; рис. 33, 1—4; рис. 36). Их нижняя тупая часть намного шире (29—30 см) верхней (16—17 см). Верхний бортик прямо срезанный, стенка в профиле вогнутая высотой не менее 7 см, толщиной около 1 см. Всего их восемь экземпляров. На поверхности одной из них начерчена буква «А» (рис. 36, 2), на другой — что-то напоминающее штанги (рис. 36, 1); б) высокие прямоугольные и дисковидные глиняные подставки. Их шесть экземпляров. Они обнаружены на дне пристенных очагов и

прокалены докрасна. В одном случае под большим горшкообразным котлом найдено три глиняных подставки прямоугольной формы. Высота прямоугольных поставок — 15—16 см при толщине 10×10 см. Дисковидные подставки невысокие (7 см), имеют вогнутый профиль стенки. Диаметр — 10 см и более.

Водосточная труба представлена в единственном экземпляре. Она цилиндрической формы, имеет длину 32 см, диаметр — 5,5 см, с одним широким заостренным концом и сравнительно узким другим. Труба изготовлена на круге быстрого вращения и имеет очень хороший обжиг (табл. 23, 13).

Таким образом, анализируя разнообразные формы керамики по типам и вариантам в соответствии с их специфическими особенностями, мы выявили не менее двенадцати типов керамических форм и их сорок вариантов. Исключительное большинство составили рядные сосуды, изготовленные с большим вкусом и спидельствующими о большом опыте керамистов. К таким сосудам следует отнести глубокие конические чаши в их разнообразных вариантах, вазы на высоких ножках, вазы на поддоне, кувшины, кубки, чайники и др.

Анализ сосудов как целых, так и в обломках показал, что исключительное большинство (не менее 95%) изготовлено на гончарном круге. Кроме котлов, сковородок и отдельных экземпляров горшковидных котлов, все без исключения сосуды имеют хороший равномерный обжиг.

Среди большого количества разнообразной посуды следует выделить незначительную серию лепных сосудов полусферической формы (IX тип, пятый вариант), видимо, привозную, так как при изобилии высококачественной столовой посуды в грубых лепных чашах не было никакой необходимости. Большой керамический комплекс включает несколько экземпляров сероглиняных сосудов, которые, видимо, также являются привозными.

Сосуды из дерева. Серия деревянных сосудов, представленная в разнообразном и богатом комплексе, происходит исключительно из захоронений. Де-

ревянные сосуды по своей форме подразделяются на четыре варианта:

а) плоские блюда в виде тарелки с небольшим бортиком (рис. 37; табл. 27, 2). Имеется три экземпляра. При раскопках могил лишь одно блюдо удалось извлечь невредимым, остальные представ-

ней сохранились остатки пищи (?). Высота миски — 2 см, диаметр ее венчика — более 6 см, диаметр дна — 3,5 см (рис. 39).

г) блюдечко-розетка (табл. 33, 1) представлено единственным экземпляром. Оно круглое, диаметром 8 см, имеет небольшой (3 мм) бортик, край бортика



Рис. 36 Две керамические кольцевые подставки

лены в фрагментах. Диаметр целого блюда — 25 см. В двух случаях на блюдах были кости животных, в одном — остатки густой пищи;

б) глубокая полусферическая чаша. Сохранность ее плохая. При вскрытии могилы (6) она окончательно рассыпалась. От нее остались лишь обломки и полевая зарисовка приблизительного размера (рис. 38);

в) миниатюрные миски (табл. 33, 2) — их три экземпляра. Они плохой сохранности, но в одном случае такая миска осталась целой. Она полуовальной формы с плоским, слегка выделенным, чуть отогнутым и прямо срезанным венчиком. В

прямо срезанный. Блюдечко еще в древности сломалось на две части и подверглось починке, о чем свидетельствуют четыре пары сквозных отверстий для ниток. По кругу оно украшено пылевидным узором.

Сосудик из кожи. В богатой коллекции сосудов из поселения Сапалитена единственным экземпляром представлен миниатюрный кожаный сосудик типа кувшинчика. Он вытянутой формы с округлым дном и сравнительно высоким горлом (рис. 39; табл. 33, 10). Диаметр венчика сосудика — 3 см при высоте — 6 см. Его горлышко покрыто кожаным «платочком» перевязанным тонкой нит-

кой. Часть туловища сосудика сгнила, внутри он оказался пустой.

Сосуды из рогаза и соломы. Наиболее интересную группу составляют тринадцать сосудов из рогаза и соломы, найденных при вскрытии древних захоронений (табл. 27, 1, 3, 4, 5). Они представляют собой плетеные корзины

Край ее бортика слегка загнут внутрь, а донная часть намного шире, чем верхняя. Внутри корзины оказались кости животного (табл. 27, 1). Кости животных были обнаружены и в трех других корзинах.

Найдено также шесть экземпляров сосудов, сплетенных из соломы (табл. 27,



Рис. 37. Деревянное блюдо с остатками костей животного (погр. 6).

или плоские блюда в виде глубокой тарелки. Сплетенные из рогаза корзины представлены в семи случаях. Сохранность их очень плохая, при прикосновении к ним они рассыпались. В шести случаях не помогли даже химические закрепители и лишь в одном сохранность корзины была удовлетворительной и ее удалось извлечь невредимой. Она имеет форму глубокой миски с округлым туловом.

3, 4, 5; рис. 40, 41). По технике плетения они идентичны корзинам из рогаза.

По своей форме сосуды делятся на две группы. В первую входит небольшая плетеная корзина. Она целая, имеет загнутый внутрь бортик и плоское дно. Внутри корзины оказались остатки кожаной шапочки (табл. 27, 3; рис. 41).

Вторую группу составляют блюда в виде глубоких тарелок. Два из них це-

лые. Они имеют небольшой бортик высотой около 2 см (табл. 27, 4, 5; рис. 40). В одном блюде находились остатки гус-

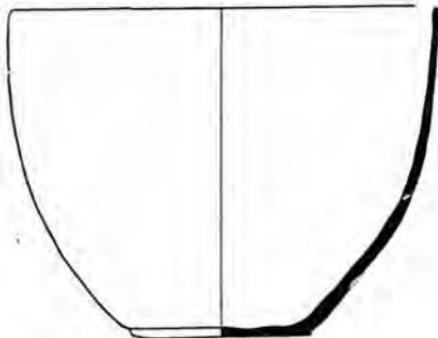


Рис. 38. Деревянная чаша (погр. 6).

той пищи и миниатюрный глиняный сосудик, в другом — также остатки густой пищи.

земляры каменных сосудов, изготовленных из белого мрамора розоватого оттенка. Их всего четыре. Три из них целые, один в фрагментах. Первый сосуд представляет собой полусферическую чашку с плоским дном, открытым прямо-срезанным краем венчика (табл. 32, 18). Диаметр венчика — 6,5 см, высота — 2,5 см. Второй сосуд имеет форму миниатюрной миски с округлым туловом, плоским дном, слегка выделенным округлым отогнутым краем венчика (табл. 24, 26; табл. 32, 12). Диаметр венчика — 3,3 см, высота — 1,5 см.

Третий сосуд представлен большим фрагментом донной части от полусферической чашки. Он тщательно обработан как по внешней, так и по внутренней поверхности.

Четвертый сосуд имеет форму стакана, на внутренних стенках которого сохранились неправильные концентрические линии — следы обработки. Край венчика неровный, необработанный, имеет следы отдельных насечек на выпуклой



Рис. 39. Сосуд из кожи и деревянная чашечка (погр. 1).

Каменные сосуды. Среди разнообразных форм посуды на поселении Сапаллитепе встретились отдельные эк-

части, диаметр венчика — 5 см при глубине 4 см.

Металлические сосуды. Их

всего пять экземпляров. Четыре из них имеют форму миниатюрного графинчика (табл. 25, 1—4; табл. 32, 1—4). Пятый — глубокой цилиндрической чаши с подкошенным плоским дном (табл. 25, 7). Край ее венчика сильно отогнут, диаметр венчика — 10,5 см, высота — 7 см, диаметр дна — 6,5 см.

графинчика отмечается просверленное сквозное отверстие.

Сосудик из рога. Представлен единственным экземпляром. Он изготовлен из рога благородного оленя (табл. 33, 3), имеет форму срезанного конуса высотой 4 см. Край бортика его узкой верхней части заострен, диаметр —



Рис. 40. Блюдо из соломы с остатками пищи (погр. 1).

Все графинчики литые с высокой узкой стройной горловиной от 3 до 3,5 см. Три графинчика с широким плечиком, диаметр которого колеблется от 4 до 5,5 см. Их высота — от 7 до 9 см. От широкого плечика к плоскому дну графинчиков идет резкое суживание, в результате чего они ниже горлышка приобретают форму опрокинутого конуса. Диаметр их дна — от 2 до 3,5 см, край венчика плоский и широкий диаметром от 1,7 до 2,7 см. На горлышках двух из них прочерчены два ряда параллельных линий. На дне одного

3,5 см, а в нижней части — 4 см. По краям бортика нижней части имеются три сквозных отверстия. Сосудик тщательно отполирован со всех сторон.

Таким образом, при изучении посуды с поселения Сапаллитена, изготовленной из дерева, кожи, рогоза, соломы, камня, металла и рсга выявлено дополнительно пять форм сосудов неизвестных ранее среди разнообразной и богатой коллекции керамики. Это бронзовые графинчики, цилиндрический сосудик из рога, плоские блюда в виде глубокой тарел-

ки из дерева и соломы, блюдечки-розетки из дерева, корзины из соломы и розга.

Важно отметить, что некоторые типы сосудов, сделанных из камня, бронзы, дерева и кожи, повторяют керамические

формы, представленные в изобилии в коллекции Сапаллитела. Это относится прежде всего к полусферическим чашам и мискам из мрамора, дерева и бронзы, стаканам и кувшинам из мрамора и кожи.



Рис. 41. Блюдо-сават из соломы с остатками предмета из кожи (погр. 1).

#### ОРУДИЯ ТРУДА И ОРУЖИЕ

Большая часть орудий труда и оружия из поселения Сапаллитела сделана из кремня. Из него изготовлялись наконечники стрел, ножевидные пластинки, скребки. Из интрузивных горных пород — зернотерки, ступки, пестики, молоты, отбойники, гладилки, ядра для пращи и многое другое.

Наконечники стрел. Их обнаружено более тридцати экземпляров. Они изготовлялись исключительно из высококачественного кремня серого цвета

различных оттенков. Предпочтение отдавалось розовато-серому кремню. В одном случае имеется наконечник, сделанный из мраморизированного кремня грязно-серого цвета (табл. 28, 8), в другом — из окремненного известняка серого цвета (табл. 28, 34). Четыре наконечника сделаны из темно-серого кремня (табл. 28, 19, 27, 32, 40).

Наконечники стрел представлены в основном тремя типами: наконечники подлистовидной формы со слабо выражен-

ным черешком (табл. 28, 1, 8, 21, 27), наконечники ромбической формы с черешком (табл. 28, 26, 29, 39, 41) и наконечники подтреугольной формы с ярко выраженным черешком на основании (табл. 28, 7, 9, 23, 25). Наконечники первого типа более стройные, с длинным пером, наконечники второго типа сравнительно

треугольной формы с широким основанием и исчезновение листовидной.

Метательные камни. Наиболее многочисленную серию составляют ядра для пращи — метательные камни (рис. 42). Источником сырья для их изготовления служили камень и глина. На поселении найдено более 60 каменных



Рис. 42. Метательные камни.

меньше, также с длинным пером и слабо выраженным черешком, наконечники третьего типа, до некоторой степени грубоватые, изготовлялись из отщепов.

Большинство наконечников стрел предельно тонко и тщательно обработаны с двух сторон техникой отжимной ретуши. При изготовлении двух наконечников использовалась та же ретушь, но лишь с одной стороны — со стороны спинки. Со стороны брюшка они обрабатывались ретушью только по краям, середина пластинки осталась необработанной. Для всех наконечников стрел из Сапаллитера характерно постепенное преобладание

ядер и около 100 глиняных. И те и другие имеют шаровидную форму и различный размер. Большая часть каменных ядер изготовлялась из кварца, гранита, кремня, а в отдельных случаях из диорита и мелкозернистого песчаника. Поверхность всех ядер обработана предельно тщательно с помощью точечной техники. По своему характеру следы обработки на метательных камнях не отличаются от таковых на отбойниках и других орудиях. Есть основания предполагать, что для изготовления ядер использовались не только специально выбранные гальки, лишённые всякой обработки, но и те

круглые гальки, которые первоначально служили отбойниками. Размеры каменных ядер разные: крупные весом до 1 кг, средние до 300—400 г и малые 100—200 г.

Незначительное количество каменных изделий из Сапаллитена изготовлено техникой расщепления кремня. Это ножевидные пластинки, нуклеусы, скребки и др.

Ножевидные пластинки. Всего их семь экземпляров (табл. 28, 3, 6, 12, 16). Они изготовлены из высококачественного серого кремня различных оттенков: розовато-серого, темно-серого, бледно-серого с дымчатой патinou. Три пластинки сравнительно массивные, их длина 6—8 см, две из них обработаны по затупляющему рабочему краю односторонней отжимной ретушью (табл. 28, 3, 5), а третья не имеет ретуши по рабочему краю (табл. 28, 4), четвертая пластинка (табл. 28, 12) — тонкая, длиной 4 см со следами мельчайшей ретуши со стороны спинки по одному краю. Остальные три (табл. 28, 6, 16) без каких-либо признаков отжимной ретуши, хотя по рабочему краю они имеют следы частичной сработанности.

Скребок. Всего их восемь экземпляров. Они оформлены на отщепах различных размеров. В коллекции представлено четыре типа скребков:

а) округлые скребки — два экземпляра, ретушированы по всем краям со стороны брющка (табл. 28, 13);

б) выемчатые скребки — два экземпляра, образованы на невыразительных отщепах — отбросах производства;

в) боковые скребки — один из них образован на массивном отщепе мустьерского облика;

г) концевые скребки — один на пластинчатом отщепе, другой — на нуклеидном (табл. 28, 14).

Отдельные скребки, особенно округлый (табл. 28, 13), концевой (табл. 28, 14) и выемчатый, напоминают аналогичные орудия неолитической эпохи. Однако следует отметить, что описанные скребки и ножевидные пластинки не являются продуктом массового производства. Не исключена возможность, что мастерам, спе-

циально занимавшимся изготовлением кремневых наконечников стрел, приходилось делать и отдельные скребки, иногда и кремневые ножи, столь редко встречающиеся на поселении Сапаллитена.

Доказательством существования у сапаллитенцев производства кремневых изделий служат находки нуклеусов (7 экземпляров), выразительных отщепов (40 экземпляров) и других отходов производства (более 60 экземпляров). Из семи нуклеусов четыре представляют собой микронуклеусы и три имеют карандашевидную форму с многочисленными следами снятия микропластинок (табл. 28, 10, 17, 37). Один микронуклеус обладает формой неправильной призмы, три других, более крупных, имеют следы широких пластин и отщепов. Из них два призматических, а один, более архаичный, напоминает дисковидные нуклеусы времени Мустье. Нет сомнений, что описанные выше орудия труда изготовлялись из того же сырьевого материала, который лежал в основе нуклеусов.

Из сорока отщепов только четыре имеют широкую ударную площадку, характерную для более ранних памятников, что является случайным совпадением. Следует отметить, что за исключением единичных экземпляров отщепы с поселения Сапаллитена не несут на себе следов обработки техникой отжимной ретуши, даже следов сработанности, хотя среди них встречается много экземпляров, пригодных для использования в качестве резцов, скобелей и скребков. Это объясняется, видимо, тем, что в обществе первобытных оседлых земледельцев кремль (один из основных сырьевых материалов для изготовления орудий труда) уже теряет прежнюю роль и его заменяет металл, широко распространившийся во всех сферах производственной деятельности населения эпохи бронзы.

Пряслица. Они составляют интересную группу орудий труда из поселения Сапаллитена. Их найдено более семидесяти экземпляров (табл. 24, 17—22, 26—34, 36—39). Из них шестнадцать изготовлены из розового и белого мрамора (табл. 24, 17—22, 27—28), а остальные — из глины (табл. 24, 29—34, 36—39). Гли-

няные пряслица несут следы хорошего обжига, имеют гладкую поверхность и, в большинстве случаев, следы лощения, нанесенного до обжига.

Представленная форма пряслиц из глины и камня — биконическая со сквозным цилиндрическим отверстием в центре, округлыми очертаниями или с острым ребром. Последняя несколько вытянута и является наиболее распространенной, особенно среди глиняных пряслиц. Среди пряслиц (как каменных, так и глиняных)

тов. По форме они овальные, круглые, подпрямоугольные, иногда подтреугольные (рис. 43). Рабочая поверхность всех зернотерок плоская или со слабой вогнутостью. Размеры различные. Большинство зернотерок сохранилось в обломках.

Ступки. Представлены небольшой серией — восемь экземпляров (рис. 44). Одна более крупная изготовлена из мраморизированного камня, а остальные, также довольно большие, из кристаллизованной твердой гранитной породы. Две



Рис. 43. Зернотерки.

встречаются отдельные экземпляры, на поверхность которых нанесен узор с обеих торцовых сторон — три кружочка в виде глазков (табл. 24, 18, 22).

В комплексе орудий труда с поселения Сапаллитепе в большом наборе представлены зернотерки, ступки, пестики, молоты, отбойники, гладилки и топоры.

Зернотерки. Их сто сорок один экземпляр. Они изготовлены большей частью из гранитоидных пород камня (кусков уплощенной формы) серого, розовато-красного, красновато-серого цве-

ступки, сравнительно крупные, имеют чашеобразное углубление (до 10 см). Диаметр углубления большой ступки доходит до 16 см (рис. 44). Углубление третьей ступки мелкое, а трех остальных — от 4 до 5 см при диаметре от 5 до 10 см.

Пестики. Составная часть ступок. Найдено семнадцать экземпляров (рис. 44). Они изготовлены из удлиненных мелкозернистых галек серого цвета различных оттенков. Четыре из них целых, остальные в обломках. Длина целых экземпляров — 10—14 см. Все пестики

круглые в сечении. Обе концевые рабочие части сильно стерты и изношены в результате их долгого использования для размельчения зерна и растирания красок. По-видимому, среди коллекции пестиков из Сапаллитела находились и деревянные, превышающие в два-три раза размер каменных, что соответствовало ступкам.

их как двуручные отбойники или молоты (рис. 45). В некоторых случаях боковые края молотов несут следы сбитости и выщербленности. Аналогичные следы прослеживаются и на обоих концах орудий. Один конец молота обычно более массивный, чем противоположный, а утолщенная рабочая часть орудия, как правило, выщерблена больше, чем утонченная.



Рис. 44. Ступки и пестик.

Молоты. Их двенадцать экземпляров. Они изготовлены из гальки, в основном из тонкозернистой гранитной породы — диорита и крупнозернистого песчаника. Все они массивные, имеют удлиненное, неправильноовальное очертание. В одном случае молот обладал секачеобразной формой. Их длина колеблется от 24 до 30 см при ширине 10—14 см. Исследуя следы изношенности на рабочей части этих орудий, Т. Мирсаатов определил

Отбойники составляют наиболее многочисленную и интересную серию каменных орудий (табл. 29, 5—8, 12—15, 17). Их большая часть изготовлена из мелкозернистых интрузивных пород камня — диорита, диабазы, кварца, гранита и кремневой карбонитной породы.

По своей форме они делятся на пять групп: отбойники округлой формы — 112 экземпляров; отбойники уплощенно-овальной формы — 47 экземпляров; от-

бойники удлиненно-прямоугольного очертания — 44 экземпляра; отбойники секачеобразные — 29 экземпляров; отбойники с рукояткой — 2 экземпляра.



Рис. 45. Двуручный каменный отбойник.

Визуальное изучение рабочих частей этих орудий Т. М. Мирсаатовым в лабораторных условиях показало, что несмотря на разнovidности форм, все они выполняли одну и ту же функцию. Т. Мирсаатов отмечает, что в функциональном отношении отбойники из поселения Сапаллитепа отличаются от аналогичных предметов эпохи палеолита<sup>2</sup>. Действительно, если отбойники эпохи палеолита

<sup>2</sup> Т. М. Мирсаатов. Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института археологии АН УзССР 21 ноября 1972 г.

служили для снятия отщепов с нуклеусов и изготовления орудий путем нанесения достаточно сильных ударов, то на Сапаллитепа они использовались лишь для изготовления зернотерок, пестиков и ступок. При помощи отбойников бороздился гладкая поверхность заготовки, затупливались острые края и подрабатывались ненужные участки сырьевого материала, предназначенного для изготовления каменных орудий. Края многих из них сглажены, что указывает на их длительное использование. Округлые отбойники имеют следы выщербленности почти по всей поверхности или на отдельных участках, в то время как отбойники удлиненно-прямоугольной формы несут сбитость только на концах. Среди них встречаются отдельные экземпляры со следами выщербленности на боковых сторонах. Концевые рабочие части у некоторых образцов сломаны, частично сбиты или сильно выкрошены.

Уплощенно-овальные отбойники несут следы изношенности как на концах, так и на торцах. Причем, среди них попадаются отдельные экземпляры со следами сбитости лишь на одной из боковых частей отбойника.

Весьма своеобразны секачеобразные отбойники (рис. 46). Они имеют удлиненно-прямоугольную форму, чаще всего приближающуюся к грушевидной. Один конец у них более толстый, имеющий массивное округлое очертание и следы значительного выщербления, другой зауженный, незначительно выщербленный.

Уплощенно-удлиненные экземпляры секачеобразных отбойников имеют следы сбитости и по боковым частям. Зауженный конец большей части секачеобразных отбойников для удобного захвата рукой подправлен с помощью нанесения легких и частых ударов.

Не менее интересны отбойники с рукояткой. Они представляют собой удлиненно-уплощенные гальки с одним зауженным концом, служившим рукояткой орудия. При выделке рукояточной части наибольшей обработке подверглись боковые края, в то время как на противоположной стороне следы обработки менее заметны. Рабочая часть орудий в про-

цессе труда закруглилась и имеет следы сильной выщербленности и выкрошенности, что свидетельствует об интенсивном использовании отбойников при обработке поверхности зернотерок.

Отбойники-гладилки. Большой интерес среди каменных изделий представляют комбинированные орудия (табл. 29, 1—4, 9—10, 16). Их тридцать восемь экземпляров. Они изготовлены из интрузивной горной породы, в основном из диорита. Чаще всего отбойники-глад-

стых ударов, что и образовало мельчайшие бороздки и царапины. Вместе с тем ими подправлялась и некоторая грубая выщербленность на рабочих частях зернотерок. Поэтому мы их условно назвали отбойниками-гладилками.

Гладилки составляют небольшую серию среди каменных орудий поселения Сапаллитепе. Их всего 10 экземпляров. Они имеют уплощенно-прямоугольную форму часто неправильного очертания.



Рис. 46. Секачеобразные отбойники.

дилки имеют округленную форму, реже овальную. Большинство из них несет следы сбитости и выщербленности почти по всей поверхности орудия. Их характерной особенностью является наличие на отдельных участках слабоокатанной, уплощенной площадки круглой формы со следами шлифовки, заполировки и заглаженности. Визуальный осмотр рабочей части этих орудий со следами выщербленности и заполированности показывает, что с их помощью производилась последняя завершающая операция — окончательная обработка рабочей поверхности зернотерок путем нанесения легких и ча-

Рабочая часть гладилок заполирована до зеркального блеска. Необходимо отметить, что на рабочих частях многих из них четко прослеживаются многочисленные тонкие линейные следы, свидетельствующие об их использовании для работы по мягкому материалу.

Точила представлены двумя экземплярами. Они изготовлены из окатанных галек. На незначительной поверхности обеих галек сохранились четкие линейные следы, свидетельствующие об их использовании для заточки металлических орудий с острым рабочим концом, таких как иголки, шилья.

**Топоры.** К числу каменных изделий относятся три экземпляра рубящих орудий — мы их условно назвали топорами. Один из них изготовлен из серого кремня зеленоватого оттенка. На его поверхности нет никаких признаков обработки. Он представляет собой уплощенно-массивный предмет с многочисленными следами снятия отщепов. Острая рабочая часть орудия — широкая и сильно затупленная (табл. 29, 18). Два других топора представляют собой подтреугольную пластину с широким слегка закругленным лезвием. Они изготовлены из диорита темного цвета. Ширина лезвия первого орудия — 15 см. Оно имеет следы затупленности. Узкая массивная часть топора, особенно его острые края, подправлены для удобного захвата правой рукой. Ширина лезвия другого топора — 13 см, оно также имеет следы затупленности.

Характеризуя группы каменных орудий из поселения Сапаллитепе, следует отметить, что изучение следов обработки на рабочих частях многих из них и их функций производилось путем визуального осмотра. Дальнейшие экспериментальные и трасологические исследования, несомненно, позволят определить способы изготовления и функции этих орудий в каждом конкретном случае.

Более значительную роль у обитателей поселения Сапаллитепе, несомненно, играли орудия и оружие из бронзы. Однако их сохранилось здесь очень мало. В погребениях их число также ничтожно.

**Боевой топор.** Из имеющихся бронзовых орудий, в первую очередь, следует отметить уникальный проушный секирообразный боевой топор (табл. 25, 13; табл. 32, 11). Он имеет своеобразную форму: обухом его слегка расширен в виде удлиненного плоского молотка, лезвие сильно оттянуто назад. На втулке топора с обеих сторон начерчены желобком ромбовидные фигуры со сквозным круглым отверстием в центре. В результате получилось как бы изображение глаза. Прорух имеет правильную форму, к лезвию он слегка расширяется. Само лезвие, расширяющееся вниз, немного изогнуто, а передний его край слегка опущен. В проухе топора сохранились остатки по-

зеленешего дерева. Длина топора — 19 см, ширина лезвия — 10 см.

**Двулезвийный бронзовый нож** представлен двумя экземплярами (табл. 26, 20; табл. 25, 5) и черенком от третьего ножа (табл. 26, 7). Первый нож довольно тонкий, с несколько изогнутой спинкой, имеет длину 5,5 см. Он сильно поврежден, сейчас трудно себе представить его первоначальную форму. Нож сделан из тонкой пластинки с расширенным рабочим концом. Другой нож (скорее бритва) с листовидным лезвием, выделенным зазубренным черенком, также сильно поврежден. Он сделан из тонкой широкой пластинки. Максимальная ширина лезвия — 2,5 см, длина всего ножа — 8,5 см.

**Наконечники копий.** Имеется два экземпляра. Один из них целый (табл. 25, 6), другой в фрагментах — сохранился лишь черенок копья. Оба предмета найдены при вскрытии жилых помещений. Наконечник копья с черенком имеет удлиненное перо подтреугольной формы с небольшим суживающимся концом черенка. Его общая длина — 11,5 см, длина пера — 9 см, черенка — 2,5 см.

Наиболее интересную группу из числа металлических орудий составляют шилья, иголки, лопаточка, вязальный крючок, стамеска, печать и т. д.

**Шилья.** Их пять экземпляров. Одно из них — в обломках, а остальные — целые. Все шилья круглые в сечении с одним заостренным и другим утолщенным концом (табл. 26, 15, 30, 31, 34). Утолщенный конец одного из них оформлен в виде маковой головки (табл. 26, 31). Размер шильев разный; крупные — длиной 27—30 см, мелкие — 10—12 см.

**Иголки.** Они представлены двумя экземплярами. Одна иголка сделана из тонкой четырехгранной проволоки с заостренным рабочим концом (табл. 26, 11, 12). Другой ее конец — тупой, он обломан, отверстия для нити не прослеживаются. Длина сохранившейся части иголки — более 3 см. Другая иголка, в отличие от первой, круглая в сечении с одним заостренным рабочим концом и другим утолщенным и обломанным. На обломанной стороне шилья сохранилась часть

сквозного отверстия, что бесспорно подтверждает его функциональное назначение. Длина шла — 8 см.

**Вязальный крючок.** Представлен одним экземпляром. Это длинная проволочка с одним утолщенным круглым в сечении концом и другим тонким и закругленным (табл. 26, 19). Длина орудия — 11,5 см.

**Стамеска и рыболовный крючок** представлены в единственном экземпляре. Стамеска имеет форму прямоугольника с утонченным заостренным закругленным рабочим лезвием (табл. 26, 16).

**Крючок** представлен в обломке (его закругленная часть), он круглый в сечении. Рабочая сторона крючка более тонкая, чем противоположная (табл. 26, 4).

В комплексе орудий труда и бытового инвентаря немало предметов, сделанных из дерева, кости и рога. Однако сохранность этих вещей довольно плохая. В этом случае нам пришли на помощь химики-реставраторы. Благодаря их опыту и знаниям, некоторые ценные вещи удалось извлечь из-под земли без особых повреждений.

К числу орудий труда и бытового инвентаря, изготовленных из дерева, относятся молоток и ложка.

**Молоток** представлен одним экземпляром. Он прямоугольный, состоит из трех досок, скрепленных друг с другом двумя параллельно расположенными деревянными гвоздями (табл. 33, 13). Молоток с боков тщательно обработан каким-то острым металлическим предметом. Обе плоские стороны отполированы. Один кусок доски имеет два сквозных отверстия. На молотке лежала длинная палка (30 см) с одним толстым и другим тонким концом. Не исключена возможность, что это была ручка молотка. Размеры молотка: толщина — более 3 см, длина — 23 см, ширина — 14 см.

**Ложка** представлена также в единственном экземпляре. Она удлиненная, напоминает лопаточку. Ее лицевая рабочая часть слегка выгнута. Ручка плоская, уже, чем ее рабочая часть. Сохранность ее очень плохая — при прикосновении к ней, ложка разрушилась.

Из кости и рога изготавливались шилья, рукоятки для ножей и серпов, мотыги, землякопалки и другие предметы.

**Шилья.** Среди коллекции костяных изделий шилья представлены в преобладающем большинстве. Их десять экземпляров (табл. 33, 4, 5, 6, 7, 8). Из них восемь совершенно целых, а два слегка обломаны по рабочим концам. Шилья изготавливались из обломков трубчатых костей животных, боковые края многих из них подправлены острым металлическим предметом, после чего они подвергались тщательной обработке. Острая часть всех шильев полировалась до зеркального блеска.

**Костяная ручка** от металлического ножа представлена в единственном экземпляре (табл. 33, 11). Она изготовлена также из трубчатой кости мелкого рогатого скота. Первоначально ручка обрабатывалась каким-то острым предметом, а уж потом подвергалась тщательной полировке. Один конец ручки обломан, другой — целый, имеет полуовальную заостренную форму полированного завершения. Длина ручки 9 см.

**Костяная и роговая ручки** от металлических серпов, представленные двумя экземплярами (табл. 33, 12), вызывают наибольший интерес. Первая (как и последующая) изготовлена из трубчатой кости крупного рогатого скота, вторая сделана из рога оленя. Они со всех сторон подверглись поверхностной обработке острым металлическим предметом, но в отличие от ручки ножа не полировались. Один конец костяной ручки, где закреплялся черенок серпа, более широкий, чем другой. Он имеет проух для крепления. Судя по форме проуха, черенок серпа был массивный, имел прямоугольную форму и толщину 12 мм. А сама ручка была слегка изогнутой.

**Роговые мотыги** представлены в двух экземплярах (в фрагментах). Оба обломка напоминают сошник для рыхления земли. Их рабочая часть сильно отполирована, видимо, в трудовом процессе.

**Землекопные орудия.** При вскрытии помещений и могил найдено значительное число рогов оленя, употреб-

денных в качестве землекопных орудий. Их обнаружено более 50 экземпляров. Все они отпилены с одного конца острым металлическим предметом и заострены с другого. Их заостренная рабочая часть заполировалась до зеркального блеска, видимо, в процессе рыхления земли или копки могил.

Игральные алчкики. В коллекции костяных предметов имеется четырнадцать экземпляров игральных алчкиков, специально изготовленных из многочисленных астрагалов. Один алчкик принадлежал крупному рогатому скоту, а остальные — мелкому. Десять экземпляров алчкиков отполированы с двух сторон до зеркального блеска, остальные четыре подверглись полировке лишь с одной стороны.

Таким образом, мы располагаем достаточно полным комплексом каменных и бронзовых орудий труда и оружия, различных бытовых изделий из кости, рога, дерева и терракоты, представляющих большой интерес для изучения производственной деятельности обитателей поселка Сапаллитена.

Предельно четкое и тонкое изготовление наконечников стрел и других предметов из кремня свидетельствует о высоком уровне техники кремневой индустрии. Однако это еще не значит, что кремень являлся основным сырьевым материалом для производства орудий и оружия. Напротив, незначительное число изделий из кремня, резкое сокращение ассортимента кремневых орудий говорит о том, что

он теряет свое прежнее производственное значение. Его заменил металл — новый материал для производства орудий труда и бытового инвентаря. Металл широко распространяется во всех сферах производственной деятельности населения. Но несмотря на широкое применение металла, многие орудия из камня (зернотерки, пестики, ступы) продолжают бытовать на отдельных участках производства. Ограниченная сфера влияния каменных орудий теперь уже не приводит к существенным переменам в технике, к повышению производительности труда. В этом отношении предпочтение отдается металлу. Благодаря широкому распространению металлических изделий в хозяйстве обитателей поселения Сапаллитена, изменился и сам способ производства. При этом необходимо отметить, что для производства орудий труда бытового и хозяйственного назначения наравне с металлом значительную роль играли деревянные, костяные и роговые орудия, от которых сохранились лишь отдельные виды предметов (ручки от ножей и серпов, ложка и гребень, мотыгообразные орудия и др.). Орудия труда, изготовленные из дерева, кости, рога и других мягких материалов, почти не сохранились, так как они при обработке земли, сооружении могил и других видах работ сравнительно быстро изнашивались и приходили в негодность. Это не дает возможности составить достаточно полное представление о форме и размерах многочисленных видов деревянных, костяных и роговых орудий.

#### УКРАШЕНИЯ, ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА И ПРЕДМЕТЫ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В комплексе материалов из поселения Сапаллитена представлено большое количество предметов украшения: бус, бирсы, амулетов, подвесок, серег, браслетов, височных колечек, зеркал, шпилек, булавок и т. д. Основной материал всех этих изделий — разнообразие породы камня, бронза и кость.

1. Бусы. Большую часть украшений составляют бусы. Они в основном найдены в могилах, но в отдельных случаях встречались и при вскрытии помещений. Бусы изготовлялись из лазурита, сердо-

лика, бирюзы, мрамора, каолиновой глины, опока, оникса, известкового туфа, халцедона, диорита и других камней (табл. 30, 1—16).

Наиболее широко использовался для изготовления бус лазурит грязновато-голубого цвета. Число сердоликовых бус не уступает лазуритовым. Третье место по количеству составляют бусы из опока и бирюзы. Единичными экземплярами представлены бусы из рубина (1 экземпляр), халцедона (1 экземпляр), мрамора (3 экземпляра), оникса (1 экземпляр).

По форме бусы из Сапалантепа можно подразделить на следующие группы: I. Бусы; II. Бусы-подвески; III. Бусы-пуговицы; IV. Бисер; V. Бусы-пряслицы.

Наиболее многочисленны группы бус и бисера. Следуя классификации форм каменных бус, разработанной Г. Г. Леммлейном<sup>3</sup>, бусы из Сапаллантепа имеют следующие формы.

I. Бусы цилиндрические. Изготовлены в основном из лазурита, сердо-

выделяется особая группа, представляющая собой уплощенно-цилиндрическую форму с отверстиями, высверленными насквозь с торцовых сторон. В отличие от других бус, они сплошь покрыты различными узорами, нанесенными точечной и резной техникой. Бус этой формы в коллекции имеется пять экземпляров. На лицевой части одной бусины изображен круг, посредине — палочка, на другой стороне — палочка с двумя отростками.

ФОРМА	Цилиндрическая	Упругоцилиндрическая	Дискообразная	Воскомкообразная	Овоидальная	Пирамидальная	Волочечная	Цилиндрическо-прясличная
бусы								
бусы-подвески								
бусы-пуговицы								
бисер								
бусы-пряслицы								

Рис. 47. Сводная таблица бус.

лика, бирюзы, каолиновой глины, единичные экземпляры из халцедона и опоки. Они подразделяются на коротко-цилиндрические и удлиненно-цилиндрические (рис. 47, I). Среди цилиндрических бус

<sup>3</sup> Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСНИМК, М., 1950.

На второй бусинке с одной стороны изображена точечками змеевидная фигурка, на другой — знак свастики, напоминающий орла. На третьей бусинке с одной стороны изображен знак свастики или схематическая фигурка орла, на обратной стороне — двойной крестик. На четвертой бусинке — знак свастики в виде

орла (одно крыло приподнято, другое опущено). На обратной стороне — изображение в виде плакучей ивы или бабочки.

На последней бусинке изображены пять треугольников с кружком по середине, на обратной стороне — змеевидная фигурка. По круговой торцовой стороне имеется шесть глубоких фестончиков, в трех из них — лазуритовые глазки.

2. Бусы ромбической формы. Они изготовлены в основном из лазурита (рис. 47, 2), имеют тщательную поверхностную полировку и узкие сквозные отверстия.

3. Бусы дисковидной формы. Изготовлены исключительно из лазурита (рис. 47, 3), имеют тщательную поверхностную полировку и узкие сквозные отверстия. Среди дисковидных бус встречена целая группа миниатюрных бусинок — бисера.

4. Бусы бочонковидные — двухсторонне-сегментированные перпендикулярно и параллельно оси у тонких концов с круглым сечением (рис. 47, 4). Они изготовлялись в основном из сердолика, лазурита, а в одном случае, из мрамора.

5. Бусы овалоидальные — двухсторонне-перпендикулярно-сегментированные с чечевицеvidным сечением (рис. 47, 5). Они изготовлены в основном из лазурита, сердолика, мрамора и рубина (по одному экземпляру).

6. Бусы бисерно-конические. Сделаны исключительно из сердолика (рис. 47, 6).

7. Бусы уплощенно-прямоугольной формы (рис. 47, 7). Изготовлены из сердолика, опоки, лазурита, бирюзы и оникса. Среди уплощенно-прямоугольных бус выделяется особая группа. Поверхность этих бус украшена различными фигурками, выполненными прочерченной и точечной техникой. Бус подобного типа всего пять экземпляров. На одном из них с одной стороны изображены четыре группы, состоящие из пяти фестончиков, по середине нанесен двадцать первый фестончик, а с другой — изображена фигурка в виде восьмерки. На второй бусинке — елочка, выполненная

точечной техникой, на обратной стороне нарисована, видимо, плакучая ива (табл. 30, 3). На третьей бусинке, на ее лицевой стороне, прочерчена елочка, на обратной изображен прямоугольник с двумя диагональными линиями.

II. Бусы-подвески. Среди богатой коллекции каменных бус бусы-подвески представлены всего двумя экземплярами. Первый изготовлен из лазурита, второй — из опоки. Лазуритовая бусинка представляет собой ступенчатую пирамиду с двумя сквозными отверстиями. На одной стороне изображена елочка, а на другой — четыре елочки, отходящие от одного корня в разные стороны (рис. 47, 9).

У второй бусинки, изготовленной из опоки, часть елочки отломана. Она ромбической формы, по ее торцовым краям нанесены насечки. На лицевой стороне изображена, видимо, елочка (рис. 47, 8).

III. Бусы-пуговицы. В коллекции бус имеется четыре экземпляра бус-пуговиц. Они уплощенно-цилиндрической и дисковидной формы с петельками (рис. 47, 10, 11). Одна из них изготовлена из каолиновой глины, вторая — из мрамора, две другие из известкового туфа. Мраморная бусинка с одной стороны выпукло-овальная, напоминает полудиск, с другой — плоская и не имеет петельки, как три оставшиеся.

Бусинки-пуговицы с петелькой по круговой торцовой стороне имеют мелкие насечки. На их лицевой части изображены точечной техникой какие-то фигурки. На одной — знак свастики или орел, на другой — шесть групп крестов, состоящих из четырех точек с сравнительно глубоким фестончиком по середине. На лицевой части третьей бусинки-пуговицы изображены восемь треугольников из четырех точек. На обратной стороне видны четыре параллельно расположенных глубоких фестончика.

IV. Бисер. Среди каменных бус Сапаллтепа бисер составляет значительное количество. Он в основном изготавливался из лазурита, сердолика, бирюзы и опоки.

Представлен цилиндрической формой, подразделенной на коротко-цилиндриче-

скую и удлиненно-цилиндрическую (рис. 47, 12). Исключительное большинство составляет коротко-цилиндрическая форма (более 95%), встречаются отдельные экземпляры биконической формы (рис. 47, 13).

**Бусы-пряслица** (24 экземпляра). Сырьевым материалом для их изготовления послужил белый и розовый мрамор. Среди них встречаются бусы-пряслица из змеевика (6 экземпляров). Они имеют биконическую форму со сквозным отверстием в центре (рис. 47, 14). Отверстия с внешних сторон более широкие, чем в глубинной части, что свидетельствует об их ношении (табл. 24, 1—16). Бусы-пряслица с острым ребром в центре изящнее, чем бусы-пряслица круглые в сечении. На поверхность одной бусины нанесены вертикальные насечки (табл. 24, 8). Змеевиковые бусины-пряслица орнаментированы по обеим сторонам двумя-тремя кружочками в виде глазков (табл. 24, 1—4). Одну бусину украсил двойной заштрихованный равнобедренный треугольник (табл. 24, 5). Отверстия бус-пряслиц заполировались до зеркального блеска.

К числу украшений относятся также два амулета и четыре подвески. Оба амулета сделаны из белого мрамора. Первый представляет собой ногу с четырьмя фалангами пальцев. По краям ноги — нарезные насечки, а на ступне изображены кровеносные сосуды. Выше пятки сделан желобок для подвешивания (табл. 24, 41; табл. 32, 13).

Второй амулет — в виде плоского цилиндрического кружка со сквозным отверстием по торцовым сторонам. На его лицевой стороне — змея (табл. 24, 42), на обратной — птенец, изображенный линиями, выполненными точечной и резной техникой.

Все подвески каменные, две из них массивные, сделаны из белого мрамора. Одна имеет продолговатую форму и сквозное отверстие в центре. Верхняя ее часть суживается — в ней сделаны боковые желобки для подвешивания. Другая — дисковидная, с насечками по кругу. На ее лицевой стороне изображено шесть треугольников, выполненных фестоночками с кружочком посредине. На

обратной стороне — петелька со сквозным отверстием (табл. 24, 40).

Две другие подвески изготовлены из гальки серого цвета без какой-либо обработки. Обе имеют сквозные отверстия для подвешивания (табл. 24, 23, 24).

Из предметов украшения, обнаруженных на поселении Сапаллитепа, в наиболее богатом наборе представлены бронзовые браслеты, височные колечки, серьги, зеркала, булавки, шпильки и др.

**Браслеты.** Всего их восемь экземпляров, пять целых и три в фрагментах. Все браслеты круглые в сечении, с несомкнутыми концами, сделаны из проволоки (табл. 25, 8—12; табл. 26, 8, 17, 18). Два изготовлены из толстой проволоки сечением 7 мм, два других — из сравнительно тонкой, сечением около 4 мм. Пятый браслет отличается от предыдущих — один из нисходящих его концов утончается (табл. 25, 10). Здесь же найден крупный фрагмент браслета с утонченным концом, сделанного из толстой проволоки круглого сечения. Фрагменты двух других браслетов также круглые в сечении. В отличие от предыдущих, на их поверхность нанесены насечки спиралевидной формы (табл. 26, 8, 18).

**Височные колечки.** Найдено три височных колечка (табл. 26, 2, 3; табл. 32, 5). Они изготовлены из тонкой проволоки, круглые в сечении, с несомкнутыми концами. Одно из колечек, в отличие от других, имитирует змею с тонким хвостом и четко выраженной головкой подтреугольной формы. Хорошо намечены оба ее глаза (табл. 32, 5).

Среди богатого набора украшений единственным экземпляром представлена серьга, сделанная из белого мрамора. Она плоская и округлая, с петелькой, имеющей сквозное конусовидное отверстие для подвешивания (табл. 24, 25; табл. 32, 10). Вся поверхность сережки отполирована до блеска.

**Бронзовые зеркала.** Наибольший интерес среди металлических изделий представляют бронзовые зеркала (три экземпляра). Их два типа: круглое плоское зеркало; круглое плоское зеркало с выступающей длинной ручкой.

Зеркало первого типа (табл. 25, 15;

табл. 32, 15) диаметром 15,5 см, имеет ровную и плоскую лицевую поверхность. По окружности лицевой стороны зеркала — утолщение в виде бортика, заостренного и вогнутого внутрь.

Второе зеркало аналогично первому (табл. 25, 16; табл. 32, 16), его диаметр — 13,5 см. По лицевой части оно несколько вогнуто, а по окружности имеет незаметный заостренный борттик, как и у первого.

Третье зеркало принадлежит ко второму типу (табл. 25, 14; табл. 32, 14). Оно больше, чем два предыдущих (диаметр — 17,5 см), его рабочая поверхность слегка вогнутая и гладкая. По краям окружности имеется незаметный заостренный борттик. Ручка третьего зеркала массивная, длиной 12,5 см. Она отлита отдельно и затем прикреплена к зеркалу, о чем свидетельствуют четкие следы спайки. Ручка фигурная, по ее боковым сторонам разместились два ушка со сквозными отверстиями овальной формы, она напоминает подбоченившуюся женщину.

Булавки и шпильки. Интересную серию из числа украшений составляют булавки и шпильки. Они изготовлены из бронзы и кости. В комплексе украшений из поселения Сапаллитепе имеется семь экземпляров булавок и семь шпилек.

По оформлению навершия булавки делятся на четыре группы: булавка-печать с розетковидным навершием; гвоздеобразная булавка с биконической шляпкой; булавка с кулакообразной головкой; булавка с лопаткообразной головкой.

Булавка-печать с розетковидным навершием представлена в двух экземплярах. Одна имеет вид длинного, заостренного, с круглым сечением стержня, увенчанного плоской шляпкой, оформленной в виде семилепестковой розетки с кружком посредине (табл. 26, 23). Ее длина — 20,4 см, диаметр шляпки — 2,4 см. Вторая имеет на одном конце плоскую шляпку в виде шестилепестковой розетки, другой ее конец утонченный, острый. Длина — 10,5 см, диаметр шляпки — 1,4 см (табл. 26, 22).

Гвоздеобразная булавка с биконической головкой (два экземпляра). Биконическая головка одной из них сплошь украшена насечками (табл. 26,

26). Длина булавки — 17,5 см, стержень круглый в сечении. Другая булавка меньшая по размеру (длина — 6,5 см), ее округлая головка не имеет наружных украшений (табл. 26, 13).

Булавка с кулакообразной головкой (два экземпляра). У той и у другой булавки головка завершается четко оформленным кулаком с пятью пальцами (табл. 26, 24, 25). Длина первой булавки — 20 см, второй — 16,7 см.

Лопаткообразная булавка представлена единственным экземпляром. Она круглая в сечении, имеет длинный (11,5 см) стержень с одним концом заостренным и другим уплощенным в виде лопаточки (табл. 26, 32). Она имела двойное назначение — выполняла функции головной булавки и косметической бритвы, о чем свидетельствует заостренное лезвие у лопаткообразной части предмета.

Шпильки. Изготовлены из проволоки (их четыре экземпляра). По своему оформлению они идентичны, имеют различие лишь в длине и толщине. Представляют собой длинную проволоку круглую в сечении с утолщенными концами (табл. 26, 27, 28, 33, 35). Длина их — от 13,5 до 20 см. Бронзовые шпильки все без исключения литые.

В коллекции костяных изделий головные шпильки или булавки представлены тремя экземплярами. Два из них сделаны из бивней мамонта (?), а третий — из кости. Два первых тщательно отполированы, они круглые в сечении, их диаметр не более 3 мм. На одном конце первой шпильки-булавки изображена в горизонтальном положении елочка, замкнутая между двумя параллельными линиями (табл. 32, 19), другой конец обломан. У второй шпильки сохранился утонченный рабочий конец (табл. 32, 20). Третья шпилька, как и первая, на одном конце имеет какие-то насечки, другой обломан. В отличие от первых двух, она не имеет поверхностной шлифовки.

К числу предметов туалета относятся также лопаточка и гребень.

Лопаточка (один экземпляр) представляет собой длинный стержень (14 см) с одним концом толстым и круг-

лым в сечении, другим уплощенным в виде лопаточки (табл. 26, 29). Она использовалась для женской косметики.

Гребень (один экземпляр). Сделан из арчового дерева в виде одностороннего частого гребешка с 22 тонкими продолговатыми и двумя боковыми толстыми зубьями. Их длина — 2,5 см и более (табл. 33, 9; рис. 48).



Рис. 48. Гребень.

Печати. Они представляют интересную серию (четыре экземпляра). Одна печать изготовлена из мергелистого известняка, три остальные — из бронзы. Печать из мергеля напоминает звездочку, состоящую из восьми лепестков. На ее лицевой части изображены четыре полуovalных желобка с заостренными концами, объединяющие каждые два лепестка. В центре зубовидных лепестков — крестик. На обратной стороне — петелька со сквозным отверстием на основании (табл. 24, 35; табл. 32, 9).

Одна из бронзовых печатей имеет форму неправильного овала. На ее лицевой части — какие-то знаки, состоящие из шести параллельно расположенных парно вертикальных палочек. На вершине двух центральных палочек изображено какое-то хищное животное. На обратной стороне — прямоугольная литая петелька из круглой проволоки (табл. 26, 1; табл. 32, 6).

Две другие печати представляют собой лепестковые розетки, закрепленные на стержнях с одним утонченным концом. Стержни печати в обоих случаях длинные (у первой — 20,4 см, у второй — 10,5 см), они использовались в качестве булавок. Первая печать оформлена в виде семилепестковой розетки с кружком посредине, ее диаметр — 2,4 см (табл. 26, 23; табл.

32, 7); вторая — в виде шестилепестковой розетки диаметром 1,4 см (табл. 26, 22; табл. 32, 8).

Таким образом, рассматриваемые украшения, предметы туалета и предметы особого назначения свидетельствуют о том, что мастера поселения Сапалли имели большой опыт в области ювелирного дела. Особого внимания заслуживают бусы из благородных камней. Они, при всем их разнообразии, поражают необычайно высокой техникой изготовления и известной стандартизацией форм. Мастерское выполнение всех ювелирных работ — от сверления до полировки, подбор камня, осуществляемый с большим вкусом и знанием материала, вызывает и в наши дни восхищение.

Следует особо выделить группу бус, поверхность которых орнаментирована сложным геометрическим и растительным узором, выполненным чаще всего точечной техникой в виде кружков и фестончи-

ков. Наиболее распространенный мотив узора каменных бус, бус-подвесок и бус-пуговиц — елочка (символ вечной жизни) и знак свастики, напоминающей схематичное изображение пернатых. Иногда на бусах и амулетах встречается изображение змей.

Бронзовые браслеты, височные кольца, булавки и головные шпильки менее интересны по технике изготовления. Они, как правило, сделаны из простой проволоки без каких-либо усложненных дополнительных изобразительных орнаментаций. Тем не менее головки некоторых булавок, изображающие лепестковую розетку, биконическую шляпку, маковую головку и кулак, представляют собой

большой интерес для изучения эстетического уровня обитателей поселка. В этом отношении наиболее характерны каменные и бронзовые печати, имеющие сложный геометрический узор, а также предметы туалета, в частности, зеркало со схематичным изображением фигуры женщины на его ручке.

Следовательно, изучение набора украшений, предметов косметики и других изделий из Сапалитепа дает интересную информацию не только об уровне техники изготовления и о навыках ювелирных мастеров, но и о культурном развитии обитателей поселка в плане палеоэтнографического исследования данного объекта.

### ГЛАВА III. ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ

#### ОТНОСИТЕЛЬНАЯ И АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Определение хронологических рамок существования поселения Сапалдитапа, давшего совершенно новый и обильный материал, имеет чрезвычайно важное значение, ибо его богатый археологический комплекс является одним из самых ранних из числа комплексов культуры оседлого земледелия на территории Древней Бактрии.

Опираясь на имеющиеся данные, полученные на протяжении четырех сезонов полевых исследований, попытаемся коротко изложить состояние хронологии памятника на данном этапе его изучения. При этом исследование может базироваться как на традиционном археологическом методе — определении аналогий в соседних комплексах, так и на использовании данных радиоуглеродного анализа.

Уже первый путь открывает нам большие возможности благодаря обилию и яркости имеющегося вещевого материала. Наиболее полные аналогии обнаруживают памятники территориально близкие. Это оседлые поселения Северной и Южной Бактрии, ставшие известными лишь в последние годы. В настоящее время на территории Древней Бактрии памятники типа Сапалди известны в Шурчинском оазисе Сурхандарьинской области<sup>1</sup> и на противоположной стороне

Амударьи — в Акчинском оазисе (Северный Афганистан)<sup>2</sup>.

Согласно публикации Г. А. Пугаченковой, в селе Миршоди известны могильник и поселение, археологический материал которых составляет единый комплекс с материалами из поселения Сапалдитапа<sup>3</sup>. Единство в обряде захоронения (на боку, в скорченном положении, головой преимущественно на север) и поразительное сходство всего комплекса вещественных материалов указывают на принадлежность этих памятников к культуре родственных племен.

Наиболее близкие параллели отмечаются в керамике. Имеющиеся здесь вазы на высоких профилированных ножках, кувшины со скошенной придонной частью и ярко-красным и розоватым ангобом характерны и для керамики Сапалдитапа.

Керамика Мулала по фактуре, технике изготовления и изящности форм ничем не отличается от керамики Сапалли. Она изготовлена на круге, имеет хороший, равномерный обжиг и следы лощения на поверхности некоторых сосудов. Им совершенно идентична форма металлических предметов. Например, бронзовые зеркала круглой формы из

<sup>2</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Сарияндя. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, № 4, стр. 154—160; Они же. Советско-афганская археологическая экспедиция. Археологические открытия 1971 г. М., 1972, стр. 560—562; В. И. Сарияндя. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане. КСИА АН СССР, М., 1972, вып. 132, стр. 16—20, рис. 1.

<sup>3</sup> Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 47—49, рис. 23.

<sup>1</sup> Г. А. Пугаченкова. Новый памятник древнебактрийской культуры. Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 1, Л., Изд-во «Наука», 1972, стр. 47—49.

Сапалли известны и в комплексе Мулалли.

Более обильно и наглядно продемонстрировано сходство материалов из Сапаллитепы с комплексом памятников Северного Афганистана.

В настоящее время на территории Северного Афганистана в районах Давлатабадского и Акчинского оазисов В. И. Сарниани исследует целую группу памятников эпохи бронзы. По предварительной публикации группа памятников Давлатабадского оазиса, по мнению В. И. Сарниани, является наиболее ранней и представляет собой поселения первых древнеземледельческих племен, переселившихся из Восточного Хорасана. Дальнейшее развитие культуры этих племен мы наблюдаем в Акчинском оазисе, где было выявлено более десяти памятников эпохи бронзы<sup>4</sup>. К сожалению, материалы давлатабадской группы поселений еще не опубликованы и пока трудно судить даже об общем облике материальной культуры этого весьма ценного для нас памятника. Публикация же материалов Акчинского оазиса весьма ограничена. Тем не менее по имеющимся предварительным публикациям можно провести ряд параллелей между памятниками типа Дашлы в Северном Афганистане и Сапалли, расположенном на юге Узбекистана. Это в первую очередь проявляется в планировке поселения.

Наиболее широко раскопанное поселение Дашлы I по характеру своей планировки во многом напоминает Сапаллитепу. Центральное ядро этого поселения — укрепленная прямоугольная крепость с мощными стенами, сложенными из сырцового кирпича одинакового размера ( $50 \times 22 \times 12$ ;  $44 \times 20 \times 12$ ;  $46 \times 22 \times 10$ ;  $42 \times 22 \times 10$ ). Размеры укрепленной части поселения и в том и в другом случае почти одинаковы. В раскопанной части поселения Сапаллитепы по периметру западной внешней стены выявлены размытые остатки круглой башни. Угловая башня по рельефу холма намечается

лишь в северо-восточной части крепости Сапалли.

Планировка домов и их внутренняя конструкция как на Сапалли, так и на Дашлы идентичны. При раскопках на поселении Сапаллитепы часто встречались комнаты с каминами (очагами), у которых дымоходы устроены внутри стены. Так, в северной стене комнаты 3 устроен камин с верхним дымоходом. По обе его стороны расположились пристенные ниши, где обнаружены разбитые кувшины. Возле очага найдена массивная зернотерка. В помещении 52 также имелся камин с верхним дымоходом, устроенный внутри северной стены. С правого бока камина, в стене, глубокая ниша, а с левого — пристенная перегородка, где также были разбитые сосуды.

Аналогичная комната с камином была обнаружена при раскопках поселения Дашлы I<sup>5</sup>. Весьма важно отметить сходство планировки поселения Сапалли и Дашлы 3. Оба памятника состоят из крепости и собственно поселения. На поселении Сапалли прослеживаются мощные трехрядные обводные стены с двумя параллельно расположенными обводными коридорами, что характерно и для поселения Дашлы 3<sup>6</sup>. Интересно, что обводные коридоры в Дашлы 3 так же, как и в Сапалли, имеют поперечные стены.

Заслуживает особого внимания единство в обряде захоронения (на боку, в скорченном положении, преимущественно с северной ориентацией скелета). На Дашлы и на Сапалли раскопано несколько десятков могил с богатым и разнообразным погребальным инвентарем. Захоронения проводились в ямах, подбоях и в катакомбах, а также в руинах заброшенных зданий или под полом помещений. Они встречались даже за пределами укрепленной части поселений.

Важно отметить, что на Сапаллитепе имеются могилы, где отсутствуют скелеты, а погребальный инвентарь состоит из большого количества сосудов с пищей, положенной на дорогу соплеменни-

<sup>4</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Сарниани. Древняя Бактрия... стр. 561.

<sup>5</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Сарниани. Древняя Бактрия... стр. 155—156.

<sup>6</sup> Там же, стр. 156.

камни, которые как бы сопровождали дух покойного в потусторонний мир. Такие могилы (так называемые кенотафы) нередко встречаются и на Дашлы<sup>7</sup>.

Представляют особый интерес ритуальные захоронения молодых животных. Так, захоронения баранов в могилах катакомбного типа с той же ориентацией скелетов, что и человека, и с богатым инвентарем дважды встречались и на Сапалли, и на Дашлы<sup>8</sup>. Сходство культур этих районов особенно ярко проявляется в керамическом комплексе.

По своему составу и формам керамический комплекс памятников этих районов идентичен. Большая часть сосудов изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. Они имеют хороший, равномерный обжиг и в значительной части следы нанесения ангоба, ярко-красного и розовато-белого на поверхности сосудов.

Основные формы керамики Дашлы и Сапалли — хумча, разновидности кувшинов, чайников, горшкообразных сосудов, конические сосуды типа тагора, глубокие чаши, вазы, кубки на устойчивых высоких ножках и чаши со сливом<sup>9</sup>. Среди изобилия столовых и парадных сосудов в довольно ограниченном количестве встречается кухонная посуда типа котлов и сковородок, а также сероглиняные сосуды, повторяющие в ряде случаев керамические формы, являвшиеся ведущими.

Исключительно близкие параллели наблюдаются в комплексе бронзовых изделий (длинные булавки с гвоздеобразным, кулакообразным навершием, круглые зеркала, зеркала с ручкой, браслеты, височные кольца и др.), кремневом инвентаре (наконечники стрел с черешком подтреугольной, ромбической и листовидной формы), каменных бусах, изготовленных преимущественно из лазурита, сердолика и бирюзы, а также в каменных, бронзовых и терракотовых печатях, изображения которых во многих случа-

ях имеют поразительное сходство друг с другом<sup>10</sup>. По своей форме печати чаще всего напоминают розетки с пестиками и звездочками. На обратной стороне у них — петелька-ручка со сквозным отверстием. Лицевая сторона печати имеет геометрический орнамент, выполненный пергородчатой техникой. Встречаются бронзовые печати овальной формы с какими-то значками, печати на длинной ручке (комбинированные изделия), выполняющие функции печатей-булавок.

Весьма примечательно, что биконические бусы-пряслица, изготовленные из терракоты и камня и имеющие по плоскости орнамент в виде фестончиков, являются характерными для комплекса памятников обоих районов и служат веским доказательством синхронизации Сапалли и Дашлы.

Таким образом, на основании приведенных типологических сопоставлений разнообразного материала с двух оазисов Древней Бактрии видно, что они относятся к одному и тому же комплексу и по сути дела представляют одну культуру. Эта культура типична лишь для южных и северных районов Древней Бактрии и составляет единую историко-культурную область — древнебактрийский центр оседлых земледельцев, относящийся к цивилизации второго порядка Древнего Востока, подобно Алтыну<sup>11</sup>, Мундигаку<sup>12</sup> и Шахри Сохте<sup>12</sup>.

Аналогии более отдаленные, но достаточно выразительные дают памятники Южного Туркменистана, Северо-восточного Ирана и частично Южного Афганистана. Иногда параллели нашим материалам могут быть отмечены и в других памятниках Ближневосточного культурного ареала (в широком смысле этого слова). Не исключено, что более детальный типологический и технологи-

<sup>10</sup> Там же, стр. 159—160; В. И. Сарниани. Изучение памятников..., стр. 16—22.

<sup>11</sup> В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе в 1926, Ашхабад, Изд-во «Ильм», 1970.

<sup>12</sup> J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, vol. 1, Paris, 1961.

<sup>13</sup> М. Тоши. Сенстан в бронзовом веке — раскопки в Шахри Сохте, СА, 1971, № 3, стр. 15—30.

<sup>7</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Сарниани и. Древняя Бактрия..., стр. 158.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же, рис. 4.

ческий анализ позволит установить наличие на Сапаллитепа предметов импорта. Так, при описании керамики мы уже отмечали своеобразие единственного экземпляра вазообразного сосуда из погребения 43.

По своему составу весь комплекс археологических материалов поселения Сапаллитепа бесспорно имеет близкие параллели с культурой эпохой бронзы Мургабского оазиса. Наиболее близкий по облику материала идентичный памятник этого района—поселение Аучин-деле,—исследовано в 50-х годах В. М. Массоном. Оно имеет квадратные очертания в плане. Здесь было заложено два шурфа стратиграфического характера, исследовались двухъярусные керамические печи и погребения с богатым инвентарем<sup>14</sup>. Следует отметить, что обряд захоронения у аучинцев тот же, что и у сапаллитепинцев. Добытый разнообразный материал этого района хорошо коррелируется с комплексом Сапаллитепа. Например, тонкостенные конические чаши на поддоне, вазы на высоких ножках, яйцевидные горшки, хумча с приплюснутым туловом и со скошенной придонной частью, чаши со сливом, обнаруженные на поселении Аучин-деле<sup>15</sup>, также широко представлены в керамическом комплексе Сапаллитепа.

Целая серия керамики из Сапалли имеет по наружной поверхности красновато-розовый и розовато-белый ангоб, что характерно и для керамики Аучин-деле. Сероглиняные сосуды со следами тщательного дощения встречаются в комплексе обоих памятников. Важной особенностью керамики памятников этих районов является спиралевидное завихрение на плоских донцах сосудов, особенно у чаш с вогнутым вытянутым дном. Обращает на себя внимание преобладание в комплексах Сапалли и Аучин глубоких конусовидных сосудов типа круглых тазиков и глубоких чаш с тонкими

стенками, а также ваз на высоких стройных ножках.

Но наряду с близкими параллелями материалов с комплекса Сапаллитепа и Аучин-деле необходимо отметить и отличия, свойственные только керамике поселения Аучин. Так, в керамическом комплексе Сапаллитепа весьма ограниченное количество керамики изготовленного способом ручной лепки, в то время как в Аучине ее много. В керамике Аучин-деле встречаются орнаментированные сосуды, а в Сапаллитепа, если не считать привозных сосудов, керамика с узором полностью отсутствует. Для керамики Сапаллитепа характерно совершенно отсутствие ручек, в то время как в комплексе Аучин иногда попадаются фрагменты, указывающие на их наличие. Видимо, названные отличия свидетельствуют о небольшом хронологическом различии между Сапалли и Аучином.

Другой наиболее близкий комплекс, давший выразительный керамический материал,—Янгикалинский могильник, исследованный А. Ф. Гаянлиным в подгорной полосе Южного Туркменистана<sup>16</sup>. Здесь вскрыто семь погребений со скорченными костяками, лежащими на левом боку, преимущественно головой на север с некоторым отклонением на запад. Лишь в одном случае скелет был ориентирован на восток, а в другом, видимо, на запад.

Устройство могил и расположение погребального инвентаря принципиально отличаются от захоронений Сапаллитепа. Однако в керамике обнаруживаются некоторые сходства. Янгикалинский могильник дает прекрасные вазы на ножках, кубки и горшкообразные хумчи, характерные также для Сапалли. При этом необходимо отметить, что вазы Янгикалинского могильника, в отличие от подобных сосудов Сапалли, более приземистые и имеют невысокую полую ножку. Это относится и к кубку с Янги-калы. Горшкообразная хумча, названная

<sup>14</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА. 73, Л., Изд-во «Наука», 1959, стр. 17—19.

<sup>15</sup> Там же, табл. III, рис. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8.

<sup>16</sup> А. Ф. Гаянлин. Погребения эпохи бронзы у селения Янги кала. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 374—383.

А. Ф. Гаяялиным бомбовидным сосудом, также имеет несколько иное оформление венчика, чем аналогичные сосуды с Сапалли.

Некоторые параллели обнаруживаются и с керамикой верхнего слоя Алтын-депе<sup>17</sup>, находящегося недалеко от селения Чаача-Меана (подгорная полоса Туркменистана). Это крупное поселение столбичного типа площадью около 50 га. По данным раскопок А. Ф. Гаяялина, В. М. Массона и В. И. Сариниди двухметровый верхний слой на Алтыне полностью относится к комплексу времени Намазга V, давшего много сходного материала с комплексом Сапалли. Например, значительное число глубоких конусовидных чаш с Сапалли имеет пористый черепок, легкий, зеленовато-белого цвета, характерный для алтыновской керамики времени Намазга V. Кубковидные сосуды на высоком поддоне с Алтын-депе во многом напоминают конические вазообразные сосуды с узким высоким вогнутым поддоном из комплекса Сапалли. В слое позднего Намазга V поселения Алтын-депе часто встречаются так называемые керамические кольцевые подставки. Совершенно аналогичные подставки обнаружены в поселении Сапаллитапа, причем, как одна из характернейших черт керамики времени позднего Намазга V, здесь также широко распространены нацарапанные на посуде знаки, преимущественно на керамических подставках<sup>18</sup>.

Отдельные формы сосудов из Сапаллитапа находят аналогии с керамикой Намазга-депе времени Намазга V и VI. Так, глубокие конусовидные чаши с надломанным венчиком, чайники с незамет-

ным тонким округлым венчиком и сферическим туловом, чаши со сливом из Намазга-депе являются ведущими формами керамики Сапаллитапа.

В верхних горизонтах стратиграфического шурфа Намазга-депе Б. А. Литвинским при раскопках были найдены вазообразные конические сосуды с высокими узким вогнутым поддоном, обычные конические глубокие чаши, чайники с трубчатым носиком без выделения венчика и другая посуда<sup>19</sup>, характерная для керамического комплекса Сапаллитапа. Необходимо отметить наличие на дне конических чаш из Намазга, как и на посуде из Сапалли, спиралевидного завихрения—существенного признака керамики времени Намазга V и VI, связанного с внедрением в керамическое производство гончарного круга быстрого вращения.

Раскопки И. Н. Хлопина и Я. А. Щетенко на «Вышке» Намазга-депе также дали керамические и другие материалы, синхронные комплексу Сапалли. Светлоангобированная и красноангобированная посуда—вазы на ножках, конические чаши, кубки, часто с вертикально-полосчатым лощением, сероглиняные сосуды, керамические кольцевые подставки с нацарапанными знаками и другие материалы свидетельствуют о большом сходстве керамики Сапалли и Намазга-депе<sup>20</sup>.

В 1967 г. В. И. Сариниди и К. А. Качурис произвели раскопки на Улуг-депе—одном из крупных (около 12 га) оседло-земледельческих поселений Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы. На поверхности Улуг-депе выявлено несколько полуразветвленных погребений эпохи бронзы с погребальным инвентарем

<sup>17</sup> А. Ф. Гаяялин. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе, СА, № 4, М., 1967; В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе, Археологические открытия 1965 г., М., 1966, стр. 66; Он же. Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе, Археологические открытия 1968 г., М., 1969, стр. 435—437; Он же. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г.; В. И. Сариниди. Раскопки на Халуз-депе и Алтын-депе, Археологические открытия 1966 г., М., 1967, стр. 333—335.

<sup>18</sup> В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе, Археологические открытия 1965 г., стр. 66, 69.

<sup>19</sup> Б. А. Литвинский. Намазга-депе, По данным раскопок 1949—1950 гг., СЭ, № 4, 1952, стр. 30—52.

<sup>20</sup> И. Н. Хлопин. Раскопки на Намазга-депе, Археологические открытия 1967 г., М., 1968, стр. 349—350; А. Я. Щетенко. Раскопки Намазга-депе и Теккем-депе, Археологические открытия 1970 г., М., 1971, стр. 430—432; Он же. Раскопки Тайджанак-депе и Намазга-депе, Археологические открытия 1968 г., М., 1969, стр. 437—439; Он же. Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе, Археологические открытия 1971 г., М., 1972, стр. 529—530.

времени позднего Намазга V. На юго-восточной окраине поселения открыты могильники середины II тыс. до н. э., состоящий из четырех прямоугольных камер с индивидуальными захоронениями. В одной камере обнаружено до 30 сосудов. Среди керамики из погребения встречались конические сосуды как большого, так и малого размера с надломленным венчиком<sup>21</sup>, характерные для керамики Сапаллителя, которые датируются по южно-туркменскому комплексу временем позднего Намазга V. При раскопках печей на поселении Улуг-депе И. Масимов обнаружил конические сосуды и кольцевые подставки времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI<sup>22</sup>.

Из вышеприведенных аналогий керамики Сапалли со многими памятниками подгорной полосы Южного Туркменистана видно, что сапаллитепинский керамический материал хорошо коррелирует керамике времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI. Керамика Сапаллителя имеет целый ряд выразительных аналогий в керамических комплексах Северо-восточного Ирана (тепа Гиссар III и Шахтепа II, Тюринтепа), Сеистана (Шахри Сохта IV) и Южного Афганистана (Мундигака IV). Ограниченное сходство отмечается с керамикой памятников долины Свата Северо-западного Пакистана. Важно отметить, что керамика, происходящая из соответствующих слоев таких памятников, как тепа Гиссар, Шахтепа, Шахри Сохта, Мундигака и Сватские могильники, наряду с четкой своеобразной местной традицией имеет ряд параллелей с керамикой Сапалли.

Среди форм седьмого типа (рис. 33) керамики Сапалли имеется группа кувшинов с шаровидным туловом, четко выделенным узким, расширяющимся к

венчику горлом сосуда. Аналогичная форма кувшинов имеется в Гиссаре III<sup>23</sup>, в долине Сват<sup>24</sup>, Шахтепа II, причем в Шахтепа она представлена двумя вариантами. В одном случае узкое вогнутое горло кувшина довольно высокое с расширенным к венчику сосудом<sup>25</sup>, в другом — оно сравнительно низкое<sup>26</sup>. Необходимо отметить, что сосуды Шахтепа и тепа Гиссар, в отличие от сапаллитепинских, изготовлены в основном из серой глины и имеют поверхность, украшенную орнаментом, выполненным лощением. Широко представлены в керамике Мундигака IV аналогичные кувшины с узким вогнутым горлом<sup>27</sup>. Они своей стройной изысканной формой и наличием узора несколько отличаются от кувшинов Сапаллителя. Их четко выделенное узкое горло с утонченным краем венчика более изящно. Кувшины с подобным горлом имеются и в Сапалли. Узкогорлые кувшины грушевидной формы из Сапалли (рис. 33, 7, 8) с сильно отогнутым венчиком аналогичны подобной же форме сосудов из третьего слоя тепа Гиссар. Причем здесь они изготовлены из глины<sup>28</sup> и бронзы<sup>29</sup>. Туловище этих сосудов — сфероконическое, с плавным переходом к плоскому дну. Узкогорлые кувшины грушевидной формы известны и в долине Читрал<sup>30</sup>.

<sup>23</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations of 1931. Philadelphia, 1933, pl. CNIII, H1000.

<sup>24</sup> G. Stacul. Excavation near Ghaligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistoric Cultures in the Swat Valley. East and West, new series, vol. 19—nos. 1—2, Rome, 1969, p. 80, fig. 18; Period II.

<sup>25</sup> T. D. Arne. Excavations at Shah Tepe. Iran, Stockholm, 1945, pl. XXIII, fig. 176; pl. XXV, fig. 191, no. 557; pl. XXXIV, fig. 236, no. 620, 617; fig. 237, no. 665, fig. 238, no. 667.

<sup>26</sup> T. J. Arne. Excavations..., pl. XXV, fig. 190, no. 642, fig. 193, no. 559, 560; pl. XXVII, fig. 202, no. 671; pl. XLII, fig. 302—a.

<sup>27</sup> J. M. Casal. Указ. соч., vol. II, fig. 101, 483.

<sup>28</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. CXIV, H614; Он же. Excavations at Tepe Hissar, Dangan, Chihiladepia, 1937, pl. XXXIV, H2164.

<sup>29</sup> E. F. Schmidt. Excavations at Tepe..., pl. LVII, H3497.

<sup>30</sup> G. Stacul. Discovery of Protohistoric Cemeteries in the Chitral Valley (W. Pakistan). East and West, New Series, vol. 19—nos. 1—2, Rome, 1969, fig. 15; fig. 16.

<sup>21</sup> В. И. Сариниди. К. А. Качурис. Раскопки на Улуг-депе. Археологические открытия 1967 г., М., 1968, стр. 343; V. M. Masson and V. I. Sarianidi. Central Asia, Turkmenia and the Achaemenids, London, 1972, pl. 38.

<sup>22</sup> И. Масимов. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе, Каракумские древности, вып. IV, Ашхабад, Изд-во «Ильм», 1972, рис. 4, 17, 19, 28.

В комплексе Гиссар III представлена интересная серия кубков на устойчивой ножке<sup>31</sup>, характерных для керамики Сапалли (рис. 33, 3).

По своей форме и профилю кубки с Сапалли и с Гиссара III не имеют никаких отличий. Удивительно, что среди керамики Шахтепа, хотя оно расположено почти по соседству с Гиссаром и имеет синхронные материалы, нет кубков горшкообразной формы на высокой ножке, подобных гиссарским. Имеющиеся отдельные экземпляры кубков с Шахтепа представлены совершенно иной формой — коническими кубками на низкой массивной ножке<sup>32</sup>, кубками со сливом<sup>33</sup>, кубками цилиндрической формы на массивной низкой ножке<sup>34</sup>. При этом во всех случаях шахтепские кубки изготовлены весьма грубо и некачественно. Зато горшкообразные кубки на устойчивых ножках, подобные сапаллинским, широко известны в слое Мундигака IV. Среди кубков Сапалли имеются единичные экземпляры со сферическим туловом, плавно суживающимся к венчику сосуда. При этом часть тулова расширяется и кубок приобретает яйцевидную форму. Аналогичные кубки составляют одну из ведущих форм керамики Мундигака IV<sup>35</sup>. Формой самой распространенной и для Сапалли, и для памятников Северо-восточного Ирана являются небольшие чаши с открытым сливом, горшкообразные и полусферические (рис. 33, 8). Значительное число их было найдено в Гиссаре III<sup>36</sup>, причем чаши такой формы в Гиссаре изготовлены из глины, серебра<sup>37</sup>,

бронзы<sup>38</sup>, свинца<sup>39</sup> и алебаstra<sup>40</sup>. Подобная форма чаш широко представлена в соответствующих слоях Шахтепа II<sup>41</sup>.

Среди богатого разнообразия керамики Сапалли привлекают к себе внимание цилиндрические сосуды, изготовленные с большим вкусом и мастерством. Они имеют тонкий звонкий черепок и хороший равномерный обжиг. Сходные цилиндрические сосуды, сделанные из различного материала (глина, серебро, свинец и алебастр), часто встречаются в соответствующих слоях Гиссара III<sup>42</sup>. В керамическом комплексе Гиссар III имеются сосуды конической формы<sup>43</sup>, характерные для керамики Сапаллитепе (рис. 33, 2). Подобная форма сосудов часто встречалась и в слое Мундигака IV<sup>44</sup>. Конические сосуды найдены в Шахри Сохта<sup>45</sup>. В последнем были обнаружены аналогичные сосуды, изготовленные и из алебаstra<sup>46</sup>.

Согласно периодизации М. Този, поселение Шахри Сохта имеет четыре последовательных периода. Первый, второй и третий периоды относятся к неолиту —

<sup>38</sup> Он же. Excavations at Tepe..., pl. LVII, H 4883.

<sup>39</sup> Он же. Tepe Hissar..., pl. CXXVI, H 476.

<sup>40</sup> Он же. Tepe Hissar..., pl. CXXXIX, H 57; Он же. Excavations at Tepe..., pl. LIX, H 4187.

<sup>41</sup> T. Arne. Указ. соч., стр. 202—203, fig. 405—406; pl. XL, fig. 269, no. 746; fig. 273, no. 1761; pl. LXXXIX, fig. 729, no. 973.

<sup>42</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. CXV, H 873; pl. CXXV, H 379; pl. XXVI, H 381; pl. CXXXVII, H 814.

<sup>43</sup> E. F. Schmidt. Excavations at Tepe..., pl. XXXVIII, H 5149; pl. XLII, H 2841.

<sup>44</sup> J. M. Casal. Указ. соч., fig. 48; fig. 82, 293.

<sup>45</sup> M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta, a chalcolithic settlement in the Iranian Sistan. Preliminary Report on the first campaign, October—December 1967. East and West, Rome, 1968, fig. 19, a, b, g, i; fig. 20, a, d. Он же. Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, September—December 1968. Rome, 1969, fig. 22, a, b, c, d; fig. 23, a, b, d, e, f.

<sup>46</sup> M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta..., P. Report 1967, fig. 19, g, i; fig. 82, 85; Он же. Excavations at Shahr-i Sokhta..., P. Report 1968, fig. 40, a, b, c, d.

<sup>31</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. CXVII, H1636. Он же. Excavations at Tepe..., pl. XXXVI H4136. H5215.

<sup>32</sup> T. Arne. Excavations at Shah..., pl. XXXIV, fig. 236, no. 623, fig. 238, no. 666.

<sup>33</sup> Там же, pl. XXXVIII, fig. 264, no. 1076.

<sup>34</sup> Там же, pl. XXXIX, fig. 265, no. 1079.

<sup>35</sup> J. M. Casal. Указ. соч., vol. II, fig. 63, 155, 163, 164, 166; fig. 64, 167, 168, 170—172, 176.

<sup>36</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. CXVI, H1024, H 420; Он же. Excavations at Tepe..., pl. XXXVI, H2141; pl. XXXVIII, H 3956, H 4104; pl. XLII, H 4021.

<sup>37</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. CXXV, H 376, H 378.

раннему и развитому этапу бронзового века, а четвертый—к поздней бронзе<sup>47</sup>. При этом М. Този на основе типологического сопоставления археологических материалов поселения датирует Шахри Сохту в целом 2800—1800 гг. до н. э.<sup>48</sup>

Если первые три периода характеризуются расписной керамикой с богатым геометрическим орнаментом, украшающим многочисленные горшки, миски, чаши, то четвертый отличается от них почти полным исчезновением этих традиций. Вместо сероглиняных и расписных сосудов времени Шахри Сохта I—III широко распространяются сосуды кирпично-красного цвета. Однако публикация археологического материала из слоя Шахри Сохта IV, являвшегося, судя по описанию и датировке, предложенной М. Този, синхронным комплексу Сапалли, полностью отсутствует. Несмотря на это, при знакомстве с вещевым материалом Шахри Сохта I, II, III, датируемым более ранними периодами, чем Сапалли, обнаруживаются некоторые выразительные аналогии. Например, призматические горшки с широким открытым венчиком, часто встречаемые в комплексе Шахри Сохта<sup>49</sup>, составляют одну из ведущих форм керамики Сапалли (рис. 33, 4, 1, 2). Подобные горшки с раздутым туловом и широким венчиком происходят из слоя Мундигак IV<sup>50</sup>, причем они, подобно горшкам Сапалли, не имеют орнамента<sup>51</sup>.

Из ранних слоев поселения Шахри Сохта известны алебастровые полусферические чаши<sup>52</sup>, подобные чашам Сапалли. В керамике Сапаллитапа они составляют один из основных типов. Аналогичные чаши широко представлены в Гис-

саре III<sup>53</sup>. Идентичные полусферические чаши, изготовленные из серой глины, известны в соответствующих слоях Шахтепа, причем там эта форма появляется в третьем слое<sup>54</sup> и продолжает существовать в последующих наслоениях<sup>55</sup>. Некоторые параллели прослеживаются и в форме чайников. Шарообразное тулово, трубчатый носик и плоское дно, присущие чайникам Сапалли, характерны и для чайников Шахтепа III. Однако здесь отмечается некоторое своеобразие. Чайники Сапалли оформлены низким венчиком или вообще его не имеют, в то время как шахтепинские обладают подчеркнутым высоким горлом<sup>56</sup>, что характерно для многих форм керамики памятников Северо-Восточного Ирана. Иногда среди керамики Шахтепа встречаются чайники с ручкой<sup>57</sup>.

Подводя итоги этих сопоставлений, констатируем, что многие формы керамики Сапаллитапа (вытянутые кувшины с шаровидным туловом, узкогорлые кувшины грушевидной формы, кубки на ножках, чаши со сливом, цилиндрико-конические сосуды, конические чаши и тазы, призматические горшки с широким открытым венчиком, полусферические чаши, чайники с носиком и др.) находят близкие аналогии в керамике ряда памятников Северо-Восточного Ирана (Гиссар III, Шахтепа II), Южного Афганистана (Мундигак IV), Иранского Сейстана и Западного Пакистана (долины Сват, Читрал, Шахри Сохта). При этом слои, где была найдена керамика, аналогичная комплексу Сапалли, синхронизируются со слоями времени Намазга V и Намазга VI — памятников подгорной

<sup>47</sup> E. F. Schmidt, *Excavations at Tepe...*, pl. XLII, H. 4338; pl. XXXVIII, H. 4975; pl. LIX, H. 5224.

<sup>48</sup> T. Arne, *Excavations at Shah Tepe...*, pl. XXI, fig. 169, no. 437; fig. 170, no. 436, 433; pl. XXVI, fig. 197, no. 1171; pl. XXX, fig. 215, no. 405, fig. 218, no. 1214; pl. XXXI, fig. 220, no. 1735.

<sup>49</sup> Там же, pl. XXI, fig. 170, no. 397; pl. XXIII, fig. 181, no. 947; pl. XXIV, fig. 184, no. 750, fig. 187, no. 758, fig. 185, no. 773; pl. XXVI, fig. 198, 197; pl. XXVII, fig. 201, fig. 200.

<sup>50</sup> Там же, pl. XXXIII, fig. 234, fig. 235.

<sup>51</sup> Там же, pl. XXXVI, fig. 250, no. 999; pl. XXXIX, fig. 263.

<sup>47</sup> Он же, *Сейстан в бронзовом веке — раскопки в Шахри Сохте*, СА, 1967, № 3, стр. 15—30.

<sup>48</sup> Там же, стр. 20.

<sup>49</sup> M. Tosi, *Excavations at Shahr-i Sokhta...*, P. Report 1967, fig. 7, a; fig. 20, f; Он же, *Excavations at Shahr-i Sokhta...*, P. Report 1968, fig. 19; fig. 22, g, h, e.

<sup>50</sup> M. Casati, *Указ. соч.*, vol. II, fig. 48.

<sup>51</sup> Там же, fig. 56, 88, 88a; fig. 66, 195 a, b, c, d.

<sup>52</sup> M. Tosi, *Excavations at Shahr-i Sokhta...*, P. Report 1968, fig. 40, e, f; fig. 227.

полосы Южного Туркменистана, которые, в свою очередь, хронологически увязываются с поселением Сапаллштепа. Это сходство и близкие параллели, обнаруживаемые в керамике, особенно ярко прослеживаются в других материалах культуры позднего Намазга V и раннего Намазга VI, а также в синхронных памятниках ряда районов Средней Азии, Северо-Восточного Ирана и почти по всей территории Древнего Востока.

Круг аналогий металлических изделий Сапалли намного шире и выразительнее, чем других предметов материальной культуры. Среди металлических изделий Сапалли выделяется серия миниатюрных сосудов (графинчиков) с высоким узким горлом и широкими плечиками (табл. 25, 1—4; табл. 32, 1—4). Аналогичные миниатюрные сосуды известны в третьем слое тепа Гиссар<sup>55</sup>.

Важнейшим датированным материалом Сапаллштепа являются печати, изготовленные из различного материала (бронзы и камня). Бронзовые печати (их всего три—одна овальная с небольшой петелькой на обратной стороне и две другие в виде головки будавок) имеют как-то знаки на лицевой стороне, где в центре помещена семилестковая розетка с кружком и шестиконечная звездочка (табл. 26, 1, 23, 22; табл. 32, 6—9).

Печать из мергелистого известняка сделана в виде восьмиконечной звездочки с углубленным крестом в центре и с петелькой на обратной стороне. Все эти печати имеют полные аналогии во многих памятниках древнеземледельческих племен. Слои позднего Намазга V на поселениях Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе и памятники Мургабского оазиса времени Намазга VI дают сходные печати, также изготовленные из различного материала (бронза, камень и терракота). Это шестилестковые розетковидные печати с кружочками в центре и петелькой на обратной стороне из поселения Ал-

тын-депе<sup>59</sup>, розетковидные печати с перерогородчатым изображением в центре и кружком на лицевой части из поселения Улуг-депе<sup>60</sup>. Крестовидная печать с кружком в центре имеется в слое позднего Намазга V на поселении Намазга-депе<sup>61</sup>. Другая печать розетковидной формы с кружком в центре найдена на поселении Намазга-депе<sup>62</sup>. На поселениях Алтын-депе известны несколько печатей крестообразной формы с кружком в центре, датированных тем же временем<sup>63</sup>. Розетковидная перерогородчатая печать с кружком в центре происходит с южного холма Анау<sup>64</sup>. Обломок розетковидной печати, видимо, также с перерогородчатым изображением найден на поверхности Аучин-депе<sup>65</sup>. Одна печатка из серого камня с кружком в центре обнаружена в поселении Тахирбай 3<sup>66</sup>, другая каменная печатка, также с кружком в центре, найдена на поверхности поселения Тахирбай 4<sup>67</sup>. Обзор печатей, аналогичных времени Намазга V и VI, дается в специальной работе, посвященной семантике знаков собственности эпохи бронзы<sup>68</sup>.

Печати из различного материала в виде розеток найдены в третьем слое тепа Гиссар<sup>69</sup>, в Мундигаке IV<sup>70</sup> и в Шах-

<sup>55</sup> В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе. Археологические открытия 1969 г., М., 1970, рис. 2, 3; И. Масимов. Ремесленный квартал городища Алтын-депе; Там же, стр. 422.

<sup>56</sup> В. И. Сариянди, К. А. Качурич. Указ. соч., стр. 343.

<sup>57</sup> Б. А. Литвинский. Указ. соч., рис. 12 4.

<sup>58</sup> Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда, ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.; ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 278, рис. 23.

<sup>59</sup> И. Масимов. Ремесленный квартал..., стр. 422.

<sup>60</sup> R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, vol. 1, 152, fig. 256.

<sup>61</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XII, 8.

<sup>62</sup> Там же, табл. XII, 6.

<sup>63</sup> Там же, табл. XII, 7.

<sup>64</sup> В. М. Массон. К семантике знаков собственности эпохи бронзы, сб. «Сибирь и ее соседи в древности», Новосибирск. Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1970, стр. 314—319.

<sup>65</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar... pl. CXXXIX, H 458, H 720

<sup>70</sup> J. M. Casal. Указ. соч., pl. XLX, 4, 10, 11.

<sup>55</sup> E. F. Schmidt. Excavations at Tepe... pl. LVII, H. 4014.

ри Сохте<sup>71</sup>. Следует отметить, что печати многих районов, имея ряд общих параллелей с нашими материалами, сильно отличаются друг от друга в деталях изображения на лицевой части. Это вполне закономерно для каждого конкретного района и даже памятника. Но общий характер и стиль изготовления печатей свидетельствуют о тех связях историко-культурного и социально-экономического характера, которые объединяли племена южных районов Узбекистана, подгорной полосы Южного Туркменистана и северо-восточных районов Иранского Хорасана в первой половине II тыс.

Как мы уже отмечали, в погребениях Сапалли найдено три зеркала: одно круглое с выступающей массивной ручкой, изображающей подбоченившуюся женщину, и два также круглых, несколько вогнутых (табл. 25, 14—16; табл. 32, 14—16). Е. Е. Кузьмина в своде металлических изделий энеолита и бронзового века Средней Азии собрала все типы зеркал этого региона. Избегая нагромождения ссылок, укажем лишь ту ее работу, в которой даны широкие аналогии обоим типам зеркал<sup>72</sup> и проведем параллели, отсутствующие у Е. Е. Кузьминой. Так, несколько круглых зеркал и одно с ручкой обнаружены в Раннетулхарском могильнике Бишкентской культуры<sup>73</sup>. Поразительную аналогию нашему зеркалу с фигурной ручкой дает зеркало из Южнобелуджистанского памятника Кулли, ручку которого С. Пиггот трактует так же, как фигуру подбоченившейся женщины<sup>74</sup>.

Круглое зеркало с выступающей руч-

кой известно в Египте и Палестине<sup>75</sup>. Е. Е. Кузьмина была права, утверждая, что зеркало с ручкой по своему происхождению — оседлоземледельческое, откуда этот тип постепенно проник в культуру ственных племен<sup>76</sup> и в памятники Чустской культуры<sup>77</sup>, что свидетельствует о наличии подобных зеркал в комплексах Раннетулхарского могильника, Сукулукскогоклада, клада в селении Садовое, поселения Чустской культуры и т. д.

В комплексе поселения Сапаллитапа имеется несколько экземпляров несомкнутых браслетов с круглым сечением (табл. 25, 8—12; табл. 26, 8, 17, 18). Среди них два обломка от двух браслетов, орнаментированных спиралевидными насечками. Браслеты без насечек найдены в верхнем слое Кара-депе<sup>78</sup>, в могильнике на территории троллейбусного парка Ашабада, датируемого ранним этапом Намазга VI<sup>79</sup>, в погребениях поселений Намазга-депе и Аучин-депе<sup>80</sup>. Браслеты с несомкнутыми концами широко представлены в материалах памятников всей Передней Азии. Они известны в теле Гиссар III<sup>81</sup>, Шахтена II<sup>82</sup>, на поселениях эпохи бронзы Сирии<sup>83</sup>, теле Гавра VI<sup>84</sup>, Талиш (Иран)<sup>85</sup>, Гиан IV<sup>86</sup>, Джамшиди<sup>87</sup>. Браслеты со спиралевидными насечками из Сапалли имеют па-

<sup>71</sup> F. A. Schaeffer, *Stratigraphic Comptes et Chronologie de L'Asie Occidentale* (III et II mil.), London, 1948, fig. 53, 10; fig. 130, 5; fig. 131, 2.

<sup>72</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 68.

<sup>73</sup> Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, 118, стр. 68, таб. XX, 4—5.

<sup>74</sup> В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 370, табл. XV, 2.

<sup>75</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 70, табл. XIV, 63.

<sup>76</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 19, табл. IV, 6.

<sup>77</sup> Е. F. Schmidt *Tepe Hissar...*, pl. CXXI, H 235.

<sup>78</sup> T. Arne. *Excavations at Shah...* p. 298, fig., 638, 639, 640.

<sup>79</sup> F. A. Schaeffer, *Указ. соч.*, fig. 56, 15; fig. 79, A; fig. 105, 20.

<sup>80</sup> Там же, fig. 90, 3.

<sup>81</sup> Там же, fig. 228, fig. 232, 7, 9, 10, 24.

<sup>82</sup> Там же, fig. 245, 15, 19.

<sup>83</sup> Там же, (fig. 251), 38.

<sup>71</sup> M. Tosi. *Excavations at Shahr-i Sokhta...*, P. Report 1968, fig. 262, 263; Он же. *Excavations at Shahr-i Sokhta...*, P. Report 1967, fig. 96, b.

<sup>72</sup> Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Свод археологических источников, вып. В 4—9, М., 1966, стр. 67—69.

<sup>73</sup> А. М. Миядельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, МИА, 145, Л., 1968, табл. V, 2—4; табл. VI, 1—4; табл. VII, 1—4; табл. VIII, 1.

<sup>74</sup> S. Piggott. *Prehistoric India*, London, 1950.

раллели на поселении Библ (Ливан)<sup>88</sup> и в теча Сналк (Иран)<sup>89</sup>.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что браслеты круглые в сечении с несомкнутыми концами были широко распространены по всему Древнему Востоку, особенно на территории западных и северо-восточных районов Ирана, начиная с III тыс. до н. э. и до первой половины и середины II тыс. до н. э.

Уникальной находкой среди металлических изделий Сапаллитепе является бронзовый прочный секирообразный топор (табл. 25, 13; табл. 32, 11). Подобные топоры в пределах Средней Азии пока не известны. Он не находит себе полной аналогии и среди многочисленных металлических предметов древнеземледельческих памятников всей Передней Азии. Но отдельные его элементы имеют некоторые параллели с топорами Средней Азии и Древнего Востока. Например, топор из Южного Туркменистана, найденный в местности Пуль-и Хатуи, по оформлению обуха сходен с нашим топором<sup>90</sup>. В луристанской бронзе имеется боевой топор со сходным лезвием, завершающимся с одного края мордой животного, чего нет в топоре Сапаллитепе. Главное сходство с луристанским топором — оформление втулки ромбовидной фигурой со сквозным отверстием в центре<sup>91</sup>. Боевой топор из Сапаллитепе скорее всего является продуктом местного производства и имеет глубокие корни в среде древнеземледельческой культуры Северо-Восточного Ирана и южных областей Средней Азии.

Другой важной находкой среди металлических предметов Сапаллитепе является цилиндрическая глубокая чаша со слегка вогнутыми стенками, отогнутым краем венчика и расширяющейся нижней частью тулова (табл. 25, 7). Подобная форма ни среди керамических, ни среди металлических сосудов памятников эпохи бронзы Средней Азии пока

не встречалась. Она не известна и в памятниках соседних областей. Несколько похожая глиняная чаша обнаружена лишь в Иерихоне (Палестина)<sup>92</sup> и в Триолети (Кавказ)<sup>93</sup>, последняя изготовлена из золота.

В коллекции Сапаллитепе имеется бронзовый наконечник копья или дротик с подтреугольным длинным пером и коротким плоским черешком (табл. 25, 6). Среди памятников эпохи бронзы Средней Азии и за ее пределами эта форма имеет широкое распространение. Почти такие же дротики (некоторые исследователи их называют двухлезвийными ножами) найдены на поселении Алтын-деле<sup>94</sup> и два экземпляра на Тахирбай-депе в Мургабе<sup>95</sup>. Аналогичные копья (или дротики) известны в теча Гиссар III<sup>96</sup>, где они, в отличие от сапаллитепинских, имеют узкое удлиненное перо и длинный черешок. Идентичные копья обнаружены и в других памятниках Ирана<sup>97</sup>.

Интересную серию среди металлических изделий Сапаллитепе составляют булавки. Они по оформлению головки имеют несколько вариантов: булавка-печать с розетковидным навершием, гвоздеобразная булавка с биконической шляпкой, булавка с кулакообразным завершением, булавка с лопаткообразным концом и булавка с маковой головкой. Почти все виды булавок с Сапаллитепе находят широкие аналоги среди памятников Древнего Востока, датируемых временем с энеолита до поздней бронзы. Необходимо отметить, что булавки с кулакообразным навершием (на поселении Сапаллитепе их найдено два экземпляра) не встречаются в памятниках эпохи брон-

<sup>88</sup> F. A. Schaeffer. Указ. соч., fig. 117, 37.

<sup>89</sup> Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триолети I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1941, табл. СР, I.

<sup>90</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 38, табл. VII, 15.

<sup>91</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XIV, 3, 4.

<sup>92</sup> E. F. Schmidt. Tere Hissar..., pl. CXVIII, H 768, H 457; pl. CXIX, H 539, H 111, H 167.

<sup>93</sup> F. A. Schaeffer. Указ. соч., fig. 224, B; fig. 227, 21; fig. 261, 25.

<sup>88</sup> Там же, fig. 63, 2.

<sup>89</sup> Там же, fig. 254, 3.

<sup>90</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 9, табл. I, 4.

<sup>91</sup> F. A. Schaeffer. Указ. соч., fig. 265, 11.

зы или более раннего периода. Булавки же с изображением пальцев руки на одном из концов известны в Газе (Палестина)<sup>98</sup>, однако они, в отличие от сапаллитепинских, изображают не кулак, а открытую ладонь. Булавка-печатка с розеткообразным навершием найдена в погребении могильника под троллейбусным парком в Ашхабаде<sup>99</sup>. Фрагменты аналогичной булавки имеются среди металлических изделий поселений Тахирбай 3 в Мургабе<sup>100</sup>. Следует упомянуть и восьмилестковую привеску ожерелья в виде звездочки из погребения на Аучинтепа<sup>101</sup>.

Гвоздеобразных булавок с биконической шляпкой на поселении Сепаллитепа найдено два экземпляра. Одна из них — целая (табл. 26, 26), другая — в обломке (табл. 26, 13). У целой шляпка уплощенно-биконическая, украшенная частыми насечками. Головка другой булавки уплощенно-коническая. Вторым вариантом булавки находят самое широкое распространение среди памятников оседлых племен Средней Азии, Ирана, Афганистана и других районов Древнего Востока. Они известны во всех слоях Анау<sup>102</sup>, на Кара-депе<sup>103</sup>, Алтын-депе<sup>104</sup>, встречаются во всех периодах тепа Гиссар<sup>105</sup>, в Библе (Ливан)<sup>106</sup>, в тепа Гавра (Иран)<sup>107</sup>, в Мегидо<sup>108</sup>, в Тарсе и Алишере (Малая

Азия)<sup>109</sup>, а также во всех слоях тепа Гиан (Иран)<sup>110</sup>.

Наиболее широкое распространение получили лопаткообразные булавки. Они известны по ряду памятников Южного Туркменистана, таких как поселения Кара-депе у Артыка<sup>111</sup>, Алтын-депе у Меана<sup>112</sup>. Аналогичные булавки с одним толстым и круглым в сечении концом и другим уплощенным в виде миниатюрной лопаточки были найдены в могильнике и на поселении культуры Заман-баба<sup>113</sup>. Небольшие лопатковидные булавки известны в третьем слое тепа Гиссар<sup>114</sup>, Шахтепа II<sup>115</sup>, в четвертом слое поселения Мундигака<sup>116</sup>, во втором слое Алишера (Малая Азия)<sup>117</sup>. Два экземпляра булавок-лопаточек происходят из Ранне-тулхарского могильника<sup>118</sup>. Все лопаткообразные булавки можно разделить на два варианта: первый с толстым концом и второй с тонким и острым концом. Из числа приведенных булавок две из Сапаллитепа (табл. 26, 29 и 32) и одна из поселения тепа Гиссар и Алишера имеют острый конец. Остальные булавки из Заман-баба, Алтын-депе, Кара-депе, Шахтепа, Мундигака и Ранне-тулхарского могильника на конце утолщены.

Интересно, что на поселении Сапаллитепа в составе погребального инвентаря в женских могилах найдены предметы с двумя утолщенными концами (табл. 26, 27, 28, 35), которые мы условно на-

<sup>98</sup> F. A. Schaeffer, Указ. соч., fig. 131, B. III, 4.

<sup>99</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 83, табл. XII, 9.

<sup>100</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XIV, 2.

<sup>101</sup> Там же, табл. VI, 3.

<sup>102</sup> R. Pumpelly, Excavations in Turkestan, Washington, 1908, vol. I. II. dig. 238—240; fig. 244, 248; fig. 250.

<sup>103</sup> В. М. Массон. Кара-депе..., стр. 376, табл. XV, 3.

<sup>104</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 76, табл. XVI, 39.

<sup>105</sup> E. F. Schmidt, Excavations at Terpe..., N 4704, P 3053, N 2876, N 3083; Он же. pl. CXXI, N 468, N 469; pl. CXXII, N 372, N 373.

<sup>106</sup> F. A. Schaeffer. Указ. соч., fig. 58, F; fig. 59, D; fig. 61, B; fig. 66, 5, 7, 8; fig. 67, 15, 19, 24; fig. 68, 31, 36, 39.

<sup>107</sup> Там же, fig. 90, 6.

<sup>108</sup> Там же, fig. 138, 2—3; fig. 141.

<sup>109</sup> Там же, fig. 173, 1—3, 5—7; fig. 193, 18, 25, 26.

<sup>110</sup> Там же, fig. 242, 42, 86; fig. 244, 61, 68, 86, 91.

<sup>111</sup> В. М. Массон. Кара-депе..., стр. 329, табл. XV, 9—11.

<sup>112</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 77, табл. XVI, 19.

<sup>113</sup> Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарова. Первобытная культура в низовьях Заррафшана, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, табл. XVI, рис. 1—5, 10, 11, 14, 18.

<sup>114</sup> E. F. Schmidt, Excavations at Terpe..., pl. PV, N 2778.

<sup>115</sup> T. Arne, Excavations at Shah..., p. 298, fig. 646, a, b, c.

<sup>116</sup> J. M. Casal, Touilles de Mundugak..., fig. 140, 19, 20.

<sup>117</sup> F. A. Schaeffer, Указ. соч., fig. 195, 31, 32.

<sup>118</sup> А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. VIII, 3, 4.

звали головными шпильками, предназначенными для поддержания пучка волос и имеющими практическое назначение. Не исключено, что лапотообразные булавки с толстым концом выполняли также функции головных шпилек. Среди костяного материала поселения Сапаллитепе имеется три экземпляра головных шпилек или булавок (табл. 32, 19, 20). Тщательно отполированная поверхность и утонченный заостренный конец позволяют говорить об их прямом назначении. Бронзовые головные шпильки с двумя толстыми концами на территории Средней Азии встречаются довольно редко. Один экземпляр, сделанный из толстой проволоки круглого сечения, найден на поселении Кара-депа<sup>119</sup>. Он датируется временем Намазга II. Подобная же шпилька обнаружена в четвертом слое Мундигака<sup>120</sup>.

Костяные головные булавки с одним острым и другим тупым концом найдены на поселении Шахтепа II<sup>121</sup> и в третьем слое тепа Гиссар<sup>122</sup>. Причем одна из гиссарских костяных головных булавок, подобно сапаллитенинским, украшена на конце насечками.

Среди булавок Сапаллитепе имеется сравнительно тонкая с одним острым концом и другим в виде маковой головки (табл. 26, 31). Булавки с подобным завершением известны в комплексах Чагар-Базар (Сирия)<sup>123</sup>, тепа Гавра (Ирак)<sup>124</sup> и в луристанской бронзе<sup>125</sup>. Чагарбазарская булавка в отличие от других ниже головки имеет узор в виде креста с круглым узелком между тремя горизонтально расположенными рядами линий.

В коллекции Сапаллитепе есть несколько экземпляров бронзовых шильев с круглым сечением (табл. 26, 15, 30, 34) и иголок (табл. 26, 11, 12), аналогич-

которым широко известны во многих памятниках эпохи бронзы как древнеземледельческих, так и степных племен.

Е. Е. Кузьмина разработала классификацию всех известных шильев и иголок Средней Азии с широкими аналогиями, начиная с эпохи энеолита до поздней бронзы<sup>126</sup>. Согласно этой классификации шилья и иголки из Сапалли представляют собой одну из древнейших форм, существовавших в ряде памятников Средней Азии, Ирана, Афганистана и других областей всей Передней Азии.

Среди металлических изделий Сапаллитепе наибольший интерес представляют серги или колечки из круглой проволоки с несомкнутыми концами (табл. 26, 2, 3; табл. 32, 5). Подобные колечки часто встречаются в памятниках Средней Азии. синхронных комплексу Сапалли.

Тонкое височное колечко с несомкнутыми концами обнаружено в погребении могильника времени раннего Намазга VI (под троллейбусным парком Ашхабада)<sup>127</sup>. Пять колец найдено в могильнике Янгикала<sup>128</sup>, одно — в Раннетулхарском и четыре в Раннеаруктауском могильниках<sup>129</sup>. Одно круглое и два овальных колечка известны в Мургабе<sup>130</sup>. Серебряные и золотые колечки с несомкнутыми и сомкнутыми концами имеются в комплексе тепа Гиссар II и III<sup>131</sup>, несомкнутые колечки известны в Биле (Ливан)<sup>132</sup>, Талыше (Иран)<sup>133</sup> и в тепа Гиане<sup>134</sup>.

Немалое значение в определении относительной хронологии поселения Сапаллитепе имели единственный экземпляр глиняной фигурки человека (рис. 49) и несколько фигур животных. По схематич-

<sup>119</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 62, 65, табл. XII.

<sup>120</sup> Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 73, табл. XVI, 58.

<sup>121</sup> А. Ф. Ганялин. Погребения эпохи бронзы, стр. 377, 379, рис. 3.

<sup>122</sup> А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. VIII, 8; табл. XXII, 6—9.

<sup>123</sup> Б. М. Массон. Древнеземледельческая культура, табл. XIV, 8, 9, 10.

<sup>124</sup> Е. F. Schmidt. *Tepe Hissar...*, pl. CV, H 1175; pl. CXXII, 1021, 1021, H 765, H 401, H 784.

<sup>125</sup> F. A. Schaeffer. Указ. соч., fig. 59, e.

<sup>126</sup> Там же, fig. 232, 14, 17, 18; fig. 237, 6, 7.

<sup>127</sup> Там же, fig. 244, 82; fig. 245, 4, 15, 19.

<sup>119</sup> В. М. Массон. Кара-депе у Артика, табл. XV, рис. 12.

<sup>120</sup> G. M. Casal. Указ. соч., fig. 139, 7.

<sup>121</sup> Т. Агне. Указ. соч., pl. LXXII, fig. 622.

<sup>122</sup> E. F. Schmidt. *Tepe Hissar...*, pl. CXLIII, H 392, H 265.

<sup>123</sup> F. A. Schaeffer. Указ. соч., fig. 83, T; 131, 4; fig. 86, T; 159, I.

<sup>124</sup> Там же, fig. 90, 20.

<sup>125</sup> Там же, fig. 267, C.

ности исполнения они находят близкие параллели среди памятников, датированных вторым тысячелетием до н. э. Анализируя терракотовые статуэтки всех этапов культуры Намазга, В. М. Массон приходит к заключению, что традиционное развитие реалистической крошечной пластики времени Намазга I, II, III и IV, начиная с эпохи Намазга V, стало ухудшаться. Статуэтки становятся сильно схематизированными, что вызвано большими переменами, которые в этот

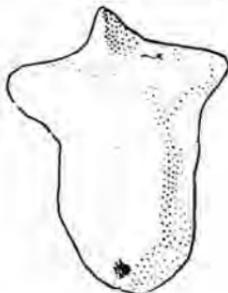


Рис. 49. Глиняная фигурка человека.

период происходили в социально-экономической жизни оседлого населения. Подтверждением того может служить статуэтка из Сапалли. Схематизированные статуэтки животных были известны в материалах времени Намазга VI в Мургабе<sup>135</sup>.

Глиняные фигурки человека, подобно сапаллитепинской, происходят из третьего слоя тепа Гиссар<sup>136</sup>. Там же обнаружена другая статуэтка из алебастра<sup>137</sup>. Подобная же каменная статуэтка найдена во втором слое Шах-тепа<sup>138</sup> и Тюринг-тепа<sup>139</sup>. Много статуэток как человека, так и животных найдено на поселении

Шахри Сохта, причем все они схематизированные<sup>140</sup>.

В заключение обзора аналогий нашему материалу необходимо отметить, что кремневые наконечники стрел подлистовидной и ромбической формы, характерные для поселения Сапалли, широко представлены в слоях Шахри Сохта<sup>141</sup>. То же самое можно сказать и о кремневых ножевидных пластинках<sup>142</sup>.

Сходство в форме и технике изготовления обнаруживается и в кремневом инвентаре поселения Сапалли и Мундигака IV<sup>143</sup>. Много общего между кремневым инвентарем Сапалли и Гиссара. Например, кремневые наконечники стрел листовидной и подтреугольной формы с небольшим черенком в основании встречаются в третьем слое Гиссара<sup>144</sup>. Аналогичные наконечники известны в Мургабе, в памятниках времени Намазга VI<sup>145</sup>. Здесь же имеются наконечники ромбической и листовидной формы<sup>146</sup>, характерной и для поселения Сапаллитепа. Черешковые наконечники из кремня были известны и в Раннетулхарском могильнике<sup>147</sup>.

Поразительное сходство прослеживается в форме и технике изготовления бус из полудрагоценных камней Сапалли с аналогичными материалами из соседних областей. В первую очередь оно обнаруживается при изучении бус культуры Заман-баба<sup>148</sup>. И там, и здесь подавляющее большинство бус сделано из бирюзы, лазурита, мрамора и каолиновой глины. Единственное отличие заключается

<sup>140</sup> M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta..., P. Report 1968, fig. 152, 154, 156, 157, fig. 129, 130, 131, 134, 142, 144, etc.

<sup>141</sup> M. Tosi. Excavations at Shahr-i Sokhta..., P. Report 1968, fig. 22, 8; fig. 23, 1—14; fig. 24, 1—16; fig. 25, 1—16.

<sup>142</sup> Там же, fig. 21, 723; fig. 22, 1—6.

<sup>143</sup> G. M. Casal. Указ. соч., vol. II pl. XXXVII, e.

<sup>144</sup> E. F. Schmidt. Tere Hissar..., pl. CXLIII, H. 725, H. 721, H. 724, H. 722, H. 726.

<sup>145</sup> В. М. Массон. Двенеизземледельческая культура..., табл. XIII, 7, 11, 12.

<sup>146</sup> Там же, табл. XIII, 8, 10.

<sup>147</sup> А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. IX, 2, 3.

<sup>148</sup> Я. Г. Гулямов и др. Указ. соч., стр. 153—157, табл. VIII; табл. XX.

<sup>135</sup> В. М. Массон. Древнеизземледельческая культура..., табл. XV, 3, 4.

<sup>136</sup> E. F. Schmidt. Excavations at Tere Hissar..., pl. XLII, H. 3699.

<sup>137</sup> Там же, fig. 114.

<sup>138</sup> T. Arne. Excavations at Shah..., fig. 526.

<sup>139</sup> Wulsin. Excavations at Tureng Tere, pl. XVII, fig. 3—5.

в том, что среди бус Сапалли оказалось много сердоликовых, а бусы из яшмовидных пород камня, характерные для культуры Заман-баба, здесь вообще отсутствуют. Правда, по форме бусы из Заман-баба более разнообразны, чем из Сапалли. Например, в коллекции бус из Сапалли отсутствует полулунная форма, а также крестовидные бусы. А среди бус с Заман-баба не встречается биконической формы, характерной для сердоликовых бус Сапаллитапа. Наиболее характерная черта бус Сапаллитапа — наличие на них изображений в виде свастики, крестов, елочек, фестончиков и т. д. Что касается вопроса техники изготовления бус, то здесь не наблюдается особых отличий. Нет существенных различий и в материалах, использованных для бус Мургабского оазиса<sup>149</sup> и Сапалли. Аналогичны нашим бусам из яшмовидных пород бусы из Раннебухарского могильника<sup>150</sup>. Бусы, подобные сапаллитинским, известны и в Мундигаке<sup>151</sup>. Встречаются они и в слоях тепа Гиссар<sup>152</sup>, причем большая часть гиссарских бус изготовлена из яшмовидных пород — агата. Такие же бусы обнаружены и в Шахтепа<sup>153</sup>.

Характерная особенность памятников материнальной культуры времени Сапалли — широкое распространение бус-пряслиц биконической формы, украшенных по поверхности кружками в виде фестончиков (табл. 24, 1—4, 18, 22). Этот мотив узора встречается как на каменных, так и на терракотовых бусах и широко распространен в синхронных памятниках времени Намазга V и VI. Они встречаются и в слое времени Намазга VI в

Мургабе<sup>154</sup>, в третьем слое тепа Гиссар<sup>155</sup>, в IV периоде Мундигака<sup>156</sup> и во многих других памятниках Переднего и Среднего Востока.

Основываясь на рассмотренных фактах (весьма многочисленных и выразительных, свидетельствующих о несомненном сходстве и идентичности материалов поселения Сапалли и ряда памятников указанных историко-культурных областей Древнего Востока), можно констатировать, что поселение Сапаллитапа — уникальнейший памятник древнебактрийской цивилизации эпохи бронзы — синхронен в основном культуре позднего Намазга V и раннего Намазга VI подгорной полосы Южного Туркменистана, а также памятникам эпохи бронзы Акчинского оазиса Северного Афганистана, периоду Мундигака IV Южного Афганистана, слою тепа Гиссар III и Шахтепа IIa Северо-Восточного Ирана. Абсолютный возраст поселений Акчинского оазиса определяется второй половиной II тыс. до н. э., или точнее последним столетием II тыс. до н. э.<sup>157</sup>

В. М. Массон первоначально Намазга V датировал где-то в пределах первой половины II тысячелетия до н. э., а слой Намазга VI относил к середине и второй половине II тысячелетия до н. э.<sup>158</sup> — позже по культуре Намазга устанавливается более уточненная дата, где время Намазга V определяется 2000—1600 гг. до н. э.<sup>159</sup>

Широкие раскопки последних лет по вскрытию верхних слоев на Алтын-дене дали возможность несколько уточнить абсолютную хронологию Намазга V, согласно которой Намазга V ориентировочно датируется 2100—1850 гг. до н. э.,

<sup>149</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. IV, 3.

<sup>150</sup> А. М. Маидельштам. Указ. соч., табл. XX и XXI.

<sup>151</sup> J. M. Casal. Указ. соч., vol. II, fig. 138.

<sup>152</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. XCIV, H 1221, H 1322; pl. CVII, H 1164 a, b; pl. CXLIV, H 400, a, b, c; pl. CXLV, H 402, H 361, H 490 a — и др.

<sup>153</sup> Т. Агне. Указ. соч., pl. LXXV, fig. 599, fig. 596; pl. LXXVI, fig. 601, fig. 615, fig. 616 a, c и др.

<sup>154</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XIII, 2, 3.

<sup>155</sup> E. F. Schmidt. Tepe Hissar..., pl. CXLVI, H 490; Он же. Excavations at Tepe Hissar..., pl. LXX, H 2788.

<sup>156</sup> J. M. Casal. Указ. соч., fig. 138, 37.

<sup>157</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Сариаиди. Древняя Бактрия..., стр. 160.

<sup>158</sup> В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфина. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 326.

<sup>159</sup> В. М. Массон and V. I. Sarianidi. Central Asia..., p. 112.

а комплексы позднего Намазга V—1850—1650 гг. до н. э.<sup>160</sup>.

А. Я. Шетенко на основе материалов раскопок на Алтын-депе при определении слоев Намазга V считает более правильным датировать их первой половиной II тысячелетия до н. э., т. е. 2000—1700 гг. до н. э.<sup>161</sup> При этом в качестве доказательства он проводит ряд параллелей, синхронизирующих материалы Намазга V со слоями Гиссар III и Шахтене IIа, которые имеют наиболее вероятную дату 2000—1800 гг.<sup>162</sup> Мощные слои времени Намазга VI на примере материалов Мургабаского оазиса получили более дробные даты. Поселение Лучин-депе так же, как памятник раннего Намазга VI, датируется 1700—1400 гг. до н. э., а Тахирбай 3 — поздний этап Намазга VI—1400—1100 гг. до н. э.<sup>163</sup> В свое время Б. А. Куфтин слои Намазга VI отнес к середине II тысячелетия<sup>164</sup>.

В настоящее время целый ряд памятников Средней Азии и Афганистана эпохи бронзы имеет радиоуглеродные даты, полученные в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Они в основном подтверждают абсолютные даты многих памятников, определенные в результате типологического сопоставления всего комплекса археологических материалов<sup>165</sup>.

Алтын-депе (Южный Туркменистан),

<sup>160</sup> В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе в Южном Туркменистане, КСИА АН СССР, стр. 417—419; Он же. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г., стр. 19.

<sup>161</sup> А. Я. Шетенко. Раскопки на Алтын-депе. Археологические открытия 1969 г., вып. 114, М., Изд-во «Наука», 1968, стр. 45.

<sup>162</sup> R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran. Chronologies in old world Archaeology, Chicago—London, 1965, p. 240—248.

<sup>163</sup> В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 28.

<sup>164</sup> Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау», ИАН ТуркССР, № 1, 1954.

<sup>165</sup> Е. Н. Романова, А. А. Семенов, В. И. Тимофеев. Радиоуглеродные даты об-

распок 1, слои Алтын 4, поздняя Намазга IV (Ле—664)=2120±50 до н. э.

Алтын-депе (Южный Туркменистан), распок 5, пом. 29, ранняя Намазга V (Ле 770)=2710±50 до н. э.

Алтын-депе (Южный Туркменистан), распок 5, пом. 29, ранняя Намазга V =1310±60 до н. э.

Алтын-депе (Южный Туркменистан), распок 7, у наружной стены, ранняя Намазга V (Ле 767)=1190±60 до н. э.

Сапаллитена (Южный Узбекистан), распок 3, мусорный завал у керамической печи в пом. 16, поздняя Намазга V и ранняя Намазга VI (Ле 916)=1690±90 до н. э.

Сапаллитена (Южный Узбекистан), распок 3, из помещения времени раннего Намазга VI (Ле 1078)=1500±50 до н. э.

Дашлы 1 (Северный Афганистан) пом. 24, Намазга VI (Ле 975)=1570±45 до н. э.

Дашлы 1 (Северный Афганистан), распок 1, пом. 18 (Ле 976)=1250±45 до н. э.

Дашлы 3 (Северный Афганистан), из ямы (Ле 978)=1490±50 до н. э.

Дашлы 2 (Северный Афганистан), шурф I, из очага (Ле 977)=1390±40 до н. э.

Улуг-депе (Южный Туркменистан) распок II, ранняя Намазга VI (Ле 980)=1380±95 до н. э.

Намазга-депе (Южный Туркменистан), распок на «Вышке», поздняя Намазга VI (Ле 665)=1030±60 до н. э.

Кучук-тепа (Южный Узбекистан), времени Яз-депе I (Ле 773)=900±60 до н. э.

Могильник «Тигровая Балка» (Южный Таджикистан), погр. 12 кургана 7 (Ле 715)=1380±60 до н. э.

Несколько определенных для абсолютной даты поселения Алтын-депе и Улуг-депе сделаны в лаборатории в Берлине<sup>166</sup>.

разнов в Средней Азии и Казахстана лаборатория ЛОИА, Успехи среднеазиатской археологии, вып. 2, Л., Изд-во «Наука», 1972, стр. 59—60.

<sup>166</sup> В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г., Ашхабад. Изд-во «Илим», 1970, стр. 19.

Алтын-депе (Южный Туркменистан), раскоп 7, ранняя Намазга V (Bln 716) =  $2170 \pm 100$  до н. э.

Алтын-депе (Южный Туркменистан), раскоп 7, ранняя Намазга V (Bln 717) =  $2075 \pm 100$  до н. э.

Улуг-депе (Южный Туркменистан), слой 2, поздняя Намазга IV (Bln 714) =  $2146 \pm 100$  до н. э.

Улуг-депе (Южный Туркменистан), слой 3, Намазга IV (Bln 715) =  $2190 \pm 100$  до н. э.

тиграфии и хронологии. Пока трудно судить в чем причина подобных расхождений в системах радиоуглеродной хронологии. Синхронизируя комплекс Сапаллитепа со слоями Гиссар IIIc и Шахтепа IIa, мы можем использовать и хронологию этих памятников.

Э. Шмидт, публикуя материалы Гиссара, датировал слои Гиссара III первой половиной II тыс. до н. э.<sup>167</sup> Автор последних разработок в области хронологии памятников Ирана Р. Дэйсон син-

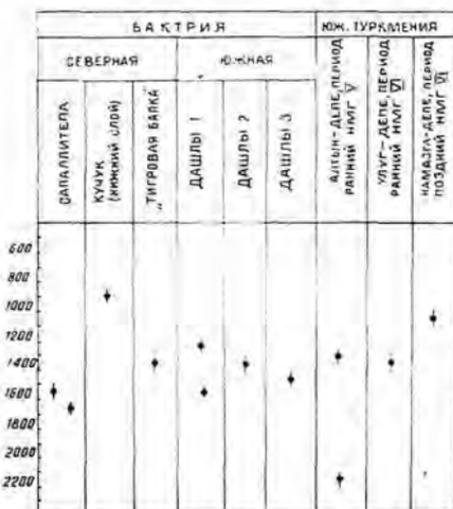


Рис. 50. Сводная таблица данных радиоуглеродного анализа образцов с памятников эпохи бронзы Бактрии и Южного Туркменистана.

Из приведенных выше радиоуглеродных определений видно, что большинство радиоуглеродных дат комплексов многих памятников эпохи бронзы совпадает с абсолютной хронологией, устанавливаемой методом типологического анализа археологической стратиграфии (рис. 50). Однако отдельные определения возраста методом радиоуглеродного анализа (Ле 770, Ле 767, Ле 769, Ле 976) не соответствуют археологической стра-

хронизирует Гиссар IIIв с ранними этапами третьей династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), Гиссар IIIc сопоставляет с материалами Шахтепа IIa (2000—1800 гг. до н. э.)<sup>168</sup>, а комплекс Шахтепа IIa, давний много выразительных аналогий, с материалами Сапалли (в свое

<sup>167</sup> E. F. Schmidt, Excavations at Tepe Hissar..., p. 321.

<sup>168</sup> R. H. Dyson, Указ. соч., стр. 240—248.

время он был датирован Агне 2300—1800 гг. до н. э., или несколько позднее)<sup>169</sup>...

Как известно, в определении абсолютной хронологии Гиссара IIIа и Шахтепа II в зарубежной литературе имеются весьма противоречивые мнения. Избегая повторов, мы считаем достаточным сослаться на работу В. М. Массона, изучившего исчерпывающим образом эти противоречия и предложившего датировать соответствующие комплексы

временем первых трех столетий II тысячелетия до н. э.<sup>170</sup>

Таким образом, на данном этапе изучения материалов Сапаллитепы при объединении всех источников информации для определения относительной хронологии мы склонны датировать этот памятник 1700—1500 гг. до н. э., что соответствует абсолютной хронологии позднего Намазга V и раннего Намазга VI так же, как и радиоуглеродной дате самого Сапаллитепы.

### ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Вопрос этнокультурного развития племен древнебактрийского центра принадлежит к числу ключевых проблем древней истории Средней и Центрального Востока. Его решение связано не только с поселением Сапаллитепы, но и с рядом других поселений и могильников племен, обитавших в эпоху бронзы в районах Южного Узбекистана (Культепа, Кичиктепа, Мулалитепы, Кучуктепа, Миршоди) и Северного Афганистана (поселения типа Дашлы Акчинского и Давлатабадского оазисов).

Еще до недавнего времени трудно было судить о путях развития оседлого земледелия Древнейшей Бактрии, чье легендарное прошлое в изложении Ктесия Книдского долго волновало античный мир и современных историков<sup>171</sup>. Тем не менее имелись данные о заселении территории будущей Бактрии племенами каменного века<sup>172</sup>, потомки которых не могли бесследно исчезнуть до сложения здесь легендарного Древнебактрийского царства. Конечно, отдельные находки 1940 годов в разных частях

территории Древней Бактрии свидетельствовали о возможности открытия здесь памятников, заполнивших бы эту лакуну<sup>173</sup>.

Первые шаги в этом направлении сделаны во второй половине 1950 годов—в низовьях рек Кафирниган и Сурхандарья была открыта целая группа могильных памятников эпохи поздней бронзы, прочно утвердившихся в современной археологической литературе под названием «Бишкентская культура»<sup>174</sup>.

Носители Бишкентской культуры занимались в основном скотоводством. Они имели тесные культурные связи со скотоводами северных районов Средней Азии и с оседло-земледельческим населением юго-западных районов Средней Азии и Ближнего Востока. Вскоре могильники «Тигровая балка» и «Ойкуль» с аналогичным уровнем культурно-хозяйственного развития были исследованы на увалах правобережья рек Вахш и Кызыл-су<sup>175</sup>—т. е. в одном из районов будущей Древней Бактрии. В низовьях Шерабадарья было откры-

<sup>169</sup> Т. Агне. Указ. соч., 323.

<sup>170</sup> В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 323.

<sup>171</sup> В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 186.

<sup>172</sup> А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в Гроле Тешик-таш, Южный Узбекистан, Сб. «Тешик-таш. Палеолитический человек», М., 1949; А. Рогунская. Зараут-сай (Залипский художника), М.—Л., 1950; История таджикского народа, т. I. Изд-во восточной литературы, 1963, стр. 84—93.

<sup>173</sup> А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане, КСИИМК, 20, М., 1930, стр. 74—76.

<sup>174</sup> А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, МИА, 145, Л., Изд-во «Наука», 1968.

<sup>175</sup> Б. А. Литвинский. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии, ВДИ, 4, М., Изд-во «Наука», 1967, стр. 122—126; Он же. Таджикистан и Индия, Сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 153.

то и исследовано поселение Кучуктепа<sup>176</sup> —памятник иного характера, чем могильники Бишкентской культуры,—давшее в нижних слоях материалы типа Яз-депе I Мургабского оазиса и Чустской культуры Ферганской долины. Однако памятники анаусско-намазгинского типа в Бактрии до последнего времени оставались неизвестными.

Обнаруженные в последние годы на юге Узбекистана и в Северном Афганистане памятники анаусско-намазгинского облика времени Намазга V и VI открыли совершенно новую и яркую страницу в истории племен эпохи бронзы с производящим земледельческим хозяйством. Эти открытия заинтересовали исследователей, занимающихся древней историей народов Средней Азии и Ближнего Востока. Появились скороспелые обшие статьи<sup>177</sup>, трактующие еще неопубликованные самими авторами материалы, что выходит за пределы научной этики.

Исследования памятников типа Сапалли и Дашлы дали обильный и оригинальный материал, отличный от матери-

ала памятников Бишкентского круга и поселения Кучуктепа эпохи бронзы. На территории Бактрии еще не открыты памятники, хронологически предшествующие и генетически связанные с комплексами типа Сапалли. Носители Писсарской культуры со своим примитивным хозяйством и архаичным обликом материала не могли быть генетически предшественниками обитателей Сапалли. Было бы ошибочно выводить Сапалли и из Заманбабинской культуры. Тем не менее в научной литературе уже появляются отдельные высказывания, согласно которым основное население Сапаллита, придерживающееся катакомбного обряда захоронения, является чуть ли не потомком культуры Заман-баба<sup>178</sup>. Основанием для подобной гипотезы послужил тот факт, что катакомбный обряд захоронения не характерен для культуры Намазга V и VI, поскольку там захоронения производятся на поселениях в специальных погребальных камерах или грунтовых ямах под полом. Лишь позднее (Намазга VI) появились грунтовые могильники вне поселения. А могильники Заман-баба, Тулхар и «Тигровая балка» дают катакомбные захоронения.

Однако следует учитывать, что обряд захоронений — всего лишь один из компонентов в определении генетической принадлежности тех или иных племен, и он не может быть определяющим фактором. В определении генетической принадлежности населения Сапаллита наиболее существенным элементом является этнографический облик культуры, этнокультурное развитие жителей поселка. Отвечая на этот вопрос, следует придерживаться строго документальной и научной аргументации, всесторонне изучать имеющиеся вещественные материалы. Однако исследователи не всегда располагают подобным материалом.

Вопрос об этнической принадлежности обитателей поселения Сапаллита довольно сложный, так как мы имеем

<sup>176</sup> Л. И. Альбаум. Поселение Кучуктепа в Узбекистане. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов, Бзку, 1965, стр. 59—60. Следует отметить, что Л. И. Альбаум допустил неточность, разделив поселение Кучуктепа на три основных хронологических периода. Первый период (считая сверху вниз) относится ко времени ахеменидов (толщина слоя — 7,5 м). Второй дает материал типа Яз-депе I (конец II и начало I тыс. до н. э.). Третий период (4-х метровый докол, окруженный стеной высотой 7,5 м) датирует серединой и второй половиной II тыс. до н. э. и синхронизирует его временем Намазга VI. Однако третьего периода на поселении Кучуктепа вообще не существует. Согласно данным Л. И. Альбаума при арифметическом расчете общая высота холма где-то около 20 м. В действительности же картина такова: общая высота холма не более 10 м. Кучук состоит из наслоений двух хронологических периодов — верхние, более мощные, относятся ко времени ахеменидов, а нижние — ко времени Яз-депе I и имеют небольшой культурный слой с малым количеством материалов.

<sup>177</sup> Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии, ВДИ, I, М., Изд-во «Наука», 1972; Она же. Культура Святы и ее связь с Северной Бактрией, КСИА АН СССР, 132, М., 1972. Указанные статьи в описании Сапалли содержат ряд неточностей и ошибок.

<sup>178</sup> Е. Е. Кузьмина. К вопросу..., стр. 134—135.

весьма незначительные данные, необходимые для его решения или, по крайней мере, для обоснованной постановки проблемы. Вот почему в настоящее время возможны лишь предположения, основанные на характере хозяйства, гончарного производства и металлургии и более всего на сходстве ряда керамических, металлических и других изделий. Намечающиеся параллели и связи комплекса Сапалли с материалами памятников древнеземледельческих культур в суммарном изложении сводятся к следующему:

1. Наиболее характерными признаками времени культуры Намазга V и VI (который начался с позднего Намазга IV) является полное отсутствие орнаментации в керамике и высокоразвитый уровень гончарного производства, что привело к усовершенствованию форм сосудов и расширению ассортимента гончарной продукции. В результате сосуды становятся более изящными, стройными, легкими, с тонкой звонкой стенкой—следствие широкого применения гончарного круга быстрого вращения и высокой термотехники. Эти качества присущи керамике Сапаллитепе. При типологическом сопоставлении керамического комплекса Сапалли с материалами культуры Намазга V и Намазга VI больше всего сходства мы находим в керамике. Подобная типологическая близость прослеживается и между керамикой Сапалли и памятников типа Дашлы Северного Афганистана, времени Гиссара IIIc, Шахтепа IIa в Северо-восточном Иране и периода Мундигак IV в Южном Афганистане (рис. 51).

2. Из числа металлических предметов Сапаллитепе наиболее характерны перегородчатые розетковидные печати и печати в виде звездочки, круглое зеркало и зеркало с ручкой, несомкнутые браслеты, а также колечки с круглым сечением, булавки с розетковидной лопаткообразной головкой и булавки с конической шляпкой. Все эти предметы широко распространены в комплексах поселений Ачинского оазиса, памятников времени позднего Намазга V и раннего

Намазга VI, Гиссар IIIc и Шахтепа IIa, Раннегудхарского могильника и Мундигака IV.

3. Характернейшая черта южнотуркменистанских памятников времени Намазга V и Намазга VI, поселений эпохи бронзы Северного Афганистана (Дашлы I, 3), Северо-Восточного Ирана (Гиссар IIIc), Южного Афганистана (Мундигак IV)—появление и широкое распространение в качестве орнаментального мотива кружочков-фестончиков на каменных и терракотовых бусах биконической формы, а также на печатях. Этот выразительный и существенный элемент характерен и для комплекса поселения Сапаллитепе.

4. В этот период широкое распространение получили во всех рассмотренных памятниках встречающиеся на Сапаллитепе кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с черешком, пришедшие на смену кремневым наконечникам листовидной формы (в отдельных случаях у них в основании выделяются короткие овальные черешки). Распространяются наконечники ромбической формы.

5. Для позднего этапа культуры Намазга V и времени Намазга VI, для слоев Гиссар IIIc, Шахтепа IIa, Мундигака IV характерны схематизированные глиняные фигурки людей и животных. Аналогичные единичные статуэтки имеются в комплексе Сапалли, что является весьма существенным не только для определения хронологических рамок жизни на поселении Сапаллитепе, но и в этнокультурном аспекте для исследования вопроса происхождения здесь новой культуры.

Своеобразный и оригинальный материал из поселения Сапаллитепе является богатым источником информации для всестороннего и глубокого изучения не только историко-культурного и социально-экономического аспектов, но и для палеоэкономического и палеоэтнографического изучения культуры, что представляется особенно важным для характеристики древнебактрийского варианта урбанизированных культур в зоне ши-

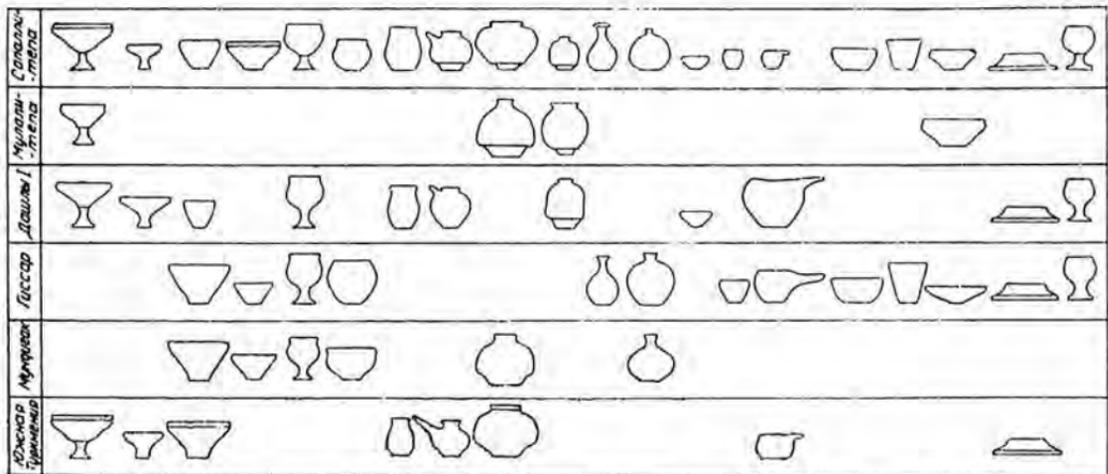


Рис. 51. Сводная типологическая таблица глиняных сосудов с памятников племен оседлых земледельцев.

эволюций второго порядка Древнего Востока.

В историко-культурном плане материалы Сапаллитепа, в отличие от соседних оседлых земледельцев Туркмено-хорасанского региона, характеризуются: 1) четкостью архитектурного и фортификационного решения планировки поселения с учетом возведения вокруг него трехрядной оборонительной стены; 2) поквартальным расчленением жилищ внутри крепости с небольшими узкими улицами и переулками; 3) наличием во внутренней конструкции жилищ каминов с дымоходами, устроенными внутри стен помещений; 4) наличием в погребальном обряде подобно-катакомбных могил с богатым инвентарем; 5) почти полным отсутствием на поселении мелкой terra-cotta пластики, что свидетельствует о своеобразном пути этнокультурного развития сапаллитепинцев.

Население Сапалли, как показали археологические материалы, в эпоху развитой бронзы выработало свою весьма своеобразную культуру с ярко выраженными специфическими чертами, отличающими ее от культуры синхронных памятников. Ее нельзя рассматривать как вариант какой-либо уже известной культуры. По первому исследованному памятнику, каким является поселение Сапаллитепа, давшее столь обильный характерный материал, эту культуру следует назвать культурой Сапалли.

К кругу памятников культуры Сапалли можно отнести и поселения Давлатабадского и Акчинского оазисов (типа Дашлы в Северном Афганистане), и памятники северо-западных районов Сурхандарьинской области эпохи бронзы (Мулалигана).

Важно отметить, что население этих районов бронзового века не только имело тесные контакты с оседлыми племенами соседних областей, но и составило с ними единый этнокультурный пласт, скорее всего обусловленный родственными отношениями оставшихся эти культуры племен. Так, к западу от Бактрии проживали родственные племена анаусско-намазгинского круга, отличного этнокультурного облика. Весьма своеобразна

в рамках общего этнокультурного пласта и культура Иранского Сейстана (Шахри Сохта). Эта новая культура, как показывает анализ всего комплекса археологических материалов из поселения Сапалли, имеет единые глубинные истоки с культурами племен подгорной полосы Южного Туркменистана, Иранского Хорасана и Южного Афганистана.

Как уже отмечалось выше, на территории подгорной полосы Южного Туркменистана исследована целая группа памятников, давших яркий разнообразный материал и указывающих на единые истоки населения Сапалли и племен Южного Туркменистана. Это крупные столичные памятники—Алтын-дөпе, Намазга-дөпе, Улуг-дөпе, небольшое поселение Мургабского оазиса—Аучин-дөпе и другие.

В разделе хронологии, подробно рассмотрев параллели, обнаруживаемые в материалах этих памятников и поселения Сапалли, мы пришли к выводу о том, что культура Сапалли по всем имеющимся данным синхронизируется с культурой позднего Намазга V и раннего Намазга VI. При этом следует отметить, что материальная культура памятников, синхронных комплексу Сапалли слоев, продолжала традиции предшествующих периодов. Так, глубокие чаши конической формы, характерные для Сапалли, известны в памятниках Южного Туркменистана эпохи энеолита<sup>179</sup>. Они встречаются и среди керамики времени Намазга IV<sup>180</sup>. Эта форма чаш продолжает существовать и в керамике периода Намазга V, причем конические чаши становятся более стройными, а по краю венчика сосудов выделяется желобок<sup>181</sup>.

Среди керамики времени Намазга IV появляются вазообразные кубки на нож-

<sup>179</sup> Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., Изд-во «Наука», 1966, рис. 22, 2—4, 2; рис. 23, 10.

<sup>180</sup> В. М. Массон, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Кудфина, ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, табл. XXXI, 11.

<sup>181</sup> В. М. Массон, Указ. соч., рис. 10 (сверху второй), рис. 11 (снизу второй и третий, табл. XXXVII, 2). И. Массонов, Изучение керамических печей, рис. 4, 17.

ках<sup>182</sup> — прототипы кубков культуры Сапалли. Наиболее интересную серию сосудов времени Намазга V составляют чайники без выделенного венчика<sup>183</sup> и горшкообразные чаши со сливом<sup>184</sup>, в изобилии встречающиеся в комплексе Сапалли. В керамике времени Намазга V выделяется группа кувшинов вытянутой формы с широким горлом<sup>185</sup>, характерная и для керамики Сапалли. Наиболее широкое распространение эта форма сосудов получает в комплексе позднего Намазга V и всего периода Намазга VI.

Таким образом, целая серия форм глиняных сосудов Сапалли находит параллели в керамике предшествующих слоев памятников Южного Туркменистана, что указывает на глубокие единые истоки культуры племен Древней Бактрии и подгорной долины Копетдага.

В Северо-Восточном Иране также известны несколько памятников, дающих культуру, синхронную Сапаллитепа и генетически связанную с более ранней местной культурой. Это прежде всего тела Гиссар — важный многослойный памятник древнеземледельческой культуры Туркмено-хорасанского древнего мира. Здесь в слоях Гиссар I и II<sup>186</sup> часто встречаются узкогорлые кувшины с шаровидным туловом, бокалы на ножках, вытянутые горшкообразные кувшины, чаши со сливом, булавы с конической головкой, несомкнутые браслеты, печати с кружочками, с елочкой и геометрическим орнаментом. Все это — прототипы аналогичных сосудов, металлических изделий и печатей времени Гиссар III и культуры Сапалли.

Слон Гиссар IIIа и хронологически предшествующие культуре Сапалли слон дают в этом отношении еще более выра-

зительный материал. В слое Гиссар IIIа встречаются бокалы на ножках, грушевидные кувшины с узким высоким горлом, чаши со сливом, миски, глубокие конические чаши, горшки с открытым горлом — т. е. типичные формы для времени Гиссар IIIс<sup>187</sup> и Сапалли.

Проводившиеся в последние годы раскопки другого важного центра этой области — Тюринтепа, также дали материал времени Гиссар III, обнаруживающий целый ряд параллелей с культурой Сапаллитепа.

Подобное соответствие прослеживается и в материалах Шахтепа. Если основываться на стратиграфии Шахтепа, данной Т. Арне<sup>188</sup>, культура Сапалли в основном можно синхронизировать с периодом Шахтепа IIа<sup>1</sup>. Периоды Шахтепа III, IIв и IIа<sup>2</sup> хронологически более ранние слои, чем Шахтепа IIа<sup>1</sup>. В них имеется большое количество различных материалов, генетически связанных с последующими этапами. Например, в слое Шахтепа III найдены кувшины с шаровидным туловом и округлым дном, полушарические чаши, которые продолжали существовать с некоторыми видоизменениями и на последующих этапах Шахтепа. Во всех его слоях встречаются чайники с носиком и чаши со сливом.

Таким образом, материальная культура Северо-Восточного Ирана эпохи бронзы, дающая большое число аналогий с культурой Сапалли, имеет четкий местный генезис на основе североиранских неолитических комплексов.

Весьма интересная линия генетических соответствий отмечается и в областях, расположенных к югу от районов распространения культуры типа Сапалли. Так, при знакомстве с керамическим и другим материалом Мундигака можно проследить множество форм керамики, идентичных материалам Сапалли, датирующихся не только временем Мун-

<sup>182</sup> Средняя Азия в эпоху..., рис. 36, 8—10.

<sup>183</sup> В. М. Массон. Расписная керамика... рис. 10 (снизу первый), табл. XXXVII, 9.

<sup>184</sup> Там же, рис. 10 (сверху первый).

<sup>185</sup> Там же, рис. 11 (сверху второй), табл. XXXVII, 1, б, 8, 17.

<sup>186</sup> E. F. Schmidt, Tepe Hissar... pl. XC VII, H 1381; pl. LXXXV, H 1330, H 817; pl. LXXXVI, H 1127; pl. C, H 3, H 2; pl. CII, H 1384; pl. XC, H 1104, H 1346, H 1120; pl. XCI, H 1230, H 987, H 1227.

<sup>187</sup> E. F. Schmidt, Excavations at Tepe Hissar... pl. XXXVI, H 4136, H 3215, H 2164, H 2141, H 4275; pl. XXXVIII, H 5149, H 4026, H 3958, H 4104, H 4975.

<sup>188</sup> T. Arne, Excavations at Shah Tepe... pl. XXI—XLII.

дигака IV, но и предшествующими периодами<sup>189</sup>.

Почти на всех этапах развития Мундигака ведущими формами керамики являются конические чаши различных размеров, плоскодошные горшки с открытым венчиком, кувшины с шаровидным туловом, вытянутым, узким и расширяющимся к венчику горлом, т. е. типичные для Сапалли формы сосудов.

При сопоставлении всего археологического материала Мундигака с комплексом культуры Сапалли выявляются общие черты в культурном развитии обоих памятников. Правда, коллекция керамики Мундигака, в отличие от керамики Сапалли, имеет, как правило, богатую расписную орнаментацию, которая продолжает существовать и в периоды Мундигака IV, V, VI, VII. Тем не менее в форме сосудов Мундигака обнаруживается поразительное сходство с керамикой Сапалли, причем отдельные группы сосудов, например, горшки Мундигака, подобно горшкам Сапалли, лишены украшений. Они появляются в слое Мундигака III<sup>190</sup> и широко распространяются в период Мундигака IV. Горшкovidные кубки на устойчивых ножках из Мундигака<sup>191</sup> типичны для керамики Сапалли. Кубки со сферическим туловом, плавко суживающимся к венчику сосуда, — характерная форма керамики

Сапалли — являются одной из ведущих форм керамики Мундигака. Форма кувшина со скошенной придонной частью, типичная для керамики Сапалли, находит свои истоки только в Мундигаке, причем кувшины с подкошненным дном встречаются даже в слое Мундигака I<sup>192</sup>. В эпоху Мундигака I появляются и конические чаши различного размера — одна из ведущих форм керамики. Эта форма продолжает существовать и в керамике Мундигака II, III<sup>193</sup> и на последующих этапах.

Еще более наглядное сходство прослеживается в металлических, кремневых и терракотовых изделиях этих памятников (миниатюрные лопаточки, шпильки с двумя утолщенными концами, налобные подвески, изображение елочка на печатях, бикоинические бусы-праслица с орнаментацией в виде кружочков-фестонок). Приведенные примеры свидетельствуют о близости материалов Сапалли и культурной традиции, представленной материалами Мундигака. Сопоставляя эти факты, можно допустить предположение о возможности генетических связей населения Сапалли и Мундигака IV. На наш взгляд, выявленное сходство материалов Сапалли и Мундигака не могло быть лишь результатом культурных связей и влияний. Если верны наши предварительные наметки, то процесс формирования и дальнейшего развития культуры Сапалли можно представить в следующем виде: в первой половине II тысячелетия до н. э. в оседло-земледельческих обществах в зоне между Месопотамией и Индией происходят существенные изменения, вызванные интенсивным развитием земледелия и ростом производительности труда в рамках первобытнообщинного строя. Эти изменения находили свое отражение и в изменении социальной структуры общества. Разумеется, рост производительности труда у племен оседлых земледельцев связан с развитием производительных сил, что приводит, безусловно, к расши-

<sup>189</sup> Результаты раскопок на Мундигаке, произведенных Ж. М. Казаль, дали интересный материал, стратиграфически расчлененный на семь периодов. Однако абсолютная дата многих из них слишком удручена и не соответствует действительности. Например, период Мундигака IV при синхронизации с третьим слоем тепа Глессар датируется второй и третьей четвертью III тысячелетия до н. э.

(J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. 1, p. 27, 69—79, 110—119).

Мы склонны считать более правильным для периода Мундигака IV дату, предложенную В. М. Массоном, — последняя четверть III и начало II тысячелетия до н. э. (В. М. Массон. Поселение бронзового века в Южном Афганистане, СА, 1957, № 2; Он же. Средняя Азия и Древний Восток..., стр. 280).

<sup>190</sup> J. M. Casal. Указ. соч., fig. 56, 88, 88a, fig. 54, 64.

<sup>191</sup> Кубки на высоких ножках на Мундигаке получают широкое распространение лишь с периода Мундигака IV.

<sup>192</sup> J. M. Casal. Указ. соч., fig. 50, 14.

<sup>193</sup> J. M. Casal. Указ. соч., fig. 50, 17; fig. 54, 66; fig. 55, 79.

рению площадей, пригодных для земледелия. Однако в условиях скопления населения вокруг крупных центров становится невозможным расширять площади и, следовательно, обеспечивать продуктами питания растущие потребности жителей таких крупных поселений, как Намазга-депе, Алтын-депе, Кара-депе, Улуг-депе и др.

Культура Намазга V, как показал в своих трудах В. М. Массон<sup>194</sup>, — время расцвета эпохи бронзы, последние этапы разложения первобытнообщинного строя на юго-западе Средней Азии, когда аристократия все более обособляется от массы рядовых общинников. Это период каких-то кризисных явлений в истории ранее богатых земледельческих районов на юго-западе Средней Азии, где до этого времени на протяжении многих тысячелетий процветали крупные древнеземледельческие центры, занимавшие территорию в несколько десятков гектаров<sup>195</sup>.

Действительно, начиная с эпохи культуры Намазга V, древние крупные поселения приходят в упадок, происходит сокращение их обжитой части, идет процесс расширения территории, освоения новых районов, занимаемых земледельческими племенами<sup>196</sup>. Вместо крупных центров земледельческих оазисов, больших поселений столичного типа, появляются новые оазисы с поселениями небольшого размера площадью в один-два гектара, часто с обводными стенами и башнями по углам и по периметру. Такими поселениями являются памятники в низовьях Шерабаддарьи Южного Узбекистана, Акчичекского и Давлатабадского оазисов

Северного Афганистана и Мургабского оазиса на юге Туркменистана.

Если учесть тот факт, что на территории Древней Бактрии памятники более ранних периодов с производящим хозяйством, основанным на орошаемом земледелии, пока неизвестны, а весь облик археологических материалов во всех его проявлениях — оседлоземледельческий, что свидетельствует о пришлом характере культуры для данного района, то, видимо, истоки культуры Сапалли нужно искать в зоне более древних культур с производящим земледельческим хозяйством. Такой историко-культурной областью с памятниками развитого земледелия и со сходным материалом является подгорная полоса Южного Туркменистана, северо-восточные районы Ирана и южные районы Афганистана. Рассматривая хронологию публикуемого памятника, мы убедились в том, что именно эти районы дают сходные материалы для решения вопроса о генетических связях и культурной принадлежности обитателей Сапалли. Видимо, где-то во второй четверти II тыс. до н. э., судя по данным анализа археологических материалов, намечается процесс освоения ряда районов Древней Бактрии племенами, пришедшими несколькими группами со стороны Иранского Хорасана или с южных районов Афганистана. Эти племена как «первые земледельцы» территории Древней Бактрии поселились на берегах горных саев и дельтовых притоках небольших рек. В результате здесь сложились новые древнеземледельческие центры, такие как Давлатабадский, Акчичекский (Северный Афганистан), Шерабадский и Шурчинский (Южный Узбекистан) оазисы. Освоение названных оазисов происходило в разные отрезки времени в пределах эпохи бронзы. Намечаются отдельные этапы сложения древних поселений.

Мы считаем, что одним из первых земледельцев в районах Древней Бактрии в эпоху бронзы были обитатели Сапаллитапа. Следы дальнейшего развития культуры Сапалли обнаруживаются в районе Миршоды Шурчинского оазиса (Мулали). Аналогичная картина наблю-

<sup>194</sup> В. М. Массон, *Средняя Азия и Древний Восток*. М.—Л., Изд-во «Наука», 1964, стр. 182—183.

<sup>195</sup> Там же, стр. 183; Он же, *Раскопки на Алтын-депе*. Археологические открытия 1969 года, М., 1970, стр. 417—419; В. И. Саркисянц, *Раскопки на Халуз-депе и Алтын-депе*, Археологические открытия 1966 года, М., 1967, стр. 322—325.

<sup>196</sup> Имеются сведения о том, что будто бы на правом берегу Амударьи в районе г. Керки известны керамика типа Намазга IV (Е. Е. Кузьмина, *К вопросу...*, стр. 134).

дается и в районах Северного Афганистана<sup>197</sup>.

Таким образом, перед нами как бы два этапа развития культуры Сапалли: первый можно назвать сапаллинским, второй — мулалинским. Племена сапаллинского этапа, поселившись в новых плодородных районах, первым делом заботились об укреплении поселка. Они соорудили вокруг поселения мощные оборонительные стены оборонительного характера, предназначенные защищать жителей от внешней опасности. Чрезвычайно важно отметить, что при изучении поселения Сапаллитипа нам удалось выявить данные, указывающие на наличие здесь изменений в социальной структуре, получившей дальнейшее развитие на последующем этапе культуры Сапалли. Новые места в районах Северной и Южной Бактрии с большим запасом площадей, пригодных для орошаемого земледелия, способствовали интенсивному развитию оседлоземледельческого хозяйства и росту производительности труда. В результате в общине племен культуры Сапалли наблюдаются некоторые социальные перемены, родовая аристократия все больше обособляется от массы рядовых общинников. Это закономерное развитие общества находит четкое отражение в планировке поселений Акчинского оазиса. Так, раскопки на поселении Дашлы 3 привели к открытию оригинального по планировке монументального сооружения<sup>198</sup>. Оно находится почти в центре поселения, круглое в плане, диаметр здания 36 м. Наружная кольцевая стена толщиной 1 м имеет с внешней стороны 9 башенок со входами, ведущими внутрь здания. Отступая на 1,5—2 м от внешнего кольца, параллельно ей идет вторая стена, образующая обводной коридор. Почти в середине здания распо-

лагается центральное прямоугольное сооружение, состоящее из нескольких помещений, интерьеры которых оформлены трехступенчатыми пилоастрами. Здесь обнаружены двухчастные прямоугольные очаги, возведенные на кирпичных платформах.

В. И. Сариянди отмечает, что «в целом исследуемый архитектурный комплекс резко выделяется из известных сооружений, это было монументальное здание либо светского, либо культового назначения»<sup>199</sup>. Скорее всего, это монументальное сооружение имеет светское назначение, что свидетельствует о выделении и обособлении родовой аристократии от массы рядовых общинников в период Мулалинского этапа.

Таким образом, факты, полученные из различных источников информации при изучении памятников древнебактрийского варианта культур оседлых земледельцев, позволяют говорить о характере сложения для районов Бактрии культуры Сапалли.

Сложение культуры Сапалли в зоне распространения оседлых земледельцев второго порядка совпадало с историческими событиями, вызванными ростом населения и производящего хозяйства в общинах племен урбанистических культур Древнего Востока в середине II тыс. до н. э.

Следы дальнейшего развития культуры на местной основе прослеживаются в материалах памятников Северной Бактрии (поселения и могильника Мулалли в районе Миршода Шурчинского оазиса), условно названных нами по первому исследованному памятнику Мулалинского этапа культуры Сапалли, который хронологически соответствует третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Вопрос о дальнейшей судьбе носителей культуры Сапалли весьма сложен. Совокупность археологических материалов не позволяет говорить о генетической преемственности Сапалли и памятников последующих этапов эпохи брон-

<sup>197</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Сариянди. Советско-афганская археологическая экспедиция. Археологические открытия 1971 года, М., Изд-во «Наука», 1972, стр. 561.

<sup>198</sup> В. И. Сариянди. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане, КСИА АН СССР, 132, М., 1972, стр. 17—18.

<sup>199</sup> В. И. Сариянди. Указ. соч., стр. 17—18.

зы — так называемой «культуры эпохи варварской оккупации». В пределах территории Бактрии они известны на примере стационарных раскопок в Тиллятепа в Северном Афганистане<sup>200</sup>, на поселениях Кучуктепа и Миршоди на юге Узбекистана<sup>201</sup>.

Археологические материалы, полученные в ходе раскопок Тиллятепа, дали возможность наметить три этапа жизни на поселении: Тилля 1 — датируется периодом поздней бронзы, Тилля 2 — хронологически синхронизируется с периодом Яз 1, который соответствует архаическому периоду, а Тилля 3 относится полностью к «ахеменидскому» времени.

Поселения со сходным археологическим материалом исследованы к западу от Тиллятепа в Наибабадском оазисе. Найденная здесь керамика, соответствует комплексу позднего Тилля 2 и отчасти Тилля 3. Новые пункты со сходными материалами известны в Ташкурганском оазисе<sup>202</sup>.

Согласно данным стратиграфии, мощность культурного слоя в Тиллятепа достигает 10 м, в Кучуктепа он не более 1 м, а на поселении Миршоди культурный слой (вероятно, довольно тонкий) сейчас полностью разрушен.

Археологический материал всех этих памятников идентичен. Он характеризует культуру оседлых земледельцев единого этнокультурного пласта родственных племен эпохи поздней бронзы, отличную от культуры Сапалли.

Основываясь на фактах, полученных при раскопках на холмах Анау, Е. Шмидт указал на резкое ухудшение керамики, обнаруженной в слоях Анау IV. Он выдвинул гипотезу о том, что в связи с вторжением из среднеазиатских степей варварских кочевых племен местная ли-

ния развития гончарной посуды как бы прерывается. Этого предположения придерживались многие исследователи среднеазиатской археологии<sup>203</sup>, усмотревшие в глубоком регрессе решительное наступление северных скотоводческих племен на оседлых земледельцев, заселявших цветущие оазисы юга Средней Азии. В. М. Массон, как бы присоединяясь к этой точке зрения, на основе материалов поселений Мургабского оазиса типа Яз 1, вместе с тем пишет, что по основным своим культурным и хозяйственным достижениям время Яз 1 является дальнейшим развитием самобытной местной культуры<sup>204</sup>.

По мнению Е. Е. Кузьминой, генезис формирования культуры «эпохи варварской оккупации» следует искать либо в северных районах Средней Азии, либо в более южных областях Афганистана<sup>205</sup>.

В свете новых материалов, обнаруженных на поселении Тиллятепа, В. И. Сариниди выдвигает вполне убедительную гипотезу о североафганском происхождении комплексов типа культуры «эпохи варварской оккупации»<sup>206</sup> и их последующем распространении в районах Южного Туркменистана, северных и южных областях Узбекистана (Чустская культура, культуры Кучуктепа и Миршоди).

Мы присоединяемся к мнению В. И. Сариниди, что термин «эпоха варварской оккупации» для культур типа Яз 1, Чуст, Кучуктепа, Тиллятепа и других, бытующий до сих пор в археологической литературе, неприемлем. На наш взгляд, давно пора отказаться от такого вульгарного определения, примененного к целой археологической эпохе, так как

<sup>200</sup> В. И. Сариниди. Раскопки Тиллятепа в Северном Афганистане. материалы к археологической карте Северного Афганистана, вып. 1, М., Изд-во «Наука», 1972.

<sup>201</sup> Л. И. Альбум. Поселение Кучуктепа..., стр. 59—60; Г. А. Пугаченкова. Новый памятник древнебактрийской культуры, Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1, Л., Изд-во «Наука», 1972, стр. 47—48.

<sup>202</sup> В. И. Сариниди. Раскопки Тиллятепа..., стр. 25.

<sup>203</sup> А. А. Марушенко. Елькен-депе, ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 70—72; С. П. Толстов, М. А. Иттиа. Проблема Суурганской культуры, СА, № 1, 1960, стр. 31—35; А. Ф. Ганялин. Текментепе (раскопки 1952—1953 гг.), т. 2, ТИИАЭ АН ТуркмССР, Ашхабад, 1956, стр. 86.

<sup>204</sup> Средняя Азия эпохи камня и бронзы, М.—Л., 1966, стр. 189.

<sup>205</sup> Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании..., стр. 137—138.

<sup>206</sup> В. И. Сариниди. Раскопки Тиллятепа..., стр. 29—36.

памятники этого времени имеют свои названия: в Мургабском оазисе—культура Яз I, в Ферганской долине—Чустская.

В. И. Сариянди, учитывая ареал распространения и сходство материальных культур всех исследуемых комплексов, предлагает назвать их Восточнохорасанской культурой с отдельными локальными вариантами.

Следует отметить, что в формировании Восточнохорасанской культуры, несомненно, сыграло большую роль влияние степных племен северных районов Средней Азии. Однако это не значит, что носители Восточнохорасанской культуры для районов ее распространения являются пришлыми с северной части Средней Азии. В основе ее формирования лежат местные компоненты древней культуры оседлых земледельцев, передавших свои культурно-хозяйственные достижения носителям Восточнохорасанской культуры.

Таким образом, можно допустить, что носители культуры Сапалли на Мулалинском этапе своего развития, подобно племенам культуры Намазга VI, подверглись нападению со стороны северных степных племен Средней Азии. На базе местных культурно-хозяйственных достижений у них вырабатывается новая линия развития, присущая носителям Восточнохорасанской культуры, отличной своим этнографическим обликом от культуры предшествующего этапа развития оседлоземледельческих племен Древней Бактрии и подгорной полосы Копетдага.

Памятники, синхронные Восточнохорасанской культуре, но с иным историко-культурным развитием хозяйства исследованы в Бишкентской долине Бактрии. Степной характер этнокультурного развития племен, оставивших эти памятники, несомненен.

А. М. Мандельштам рассматривает носителей Бишкентской культуры как племена, пришлые из северных районов Средней Азии<sup>207</sup>. Он имеет в виду Заманбабу и Андроновскую культуру, в археологических материалах которых обна-

руживаются близкие аналогии комплексу Раниетульхарского могильника.

А. М. Мандельштам к числу объектов, обнаруживающих андроновские связи, относит ножи с широким клинком листовидной формы и узким клинком подтреугольных очертаний, а к числу объектов, связанных с Заманбабой, горшки с шаровидным туловом, цилиндрические сосуды и миски, металлические лопаточки и другие предметы. В обряде захоронения Бишкента распространены катакомбы.

Нам кажется, что перечисленные аналогии Бишкентской культуры, указывающие на участие в ее формировании двух групп северных степных племен Средней Азии, не могут быть основными компонентами на данном этапе изучения памятников эпохи бронзы на территории Бактрии, особенно в связи с новыми открытиями в области культуры Сапалли. Здесь уместно привести высказывание А. М. Мандельштама о том, что «предметы разных типов и притом «ожужные» и «северные», нередко изготовлены из одного и того же сплава, что явно указывает на их местное происхождение»<sup>208</sup>.

Если учесть формы керамических изделий — горшковидные сосуды, призматические и вытянутые, сосуды с шаровидным туловом, конические миски, грушевидные сосуды, а также круглые, зеркала, зеркала с ручкой, лопаточки, колечки, листовидные ножи, кремневые наконечники с черешком и другие<sup>209</sup> — становится бесспорной близкая генетическая связь носителей Бишкентской культуры и культуры Сапалли. К фактам, указывающим на эту преемственность, относятся одинаковые обряды захоронений в катакомбах, имеющие место как на Сапалли, так и в Раниетульхарском могильнике. Конечно, здесь следует учитывать и отдельные специфические черты, характерные для каждой из этих культур.

Культура Сапалли имеет ярко выраженный оседло-земледельческий харак-

<sup>208</sup> А. М. Мандельштам. Указ. соч., стр. 136.

<sup>209</sup> А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. III; V—VIII; IX, 2, 3; X—XIV.

<sup>207</sup> А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы..., стр. 135—139.

тер хозяйства. Поселения, подобные Сапалли, с четкой планировкой крепости, хорошо продуманной оборонительной системой отсутствуют в культуре племен Бишкентской долины. Основное направление хозяйства и быта бишкентцев — скотоводческое, ему соответствует и способ изготовления керамики — ручная лепка. Гончарная посуда, известная в комплексе Бишкентской культуры, относится к привозному инвентарю из оседлоземледельческих районов Бактрии. Причем она находит наиболее близкие аналогии в керамике Мулалинского этапа культуры Сапалли<sup>210</sup>. Выявляемые отличия в хозяйстве этих племен (земледельческом и скотоводческом) обусловлены местными условиями, способствовавшими развитию той или иной отрасли хозяйства.

В настоящее время Бишкентская долина представляет собой полупустыню. Местность, в которой расположен Раннебухарский могильник, также совершенно непригодна для земледелия. Очевидно, такое же положение существовало здесь и в эпоху бронзы<sup>211</sup>. Специфические природные условия с полупустынным ландшафтом, характерным для развития преимущественно скотоводческого хозяйства, не стимулировали развития земледельческого хозяйства. Носители Бишкентской культуры, сохраняя многие элементы культурных традиций предшествующих периодов, выработали новую линию развития, отличную от синхронной оседлоземледельческой Восточ-

нохорасанской культуры. Важное значение для установления генетической преемственности между культурой Сапалли и носителями Бишкентской культуры имеют палеоантропологические материалы из погребений Сапалли и Раннебухарского могильника. Палеоантропологический материал последнего исследован Т. Н. Княткиной, а серия черепов из погребения Сапалли — Т. Ходжайовым и В. Я. Зезенковой. Основное заключение антропологов о принадлежности погребенных сапаллитяницев к долихокрайнему европеоидному типу полностью согласуется с антропологическими данными материалов Бишкентской культуры.

Таким образом, основываясь на приведенных фактах, можно говорить о том, что часть населения культуры Сапалли, продолжая жить в прежних обжитых районах, участвовала в формировании Восточнохорасанской культуры оседлых земледельцев. Другая же значительная группа продвигалась в восточном направлении и осела в горном районе Бишкентской долины, образуя местную основу в сложении Бишкентской культуры.

Одной из основных причин деградации культуры Сапалли на Мулалинском этапе развития, на наш взгляд, является вторжение северных степных племен в цветущие южные области оседлых земледельцев, которое, по всей вероятности, имело место где-то в конце третьей четверти II тысячелетия до н. э.

<sup>210</sup> Г. А. Пугаченкова. Новый памятник..., рис. 23, 4—5.

<sup>211</sup> А. М. Мандельштам. Указ. соч., стр. 132.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ археологического материала поселения Сапаллитела не дает исчерпывающего ответа на ряд вопросов, касающихся исторической реконструкции хозяйства, быта и социального порядка. Тем не менее уже сейчас можно сделать некоторые выводы, вытекающие из фактического материала и историко-археологических наблюдений, проведенных во время раскопок.

Обращает на себя внимание хозяйство обитателей поселка. Опираясь на имеющиеся данные о культуре Сапалли, можно утверждать, что ведущей отраслью хозяйства в этот период было оседлое земледелие, основанное на искусственном орошении. На это указывают в первую очередь остатки обуглившегося зерна культурных злаков—пшеницы, ячменя (рис. 52) и проса (рис. 53), обнаруженного в больших хумообразных сосудах и на полу отдельных помещений складского назначения, а также зерноотерки, ступки, пестики, мотыги и серпы, которые в комплексе поселения Сапалли встречались довольно часто. Кроме того, сама планировка поселения, остатки жилищ, облик всего археологического материала свидетельствуют о прочном оседлом образе жизни обитателей поселка, характерном для культуры древних земледельцев.

Другая важная отрасль хозяйства поселения Сапалли — скотоводство. В результате четырех сезонов полевых исследований на поселении Сапалли обнаружено более 5500 костных остатков, относящихся как к домашним, так и к

диким животным. Кости домашних животных найдены и в 20 могилах. Они находились на деревянных блюдах, в корзинах из соломы и рогаза, в больших конических тазаках из глины.

Таким образом, был получен богатый остеологический материал, изученный палеозоологом Б. Х. Батыровым. По его определению почти все исследованные фрагменты костей животных являются типично кухонными отбросами.

Определено семь видов домашних (118 особей) и одиннадцать видов диких (50 особей) животных. Кости домашних животных и по количеству и по числу особей преобладают над костями диких животных. Основные домашние животные на поселении— крупный рогатый скот (корова, вол, бык), мелкий рогатый скот (овца, коза), встречаются свиньи, верблюды, ослы, собаки. Преобладающее большинство из числа домашних животных составляет мелкий рогатый скот (55%). По остаткам метаподиальных костей преобладают овцы, у которых приспособительных черт к степным и полупустынным условиям жизни больше, чем у коз. Примечательно, что на поселении Сапаллитела в пищу употребляли преимущественно молодых животных, достигших 6—14-месячного возраста. По количественному соотношению особей домашних животных второе место занимает крупный рогатый скот (36,4%). Он, по всей вероятности, относился к довольно мелкой породе, о чем свидетельствуют морфометрические признаки исследованных костей. Значитель-

ное число составляют коровы (95%), меньшим количеством представлены во-лы (3%) и быки-производители (2%). Количественное соотношение домашних свиней и ослов одинаково (3,4%). Неко-торые измерения костей свиньи указы-

же оседлым племенам было выгоднее разводить крупный рогатый скот, так как он обеспечивал население молочными продуктами.

Анализ соотношения остеологического материала вполне подтверждает большой



Рис. 52. Зерна пшеницы.

вают на мелкую породу этих домашних животных. По количественному соотношению особей кости верблюдов и собак уступают всем отмеченным выше видам домашних животных.

Таким образом, видовой состав и количество соотношение костей домашних животных указывают на преобладание в скотоводческом хозяйстве жителей Сапалли мелкого рогатого скота. Однако, нам кажется, что соотношение видов скота в реальном стаде было несколько иным, так как мелкий рогатый скот более плодовит, чем крупный<sup>212</sup>. Фактически

удельный вес в реальном стаде крупного рогатого скота, в первую очередь коров, которые, обеспечивая повседневную потребность населения в молочных продуктах, занимали ведущее место в скотоводческом хозяйстве сапаллителинцев.

Изучение костного материала с поселения Сапалли позволило выявить 11 видов диких животных, таких как бухарский олень, кулан, джейран, кабан, тур (бык), волк, шакал, лисица, барсук, камышовый кот и большая песчанка. Этот материал свидетельствует о большом хозяйственно-промысловом значении охоты в жизни обитателей поселка. Среди названных животных первое место по числу особей занимает бухарский олень (24%), затем кулан (22%) и джейран (20%), затем кабан (14%) и

<sup>212</sup> М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, 26, М., 1957, стр. 23.

волк (8%). Остальные виды диких животных по числу особей составляют не более 2% каждый в отдельности. Охота на бухарского оленя имела особое значение. С одной стороны он давал высококачественное мясо, с другой — рога, которые шли на изготовление орудий труда самого различного назначения. Из

калов, лисиц, барсуков и камышового кота производилась, видимо, ради их шкуры. Следует отметить, что кости камышового кота на территории Узбекистана эпохи бронзы встретились впервые.

Обнаружены и костные остатки птиц (22 кости). Они принадлежали курице, гусю и хищной птице.



Рис. 53. Зерна пшеницы.

рогов бухарского оленя делались орудия труда, в частности, рукоятки для отдельных предметов украшения. Свидетельством тому служат многочисленные находки фрагментов рогов оленя со следами обработки и пиления. Рога джейранов, встреченные в 13 случаях на поселении Сапалли, не были использованы для хозяйственных нужд обитателей поселка, — на них не прослеживались следы обработки. Охота на волков, ша-

Видовой состав дикой фауны указывает на то, каким был физико-географический ландшафт окрестностей поселения Сапалли в эпоху бронзы. Поселение располагалось на территории древних надпойменных террас Амударьи, представляющих собой степные зоны предгорной полосы Кугитангтау, где обитали стада диких степных животных, таких как кулан, джейран, большая песчанка. К югу, в широких поймах Амударьи, на-

ходились тугайные заросли, где можно было охотиться на шакалов, камышовых котов и бухарского оленя. Вот почему среди видового состава диких животных встречаются как представители степных обитателей, так и тугайных зарослей.

Одним из основных охотничье-промысловых орудий сапалитинцев, по всей вероятности, были кремневые наконечники стрел, копыя из бронзы, ядра от пращи — их в коллекции археологического материала встречается довольно много. Необходимо отметить, что охота, при наличии устойчивого основного хозяйства, какими являлись земледелие и скотоводство, была лишь дополнительным источником существования.

Земледелие, игравшее весьма важную роль в хозяйстве носителей культуры Сапалли, было неотделимо от скотоводства. Скотоводство носило придомный характер. Земледелие и придомное скотоводство полностью удовлетворяли потребности населения в продуктах питания.

Основная пища населения растительная и молочная. Об этом свидетельствует ритуальная еда, находимая при каждом погребении. При рассмотрении вопроса кухни древних людей мы основывались прежде всего на остатках пищи в глиняных сосудах, обнаруживаемых в погребениях. Погребения культуры Сапалли в этом отношении дали прекрасный фактический материал, ранее неизвестный в археологии СССР по эпохе бронзы. В 10 из 46 вскрытых могилых найдены остатки высохшей густой пищи, следы какой-то жидкой еды или напитков. Так, в погребении 1 были обнаружены 16 глиняных сосудов, 4 плетеных и одно деревянное блюдо. Из них в 10 глиняных сосудах, одном деревянном и одном соломенном блюдах оказались остатки высохшей пищи. В трех глиняных сосудах сохранились следы жидкой пищи, в соломенной корзине и в тазике — кости животных.

Почти аналогичная картина наблюдалась в погребениях 6, 7, 8, 14, 18, 22, 23, 27, 35, где во многих сосудах также были остатки густой пищи. Даже визу-

альное изучение этих остатков позволяет составить довольно четкое представление о кухне обитателей поселения Сапалли. В их меню входили пшеничная и мучная каши, каша из проса, жидкая похлебка и мясной бульон. Особенно большое распространение получили пшеничная и мучная каши и мясной бульон. Не исключено широкое употребление молока для приготовления некоторых каш. Мы предполагаем, что напиток буза приготавливался из пшеницы и проса — об этом свидетельствуют остатки отрубей пшеницы и косточек джиды на дне кувшинов из погребения 1. Джиды способствовала ускорению брожения приготавливаемых напитков из пшеницы и проса. Это свойство джиды, видимо, было хорошо известно и «виноделам» эпохи бронзы.

Остатки одежды в археологических материалах культуры Сапалли весьма незначительны. Тем не менее и они позволяют составить некоторое представление о характере одежды обитателей поселения. Так, при раскопках погребений 1, 14, 35 и других были обнаружены фрагменты тканей одежды, которая, находясь на протяжении многих веков в могилах, приобрела темный цвет с красноватым оттенком. Образцы этих остатков исследованы в лаборатории Ташкентского текстильного института под руководством академика АН УзССР М. А. Хаджиновой. Получено следующее заключение: «При внешнем осмотре остатков пряжи, заработной в ткань, можно видеть, что ткань тонкая, эластичная, способна образовывать мелкие складки. Исследование нитей под микроскопом подтверждает выводы внешнего осмотра. Раскрутить нить и рассмотреть отдельные волокна не удалось.

При горении остатки ткани имеют запах жженого рога, характерного для белковых волокон. К натуральным белковым волокнам относятся шерсть и шелк. При кипячении ткани в 40%-ом растворе едкого щелочи в течение 5 минут происходит полное растворение. В растворе медно-аммиачного комплекса волокна растворяются без набухания, что характерно для натурального шелка.

Судя по внешнему виду, тонине нитей, характеру разрушения волокон, по запаху при горении, отношению к химическим реагентам можно сказать, что данная ткань выработана из натурального шелка полотняным переплетением».

Таким образом, рассмотренные находки образцов древней ткани из тонких нитей натурального шелка с полотняным переплетением указывают на наличие и развитие ткаческого ремесла кустарного характера. Об этом же свидетельствуют многочисленные каменные и глиняные пряслица, обнаруженные при раскопках поселения Сапалли. На этом основании можно предположить, что одежда сапаллитенинцев шилась из шелковых и шерстяных тканей. Основным орудием труда при пошиве одежды являлись бронзовые иголки, известные по материалам культуры Сапалли. Для застегивания нижнего белья изготавливались каменные пуговицы, а верхней одежды — бронзовые булавки с разнообразным оформлением головки.

Не меньший интерес представляет находка кожаной шапочки и ичиг в погребении 1. Шапочка лежала на одном из соломенных блюд. По всей вероятности, она имела остроконечную форму. Ичиги находились на ногах погребенного, от них сохранились лишь небольшие фрагменты.

Известно, что основную массу погребений, исследованных на Сапаллитепа, составляют катакомбные и подбойные захоронения, среди которых встречаются и отдельные ямные могилы. Однако последние относятся преимущественно к детским захоронениям, часто не имеющим погребального инвентаря. Из числа 46 могил два захоронения взрослых (погр. 14, 22), два — подростков (погр. 15, 43) и четыре — младенцев (погр. 10, 36, 37, 45) были произведены в бытовых хумах и кувшинах. Причем ни устройство могил, ни погребальный инвентарь не позволяют выделить умерших в особую категорию обитателей поселения. Скорее всего, захоронение в глиняных сосудах указывает на особые случаи смерти, когда нельзя было сразу же похоронить умершего вдали от по-

селка, а нужно было его тело оттуда транспортировать к месту жительства. В этом случае кувшины и хумы являлись наиболее доступным средством для безопасной транспортировки тела покойника. Важно отметить, что скелеты обоеих взрослых и подростка принадлежат мужскому полу, что также подтверждает наши предположения.

В могилах наблюдается строгая система размещения вещей и покойников. В восточной и юго-восточной части погребальной камеры обычно находится сопровождающий покойника инвентарь, а западная, чаще всего северо-западная половина ямы предназначалась для умершего. Иногда у головы покойного были отдельные предметы-приношения, но это в редком случае, когда в яму не вмещались сосуды и другие погребальные вещи.

Однако при вскрытии захоронения 40 мы не обнаружили скелета погребенного в западной половине ямы. Всю восточную ее половину занимали пять глиняных сосудов, между которыми находились три миниатюрные лепные чашечки и схематизированная глиняная статуэтка (рис. 49). Это случай явно кенотафного захоронения, когда сородичам умершего не удалось найти тело покойного, и они похоронили его дух по всем правилам с принесением пищи в сосудах. Скорее всего глиняная фигурка в данном случае заменила утраченное тело покойника.

М. П. Грязнов предполагает, что в западной пустой части ямы находилась вместо погребенного кукла из мягкого материала, примерно в натуральную величину умершего, которая по представлениям обитателей поселка заменяла отсутствующего мертвеца. Это предположение, как нам кажется, вполне допустимо, так как аналогичные кенотафные захоронения с куклой известны по памятникам Таштыкской культуры Мину-синской котловины.

К числу кенотафных захоронений культуры Сапалли можно отнести и погребение животного. Этот обряд захоронения на поселении Сапалли известен в двух случаях. В первом (погр. 7) ске-

лет животного лежал в северо-западном углу ямы, головой на север, на правом боку, в скорченном положении, что являлось характерным обрядом для захоронения человека. Погребенному была оставлена пища в 11 различных сосудах, которые заполнили всю оставшуюся часть могилы. Во втором (погр. 44), хотя скелет животного и находился в центре северной половины ямы, его окружало большое количество сосудов (18 шт.), в которых, несомненно, была различная пища — приношение покойному. Северо-восточная часть ямы пустовала, что было нехарактерно для обряда захоронений Сапалли. Однако если предположить, что в этой части ямы находились сосуды из мягкого материала (соломы, рогоза и дерева), становится понятным, почему они до нас не дошли.

Два подобных погребения обнаружены и на поселении Дашлы 1. Причем в одном случае перед черепом барана обнаружено несколько ребер другого барана<sup>213</sup>, что подтверждает принадлежность этих могил к погребениям типа кенотаф, где отсутствующих мертвецов заменяют ягнята.

Основным источником информации для раскрытия социального строя Сапаллитада прежде всего является уровень развития культуры и те новые элементы, которые прослеживаются в обряде захоронения. Комплексное изучение последних дает некоторые сведения для изучения социальных изменений в жизни обитателей поселка. Характерной чертой в области производственной деятельности носителей культуры Сапалли является высокий уровень развития оседлоземледельческого хозяйства, основанного на искусственном орошении и скотоводстве, расцвет гончарного ремесла и металлургии, приведших, в свою очередь, к некоторым изменениям социального порядка.

Изменения, происходившие в глубокой древности в общественном развитии носителей культуры Сапалли, можно проследить при изучении обряда захоро-

нений и анализе погребального инвентаря сапаллитенинских могил, давших интересную информацию о социальной структуре поселка.

Из числа исследованных 46 могил в 31 погребении обнаружены различные сопровождающие покойника вещи. В основном это глиняные сосуды и металлические предметы, встречаются сосуды из дерева, соломы, рогоза и кожи, а также предметы украшения и быта.

Анализ разнообразных форм глиняных сосудов не позволяет судить о социальном положении тех или иных погребенных. Тем не менее можно составить некоторое представление о социальном строе поселения на основе изучения всего комплекса погребального инвентаря в тесной взаимосвязи с исследованием планировки жилых кварталов.

Изучение состава погребального инвентаря позволяет все предметы, происходящие из могил, разделить на две группы: а) предметы личной собственности погребенных; б) предметы приношения покойнику их сородичами. Последнее, в свою очередь, делится на приношения в виде предметов и приношения в виде пищи в сосудах.

В данном случае оба вида приношений являются одним из основных источников информации для суждения о социальном положении погребенных.

Обычно погребения содержат от 3 до 26 сосудов различной формы и величины, в которых сородичи умершего во время похорон преподносили ему густую или жидкую пищу. Согласно данным исследованных могил, количество сосудов в них зависело от возрастного состава погребенных. Если умерший был младенцем, то в захоронении почти отсутствует погребальный инвентарь. В могилах подростков количество сосудов колеблется от 3 до 5, в могилах взрослых — от 9 до 26. Исключение составляют четыре погребения (20, 29, 38 и 42), где количество сосудов приблизительно такое же, как в могилах подростков. Не исключена возможность, что эти захоронения принадлежали чужеродцам, наложницам и наложницам, гражданской панихиде которых не придавалось особо-

<sup>213</sup> И. Т. Кругликова, В. И. Саринаниди: Древняя Бактрия в свете..., стр. 158.

го значения. Согласно подсчету погребального инвентаря, в десяти взрослых погребениях (1, 2, 6, 8, 14, 18, 23, 39, 41, 44) число сопровождающих покойника предметов достигает 30 и более экземпляров. Из них в шести могилах похоронены женщины и в двух—мужчины. В одном случае (погр. 8) могила оказалась коллективной (мужчина и женщина), а в другом—захоронение животного (44). Из десяти богатых погребений в пяти найдено большое количество бронзовых предметов (погр. 1, 6, 14, 18 и 41). При этом часть бронзовых изделий являлась личной собственностью погребенных, а другая часть относилась к предметам приношения. Так, в погр. 1—шпилька (табл. 26, 35), в погр. 6—графинчик, шило и два браслета (табл. 25, 1, 9, 10; табл. 26, 34), в погр. 14—булавка, графинчик (табл. 25, 4; табл. 26, 25), в погр. 18—графинчик и шпилька (табл. 25, 3; табл. 26, 27), в погр. 41—графинчик, два шила, шпилька (табл. 25, 2; табл. 26, 12, 15, 28) являются предметами приношения покойникам сотороны их сородичей. В отличие от собственных бронзовых вещей погребенных, они обычно находились на специальных блюдах и в сосудах, сделанных из соломы, дерева и глины. Это один из наиболее ярких признаков, раскрывающих социальное положение умершего.

При анализе керамики Сапалли на 30 сосудах были обнаружены различные знаки, представленные восьмью видами (табл. 31). Следует отметить, что среди разнообразных форм керамики только две имеют знаки—это кувшины и чайники. Причем знаки обычно довольно небрежно наносились, видимо, тупым керамическим ножом на плечки сосудов. Каждый из 30 сосудов имеет по одному знаку. Исключение составляет лишь кувшин, найденный в погребении 44. На плечико этого сосуда нанесен знак в виде креста, затем он зачеркнут и рядом сделан другой в виде полуовала. В двух случаях обнаружены знаки и на керамических кольцевых подставках. Со знаками оказалось 24 сосуда из 42 погребений (1, 2, 3, 7, 8, 14, 18, 21, 39, 41, 44, 45). Большая часть сосудов со знака-

ми происходит из богатых погребений, причем в каждой могиле находились сосуды с разными видами знаков. Так, в погребении 1 три кувшина имеют знаки (табл. 31, I, 1—3), в погребении 2 также помечены знаками три кувшина (табл. 31, II, 5; IV, 16; VII, 25), в погребении 14 оказались со знаками два кувшина (табл. 31, IV, 18; VII, 27) и т. д.

При рассмотрении вопроса общественного строя населения Сапалли, известный интерес представляют данные о социальной структуре общества Авеста и о планировке авестийской Вары. При этом следует отметить, что исследование всей проблемы Авесты как в общих чертах, так и в деталях не входит в рамки данной монографии. Поэтому, привлекая отдельные материалы, мы основывались лишь на общеизвестных фактах, содержащихся в «Истории Узбекской ССР» (изд. 1955 г.), «Истории таджикского народа» (изд. 1963 г.) и «Истории Индии» И. М. Дьяконова (1956 г.).

Естественно, что между периодами оформления текстов Авесты и культуры Сапалли имеется большое несоответствие хронологического порядка. Тем не менее некоторые элементы планировки поселения Сапалли в общих чертах находят известные параллели с укрепленным поселением Вары, упоминаемом в терминологии Авесты и в текстах Вендидад, переработанное содержание которого получило текстовое оформление лишь на рубеже н. э. Однако содержание текста о сооружении Вары, видимо, восходит к глубокой древности—к самому раннему этапу сложения городов в Средней Азии и в Северо-Восточном Хорасане. Безусловно, это не означает, что поселение Сапалли является авестийской Варой, построенной эпическим героем Инмой. Надо сказать, мы и не ставили перед собой задачу найти авестийскую Вару на поселение Сапалли.

Социальная структура общества Авесты во многом отлична от социальной структуры поселения Сапалли. Так, Авеста содержит прямые указания на социальное разделение общинников, причем богатство определялось здесь количеством скота. Исследование Сапалли не

дает подобных материалов, указывающих на столь резкое разделение жилищ поселения на бедных и богатых.

Тем не менее между Варой и Сапалли намечаются некоторые параллели в планировке фортификаций и внутреннего устройства крепости.

Согласно социальной структуре древнего общества по Авесте, экономическую ячейку общества представлял *vis* — род, состоящий из отдельных патриархальных семей — *пшапа*. Авестийский термин *пшапа* одновременно означает понятие «дом». Глава патриархальной семьи назывался *пшапарати*, *vis* — это не только род, но и поселение. Соответственно, глава рода и поселения назывался *vis-pati*.

Если следовать терминологии Авесты, укрепленное поселение Сапалли можно условно сопоставить с термином *vis*, а его кварталы — с термином *пшапа*. Согласно планировке, выявленной при раскопках поселения Сапалли, *vis* состоит из нескольких больших общинных домов. Эти общинные дома, в свою очередь, состоят из многокомнатных жилищ, сложенных из массивных сырцовых кирпичей. Жилые комнаты благоустроены камнями, сулами, последние иногда выстланы кирпичом. Рядом с жилыми комнатами часто располагались хозяйственные помещения складского назначения.

В соответствующих разделах данной работы говорилось о планировке поселения, об его обводных стенах, улицах, кварталах и внутренней конструкции жилищ. Избегая повторений, считаем необходимым лишь упомянуть о некоторых деталях планировки жилищ квартала III, который дает общее представление о жилом комплексе всего поселения.

Квартал III представляет собой северо-западный участок крепости. Он состоит из нескольких многокомнатных домов, включавших керамические и другие производственные мастерские. На первом строительном этапе в юго-западной части квартала находился большой двор. В его юго-западном углу расположена небольшая комната с входом, обращенным во двор. Двор, расположен-

ный на юго-западном участке квартала, по всей вероятности, служил коровником. Вскоре площадь двора застраивается, здесь производятся некоторые внутриквартальные перестройки. Часть двора отгораживается стеной (второй строительный горизонт), где оформляется човая комната (11) с керамической печью. Комната (52), расположенная в юго-восточном углу квартала, перестраивается под мастерскую для производства металлических изделий. Об этом свидетельствует наличие здесь трех рудоплавильных тиглей и шлака. Следует отметить, что комнаты с нишами на остальных участках вскрытой части поселения не обнаружены. Площадь комнаты — 6,5 м<sup>2</sup>, значительную ее часть занимают рудоплавильные очажки. Видимо, комната эта была чисто производственная, здесь нет признаков жилья.

Среди жилых помещений данного квартала особого внимания заслуживают две комнаты. Первая — комната 12, находящаяся в северо-западном углу квартала. Она имеет два хозяйственных помещения складского назначения. В ней слева у входа в комнату помещена квадратная сула высотой более 1 м. Рядом с сулой, в западной стене, очаг типа камина. Северная половина пола комнаты выстлана кирпичом, что указывает на использование ее в качестве спальни. Вход в складские помещения сделан из комнаты. В ее центре обнаружено глубокое катакомбное захоронение с богатым погребальным инвентарем, состоящим в основном из предметов приношения.

Другая комната — 21, находится рядом с мастерской (52). Справа, у ее входа — узкая пристенная сула, где стоял большой хум, нижняя часть которого врыта в землю, а верхняя обмазана глиной. В северо-западной части комнаты расположена другая пристенная сула, где находился также большой хум, нижняя часть которого врыта в землю, а верхняя обмазана глиной с саманом. Напротив сулы, в восточной стене, очаг типа камина, что указывает на жилой характер помещения.

На площади квартала обнаружено

семь могил (6, 7, 13, 14, 44, 45, 46), относящихся к разным строительным горизонтам. Среди них две (6 и 14) выделяются богатым и разнообразным погребальным инвентарем. Первое (погр. 6) найдено под полом комнаты, расположенной в юго-западном углу коровника. Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. Захоронение содержало 30 предметов, в том числе 15 глиняных сосудов, 9 бронзовых изделий, три сосуда из дерева и 3 блюда из розога.

Второе (погр. 14) раскопано под полом комнаты 12—предполагаемом жилище главы семьи. Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста, он находился в хуме. Покойника сопровождали 23 предмета, в том числе 21 глиняный сосуд и два бронзовых изделия.

Основываясь на приведенных данных, можно предполагать, что рассматриваемый квартал представлял собой большую общинный дом, состоящий из нескольких малых семей рядовых общинников. Их возглавлял глава общинного дома *mpaparati*. Предполагается возможным в погребении 6 видеть могилу *mpaparati*. Если учесть место захоронения последнего, то можно допустить, что дух главы общинного дома выступает в роли «хранителя» богатства жителей данного квартала даже после смерти.

Аналогичную картину можно наблюдать и в других кварталах поселения, каждый из которых имел своего *mpaparati*, могила которого находилась в пределах данного квартала. Так, для жителей квартала I могилой главы являлось погребение I, где была похоронена женщина старческого возраста в сопровождении 25 предметов приношения. Не исключена возможность, что жилищем старейшины данного квартала была комната 4, рядом с которой находился небольшой скотный двор (ком. 5, конец улицы I) для дойных коров и телят общинников квартала. То же самое можно наблюдать и в центральной части раскопа, представляющей собой самостоятельный жилой массив, оформленный лишь на последнем этапе существования поселка. Этот участок поселения мы условно назвали квартал II. Он, как

и предыдущие кварталы, состоит из нескольких многокомнатных домов, включающих в себя как жилые, так и хозяйственные помещения. В юго-восточной части квартала исследована двухъярусная керамическая печь, сооруженная на втором этапе строительства поселка.

На площади квартала найдено шесть захоронений (2, 3, 4, 10, 11, 12), относящихся к различным строительным горизонтам. Из них только одна могила (погребение 2) оказалась более богатой, чем все остальные. Однако возраст погребенной (женщина возмужалого возраста) не позволяет отнести это погребение к захоронению старейшины квартала. Еще более затруднительно определить принадлежность к могилам глав домов тех богатых захоронений (погребения 18, 41), которые были обнаружены в обводных коридорах. Такая же трудность возникает и при определении отношения к тому или иному кварталу жилых и хозяйственных помещений, вскрытых в обводных коридорах.

В соответствующих разделах данной работы отмечалось, что обводные коридоры в качестве жилых и хозяйственных помещений использовались лишь со второго этапа строительства поселка, а захоронения в них производились на протяжении всего существования поселения. Причем почти половина раскопанных могил была обнаружена в обводных коридорах (17—24, 26, 27, 29—31, 33—41, 43).

Среди них немало захоронений с богатым погребальным инвентарем (18, 22, 39, 41), где кроме разнообразных глиняных сосудов со знаками встречались бронзовые предметы и бусы из большого набора полудрагоценных камней.

К числу богатых захоронений, обнаруженных в обводных коридорах, можно отнести могилу главы дома (погр. 39), где был погребен мужчина зрелого возраста. В могиле находилось 17 сосудов, очевидно, с различной пищей.

Чрезвычайно важно отметить, что площадь, где обнаружено погребение 39, представляет собой как бы новый самостоятельный большой общинный дом, со-

стоящий из нескольких небольших комнат (31, 32, 33, 34, 47, 48, 49, 50, 51), изолированных от остального жилого массива поселения.

Таким образом, раскопки на небольшой части поселения Сапаллитепе показали, что перед нами укрепленное поселение, состоящее из нескольких больших общинных домов, условно названных жилыми кварталами.

Само поселение Сапаллитепе, видимо, было родовым. Во главе его стоял вождь рода — *Vispati*, а глава квартала являлся старостой или наставником общинного дома.

Необходимо отметить, что все высказанные нами предположения в связи с некоторыми сопоставлениями поселения Сапаллитепе с квадратной укрепленной эвстийской Варой нуждаются в подтверждении и обосновании дальнейшими широкими исследованиями на поселении Сапалли.

В хозяйстве носителей культуры Сапалли оседлое земледелие, основанное на искусственном орошении, и придомное скотоводство составляли основу их экономической базы. Высокий уровень гончарного производства, интенсивное развитие металлообработки и ткацкого ремесла, несомненно, привели к повышению производительности труда, что способствовало некоторым изменениям социального порядка в жизни обитателей поселка. Эти изменения прослеживаются при изучении хозяйства и быта поселенцев, их погребального обряда и всего комплекса археологического материала, благодаря чему перед нами выступает общество, находящееся на последней ступени родо-племенной общественной организации, т. е. на ступени патриархально-родового устройства, состоящее из нескольких больших патриархальных семей как господствующей формы семейно-брачных и хозяйственных отношений. При этом в патриархально-родовом обществе обитателей поселения Сапалли все еще продолжают существовать пережитки матриархата. Их можно проследить не только в период установления патриархата, но даже в

классовом обществе. Нам кажется, что те богатые женские погребения, о которых упоминалось выше, являются свидетельством того, что женщины еще не утратили своего прежнего почетного положения в общине и являлись наставницами в повседневной жизни наравне с мужчинами. Мужчины же как основные производители богатства общинников закрепились за собой экономическое господство, и наследование по материнской линии заменяется отцовской.

Экономическое господство мужчин в общине обитателей поселка ярко проявляется и в погребальном ритуале, где в двух случаях (погр. 7 и 44) захоронение человека заменяется захоронением ягненка. В данном случае баран олицетворяет богатство общины по мужской линии — он заменяет утраченное тело мужчины. Поэтому по обычаю погребения мужчины он похоронен в скорченном положении, на правом боку, головой на север. Возле него обнаружено значительное число предметов приношения. Надо полагать, что преподнесенная пища в сосудах (в первом случае в II, в другом в 18) сопровождала не насыщением умертвленное животное, а дух покойного человека, скелет которого в могиле отсутствует.

Не исключена возможность, что в этот период в связи с развитием ряда отраслей производства в больших семьях общинников Сапалли появляется рабство — характерная черта патриархально-родового общества. Рабство этого периода имело «домашний характер» и рабы как члены домохозяйства выполняли различные повседневные работы для обитателей поселка.

Если обнаруженные погребения взрослых (20, 29, 38, 42) действительно относились к могилам наложников и наложниц, то подтверждается факт существования здесь «домашнего рабства». При этом можно констатировать, что в общине обитателей Сапалли, хотя патриархальный строй и утвердился, но это был только начальный его период — последняя фаза развития первобытно-общинного строя.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук  
ВДИ — Вестник древней истории  
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук  
Туркменской ССР  
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР  
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР  
КСИЭ АН СССР — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР  
МНА — Материалы и исследования по археологии СССР  
МСПИАЭ — Материалы сессии, посвященной итогам археологических, этнографических исследований  
СА — Советская археология  
СЭ — Советская этнография  
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР  
ТЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции

## ПРИЛОЖЕНИЕ

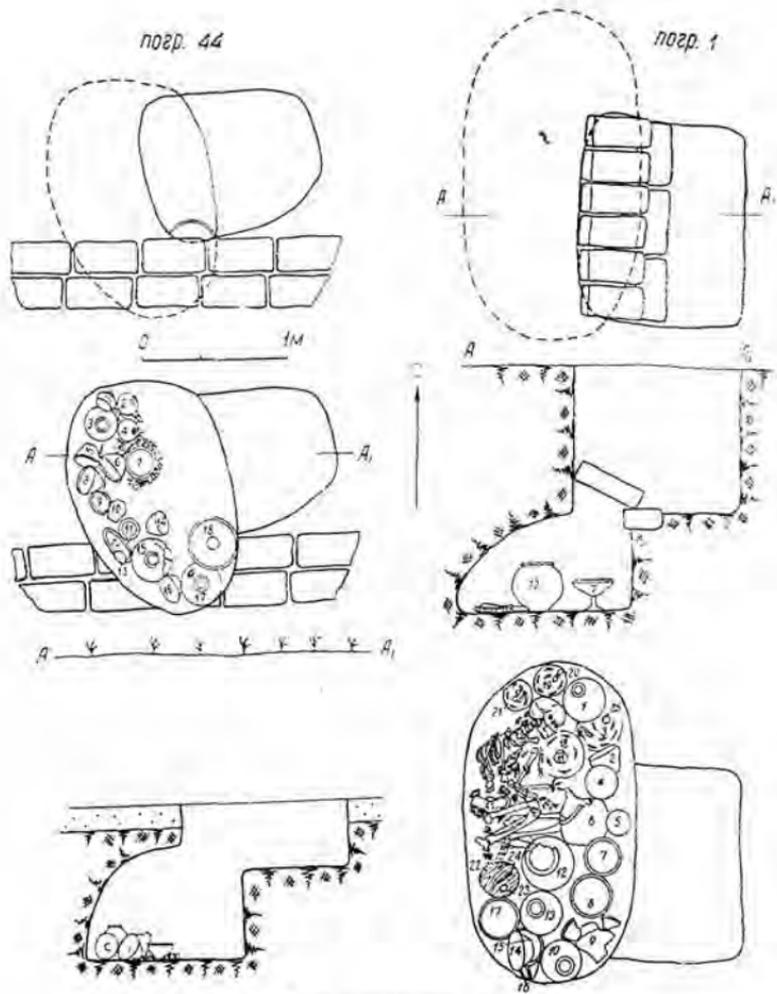


Табл. 1. План и разрез погребений 1 и 44.

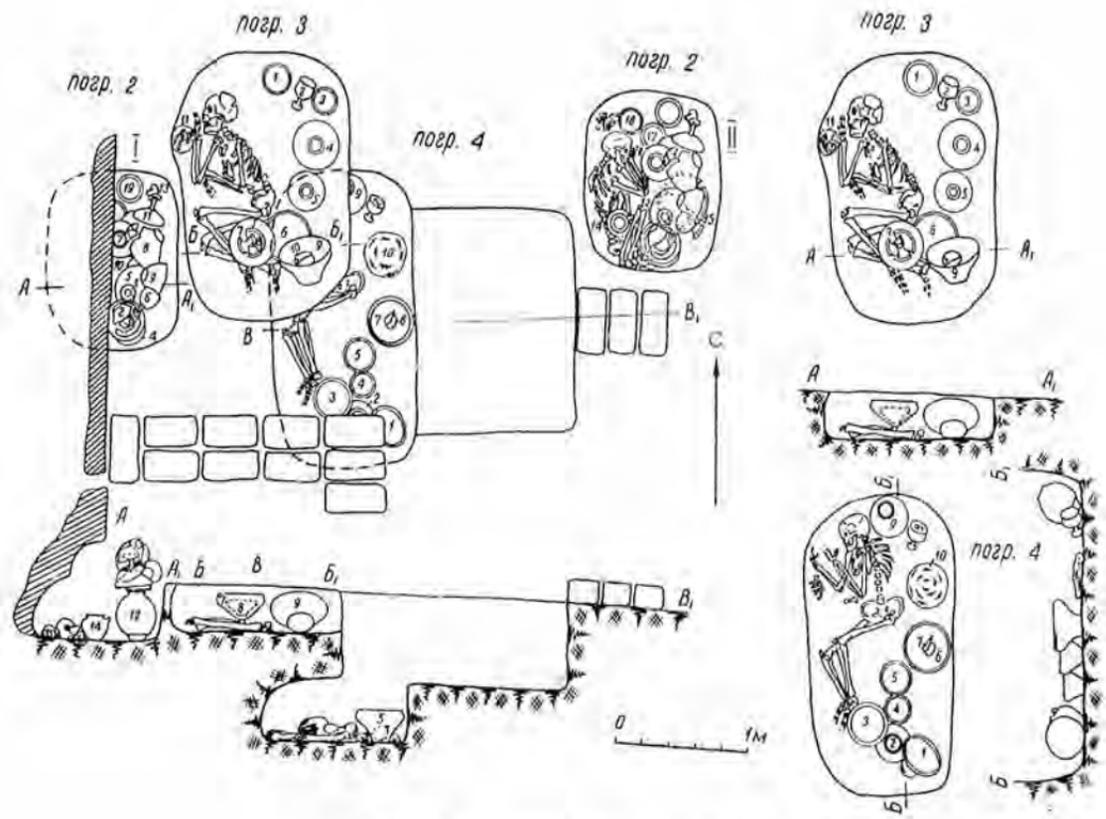


Табл. 2. План и разрез погребений 2, 3 и 4.

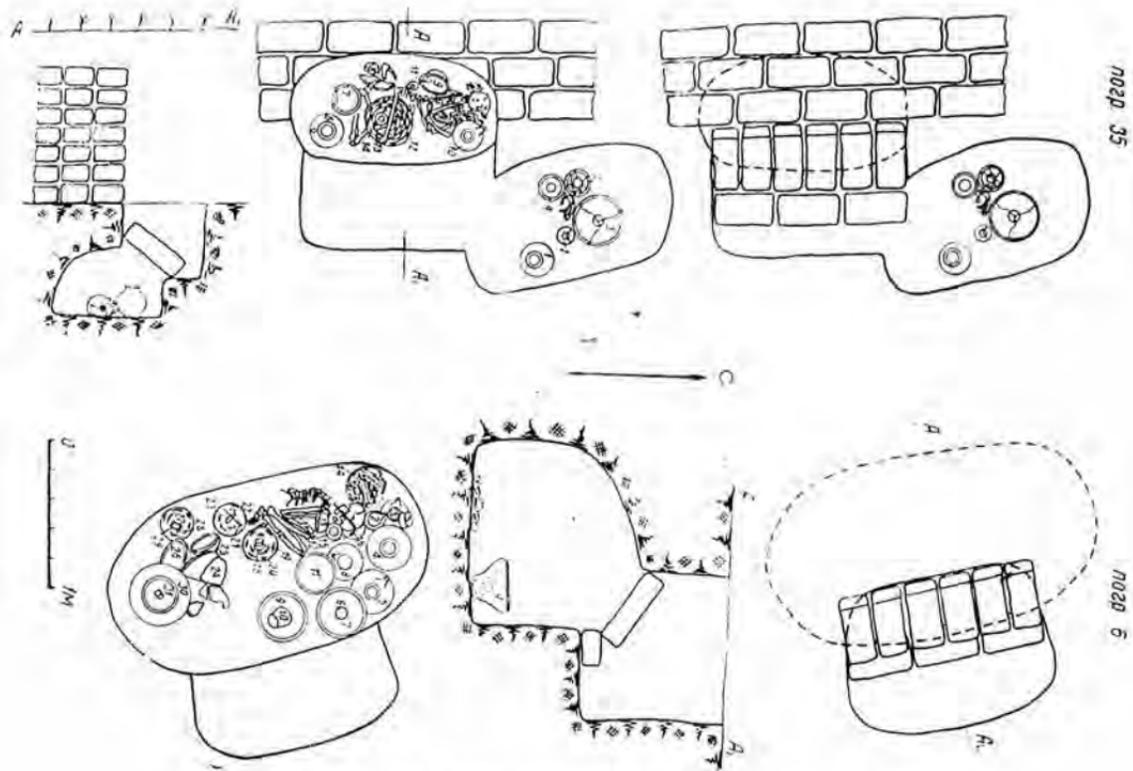


Табл. 3. План и разреза погребений 6 и 35.

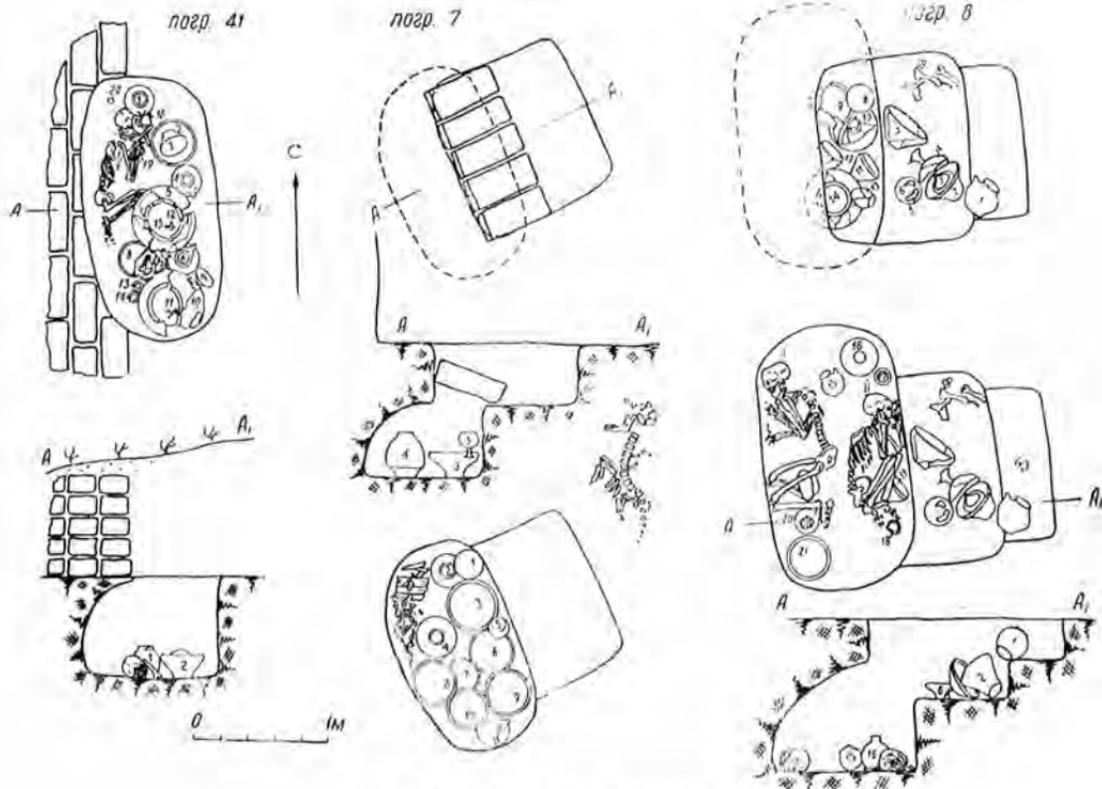


Табл. 4. План и разрез погребений 7, 8 и 41.

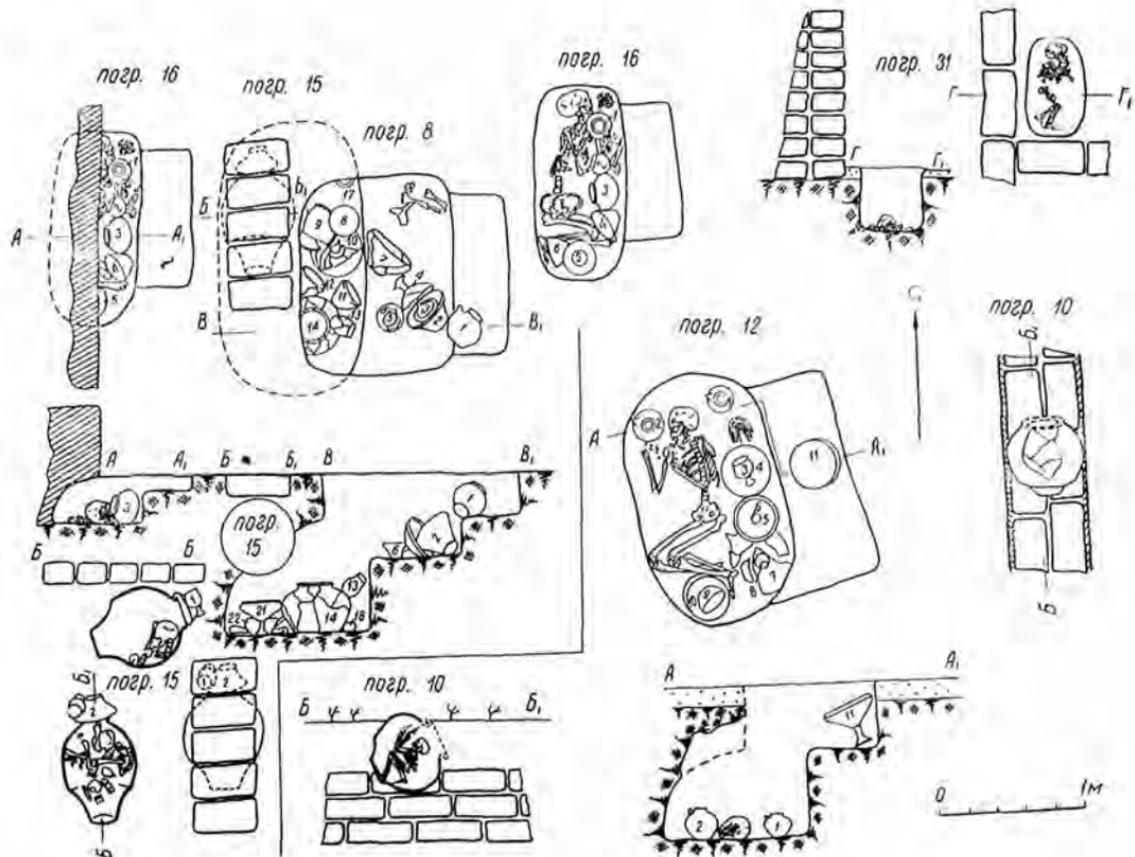


Табл. 5. План и разрез погребений 8, 10, 12, 15, 16 и 31.

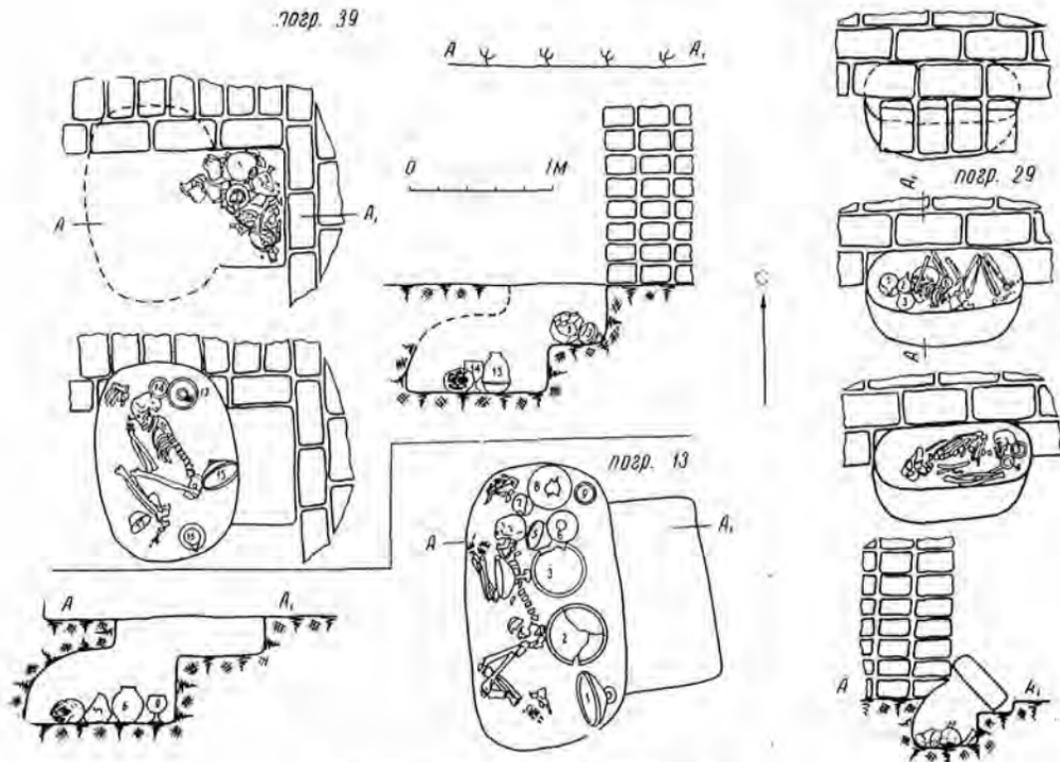


Табл. 6. План и разрез погребений 13, 29 и 39.

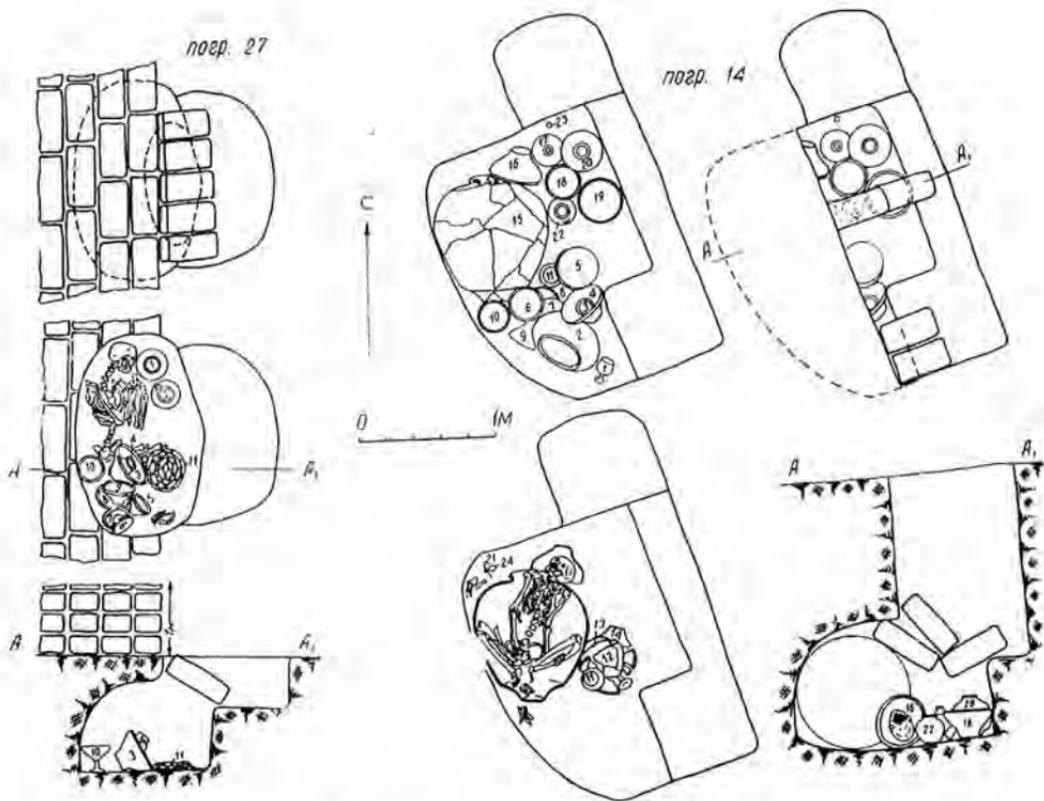


Табл. 7. План и разрез погребений 14 и 27,

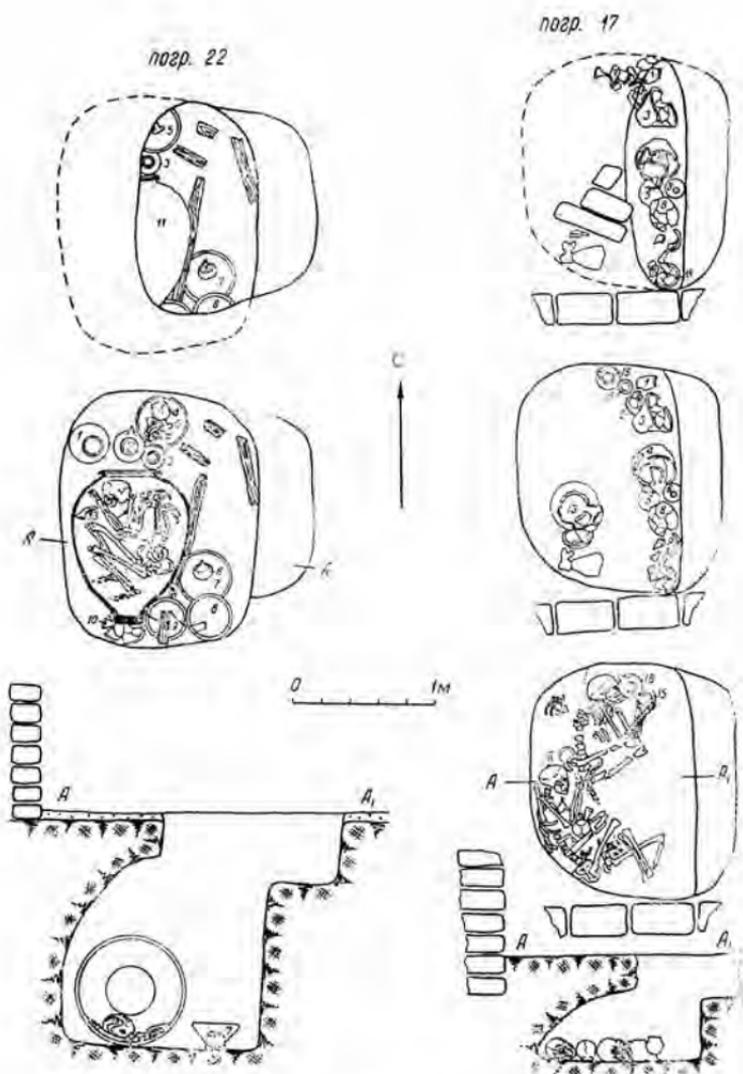


Табл. 8. План и разрез погребений 17 и 22.

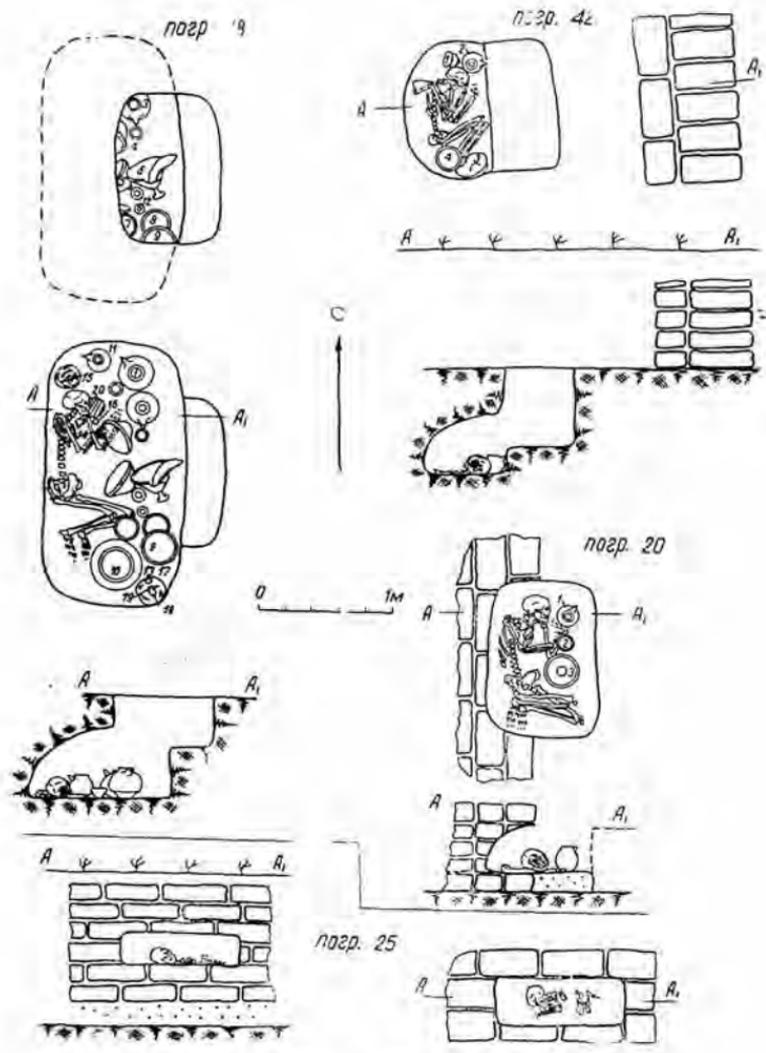


Табл. 9. План и разрез погребений 18, 20, 25 и 42.

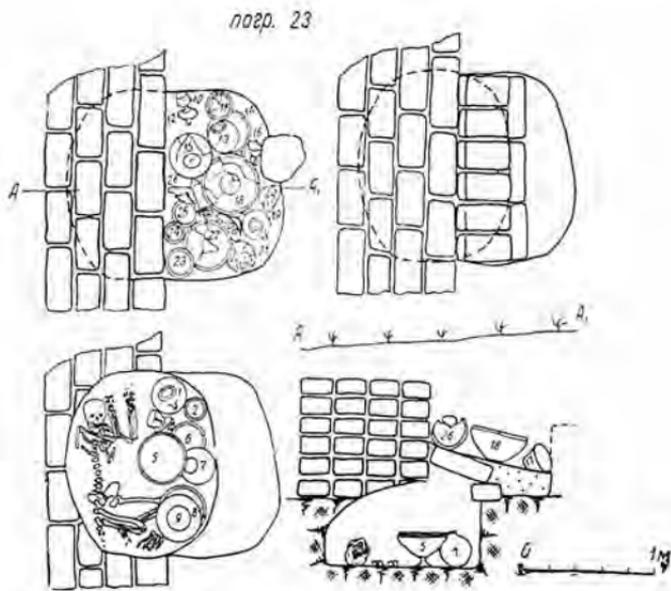
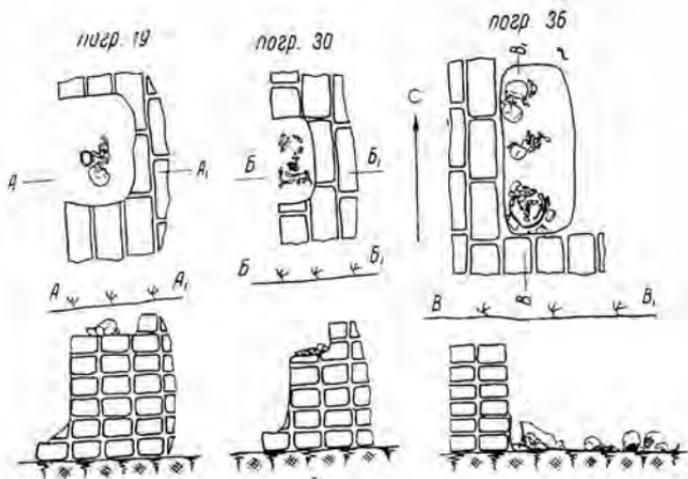


Табл. 10. План и разрез погребений 19, 23, 30 и 36.

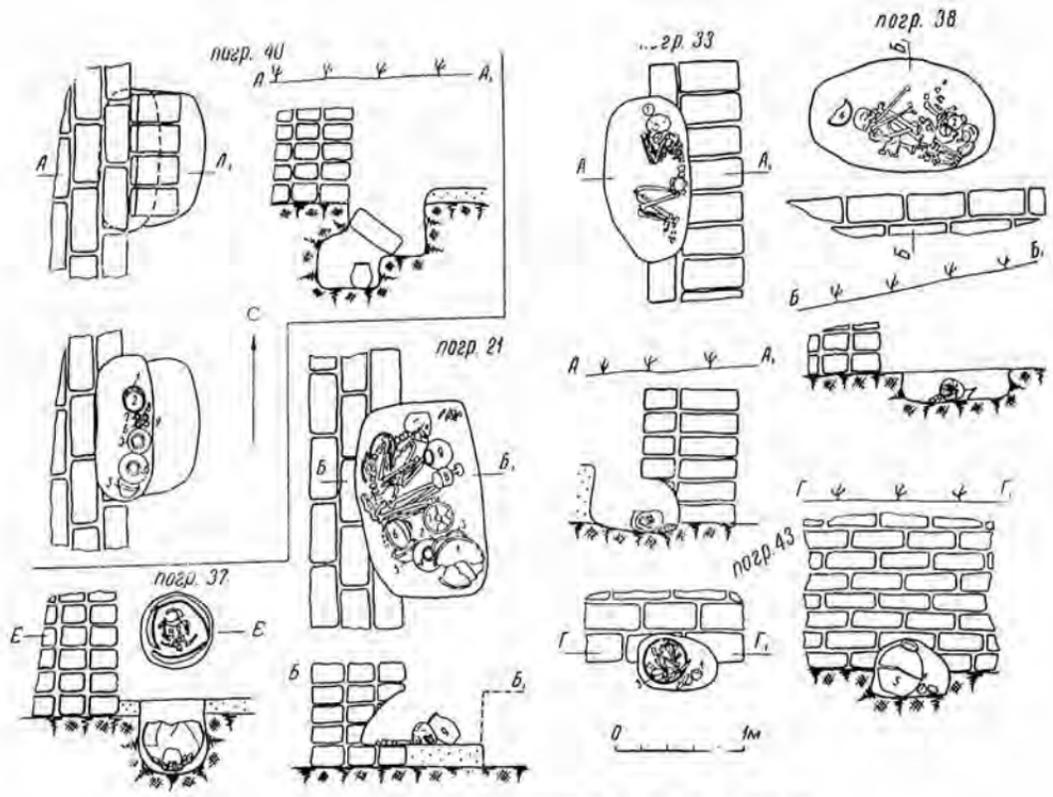


Табл. 11. Планы и разрезы погребений 21, 33, 37, 38, 40 и 43.

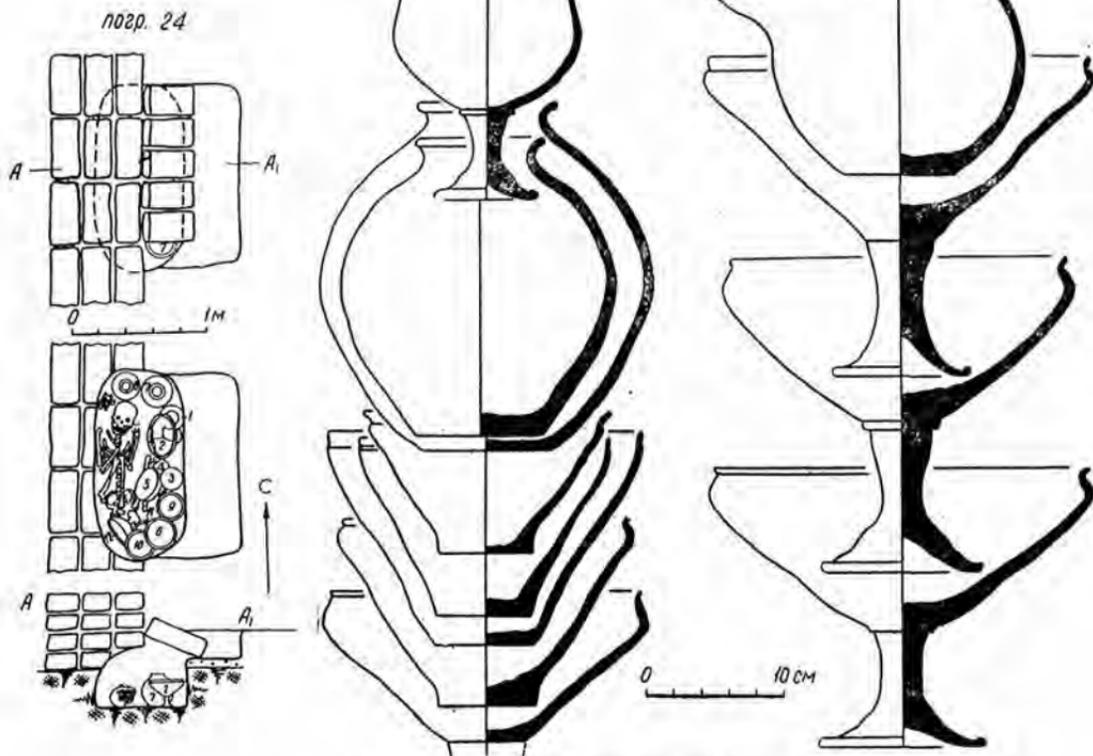


Табл. 12. План, разрез и керамика погребения 24.

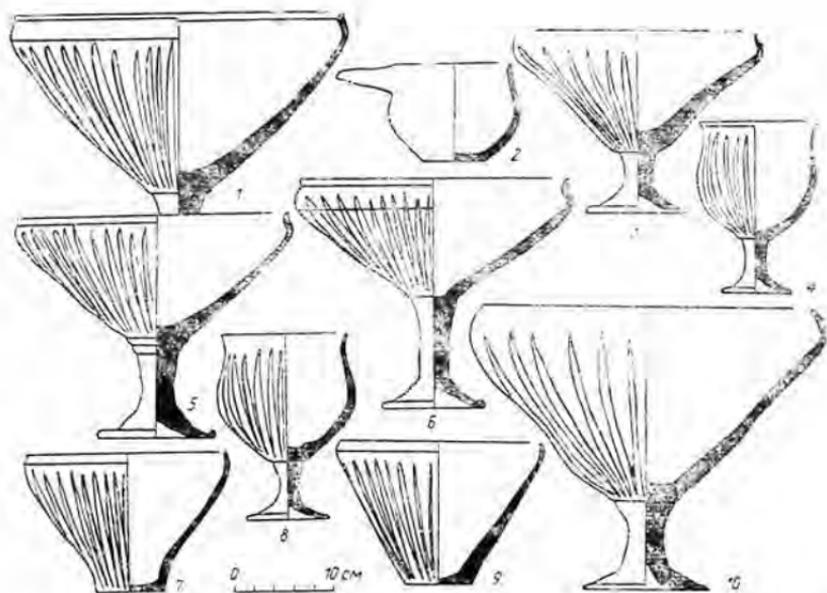


Табл. 13. Керамика со следами лошения в виле потека, 1, 3, 5, 9—погр. 1; 2—погр. 2; 4—  
погр. 8; 6, 7, 8—погр. 4; 10—погр. 12.

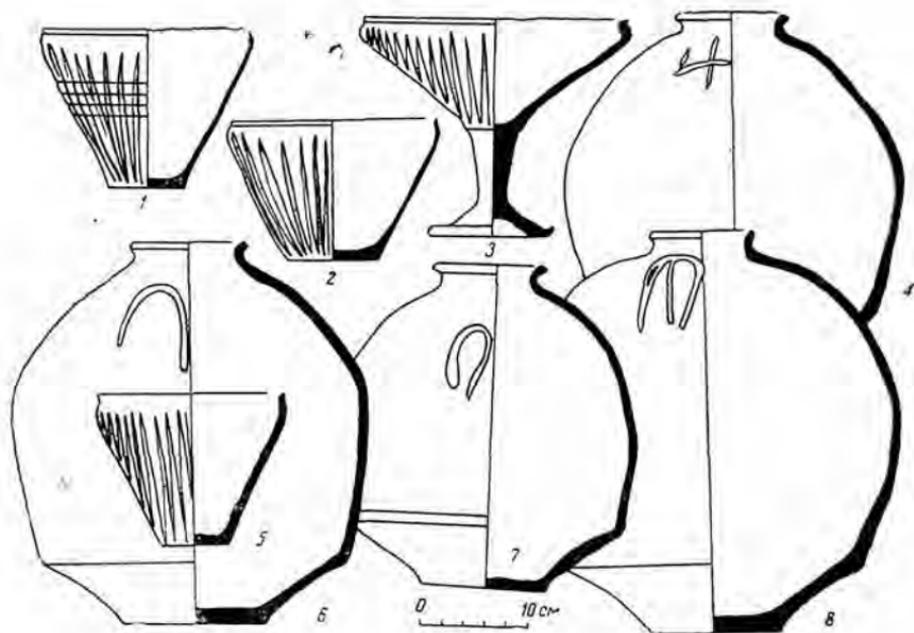


Табл. 14. Керамика со следани лощенија во виде ботека и со знаками. 1 — погр. 6; 2 — погр. 8; 3, 4, 6, 8 — погр. 2; 5 — погр. 4; 7 — погр. 3.

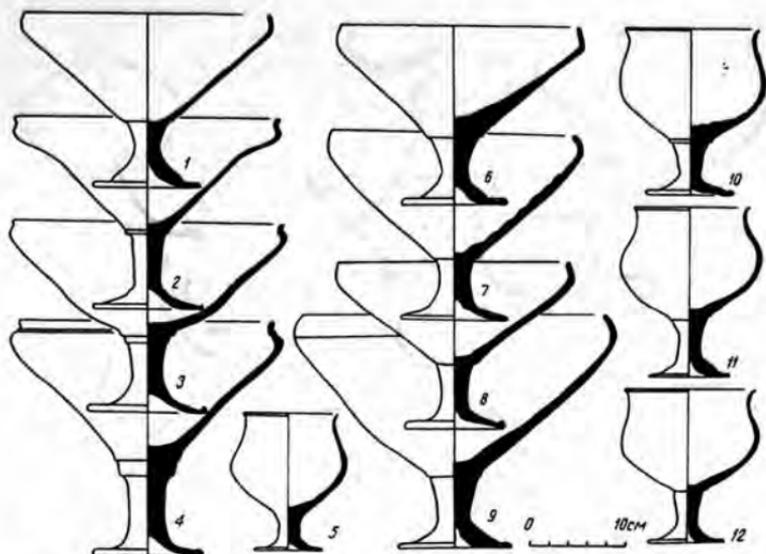


Табл. 15. Керамика. 1—4, 6—погр. 1; 5—погр. 41; 7—погр. 2; 8—погр. 14; 9—погр. 12; 10—погр. 22; 11—погр. 21; 12—погр. 24.

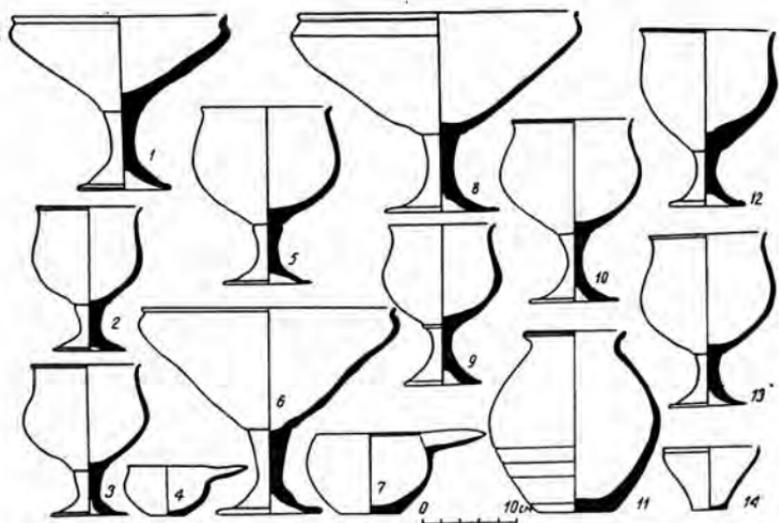


Табл. 16. Керамика. 1, 12—погр. 3; 2—погр. 8; 3—погр. 14; 4, 6—погр. 4; 5—погр. 2; 7, 10—помещения; 8—погр. 6; 9—погр. 44; 11—погр. 16; 13—погр. 13; 14—погр. 18.

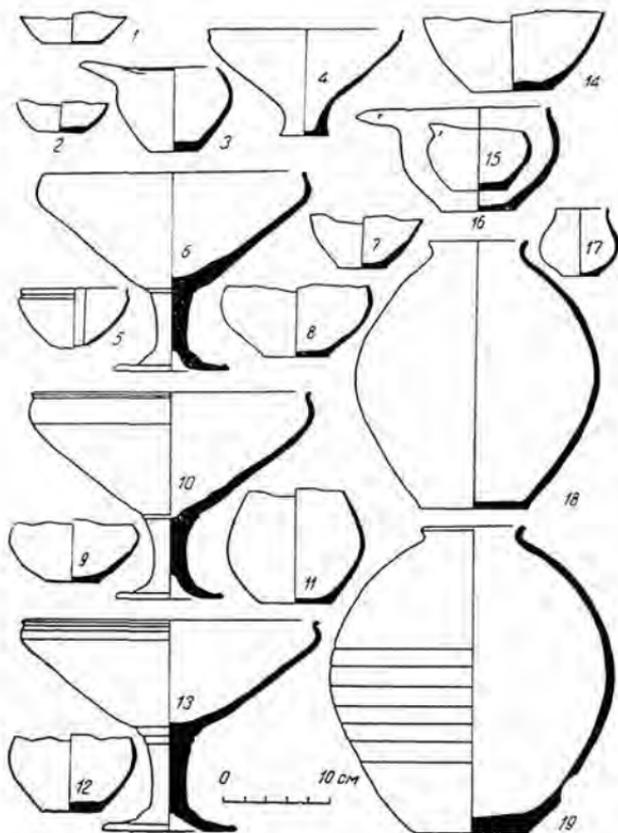


Табл. 17. Керамика, 1—3, 5, 7—9, 11, 12, 14—17—помещения; 6, 10, 13, 19—погр. 8; 18—погр. 23.

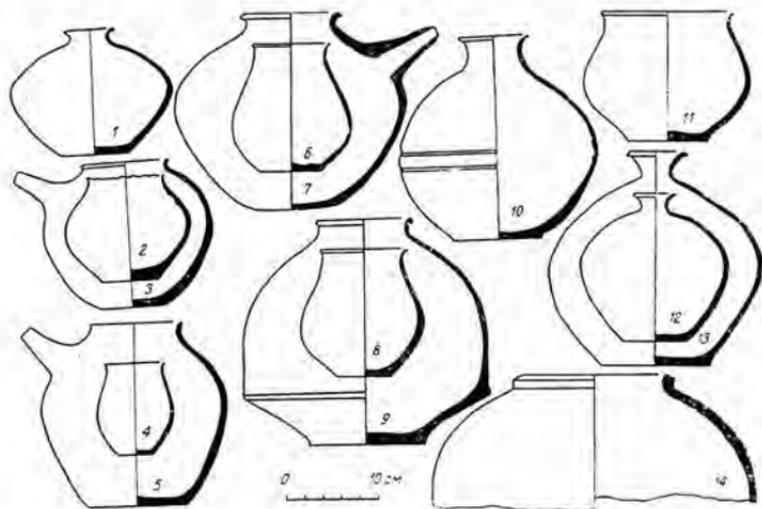


Табл. 18. Керамика. 1, 2 — погр. 44; 2, 4, 6, 8, 11, 14 — помещения; 3 — погр. 16; 5 — погр. 35; 7 — погр. 4; 9 — погр. 7; 10 — погр. 5; 13 — погр. 14.

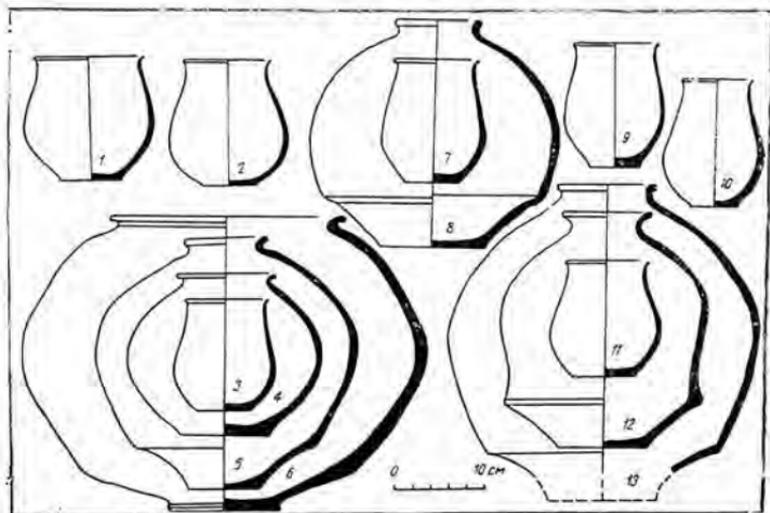


Табл. 19. Керамика. 1, 2, 4, 7, 9, 10, 12, 13 — помещения; 3 — погр. 14; 5 — погр. 4; 6, 11 — погр. 6; 8 — погр. 1.

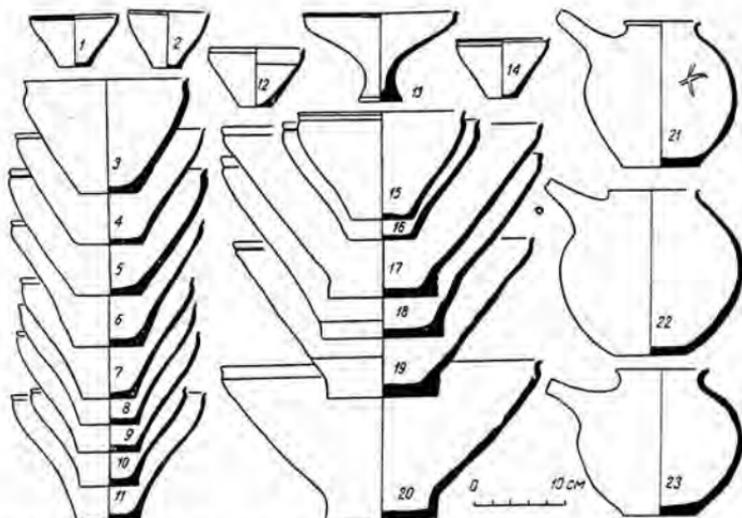


Табл. 20. Керамика. 1, 2, 14 — погр. 43; 3—5 — погр. 1; 6—11 — погр. 44; 12 — погр. 19; 13 — погр. 3; 15, 16 — погр. 24; 17—19 — погр. 22; ↔ 20 — погр. 4; 21 — погр. 8; 22 — погр. 16; 23 — погр. 2.

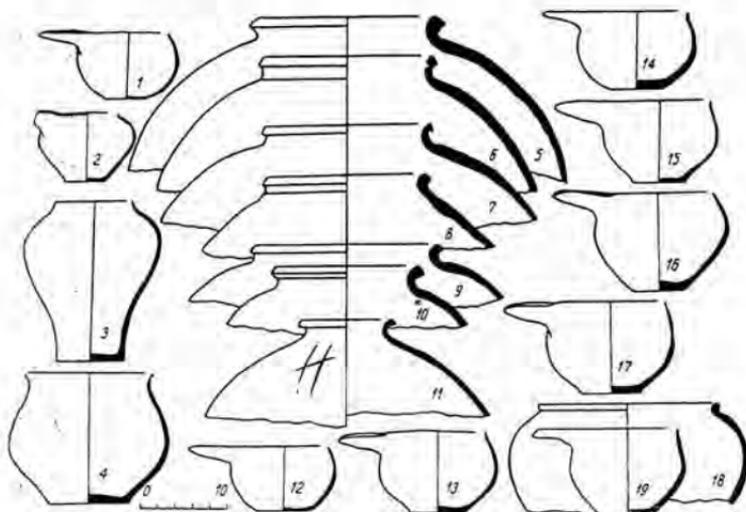


Табл. 21. Керамика. 1 — погр. 6; 2, 17 — погр. 8; 3—11, 13, 18 — помещения; 12, 14, 19 — погр. 29; 15 — погр. 22; 16 — погр. 13.

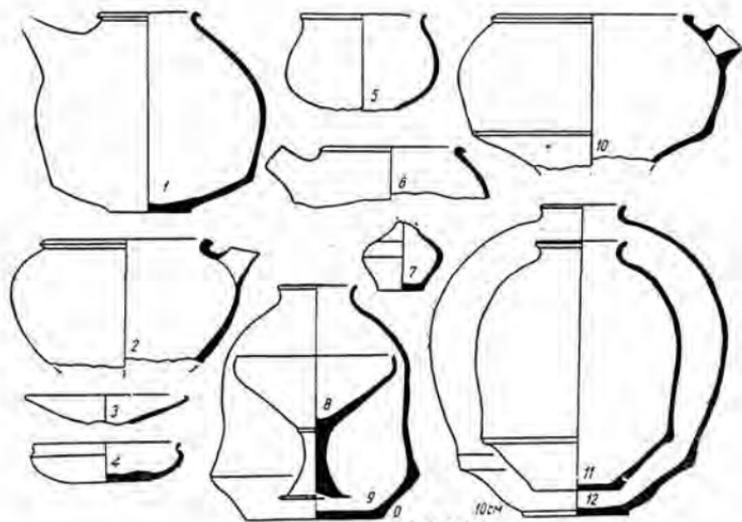


Табл. 22. Керамика. 1 — погр. 7; 2—7, 10 — помещения; 8, 9 — погр. 39; 11, 12 — погр. 2.

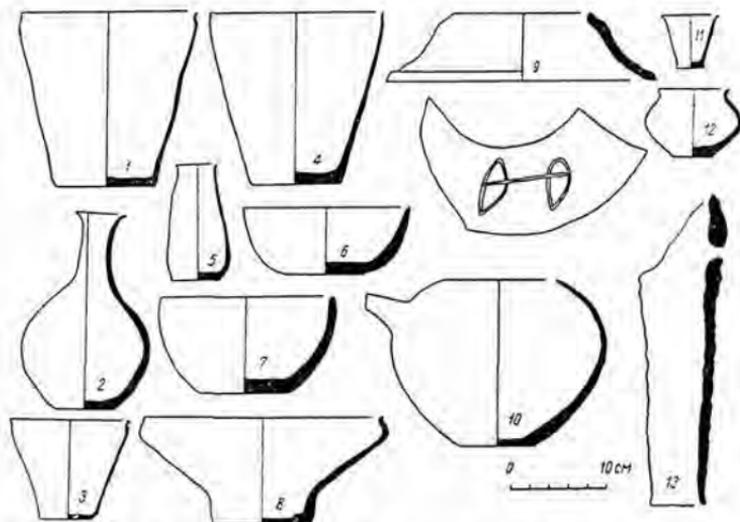


Табл. 23. Керамика. 1, 3, 4 — погр. 35; 2, 5, 9, 11, 13 — помещения; 6, 7 — погр. 40; 8 — погр. 42; 10, 12 — погр. 41.

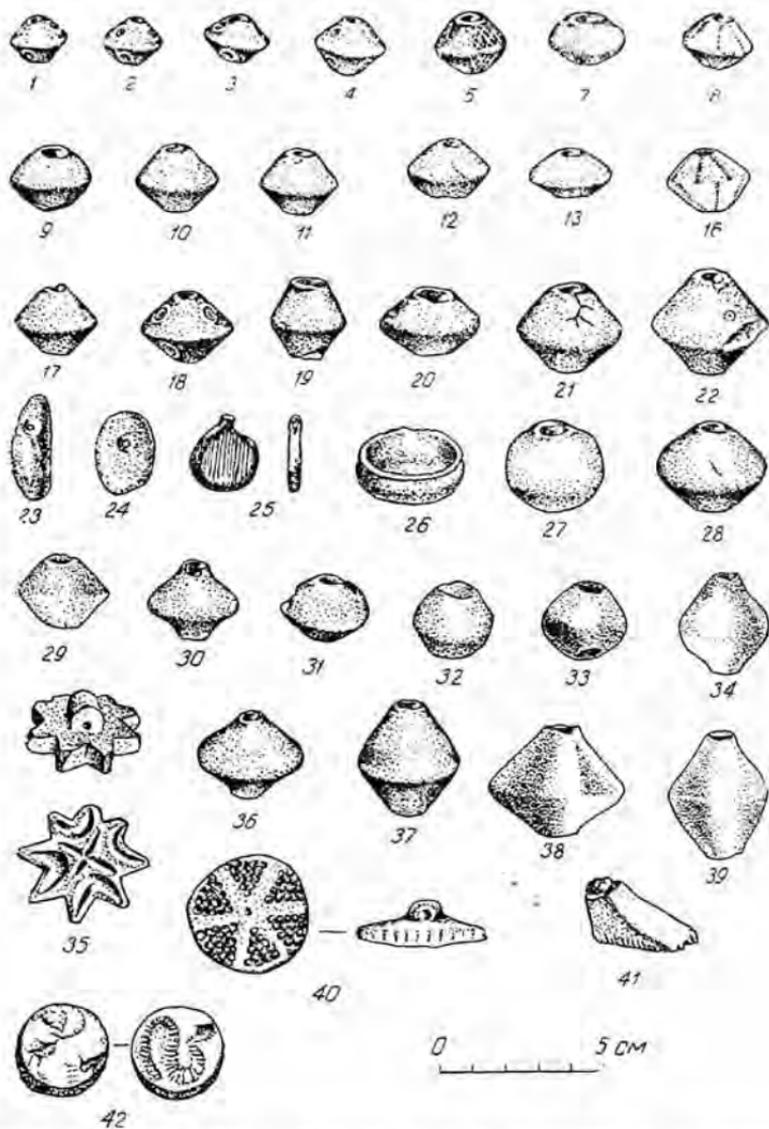


Табл. 24. Терракота и камень. 1-10, 12-25, 37-39, 41, 42 — помещения. 11 — погр. 8; 25 — погр. 18; 40 — погр. 14.

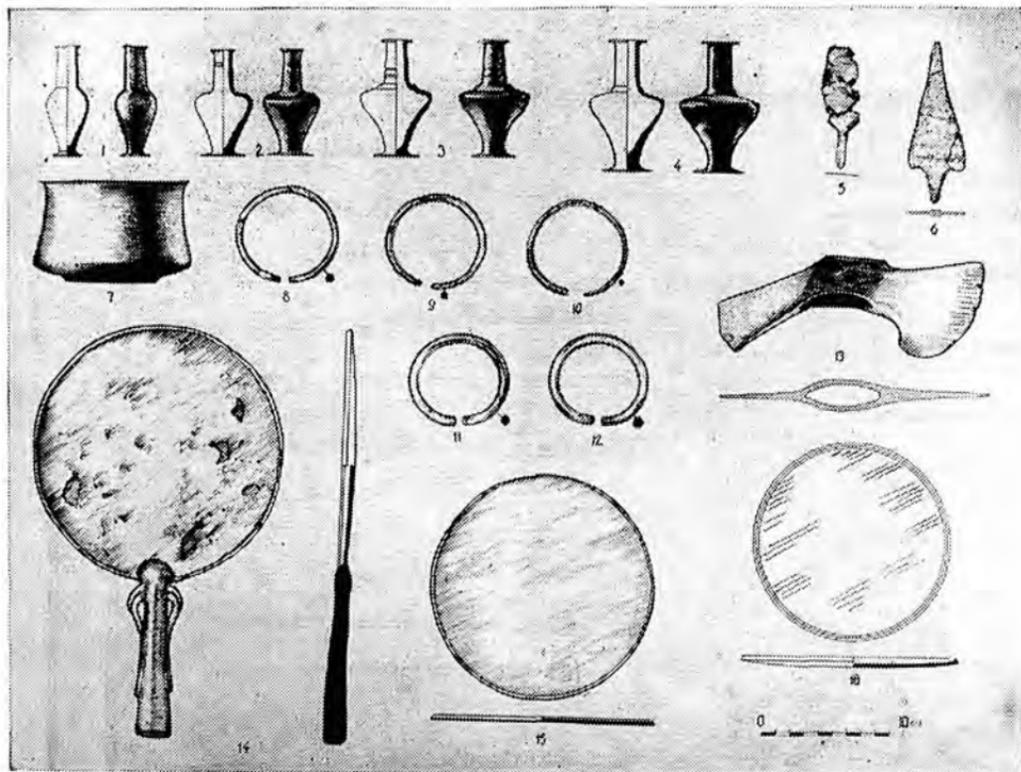


Табл. 25. Металл. 1, 5, 7, 9, 10, 15 — погр. 6; 2, 11, 12, 14 — погр. 41; 3, 8, 16 — погр. 18; 4 — погр. 14; 6 — помещение; 13 — погр. 22.



Табл. 26. Металл. 1, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 29, 30, 33 — помещения; 2 — погр. 29; 3 — погр. 43; 6, 12, 13, 15, 28, 31 — погр. 41; 20 — погр. 22; 24, 32, 34 — погр. 6, 25 — погр. 14; 27 — погр. 18; 35 — погр. 1.

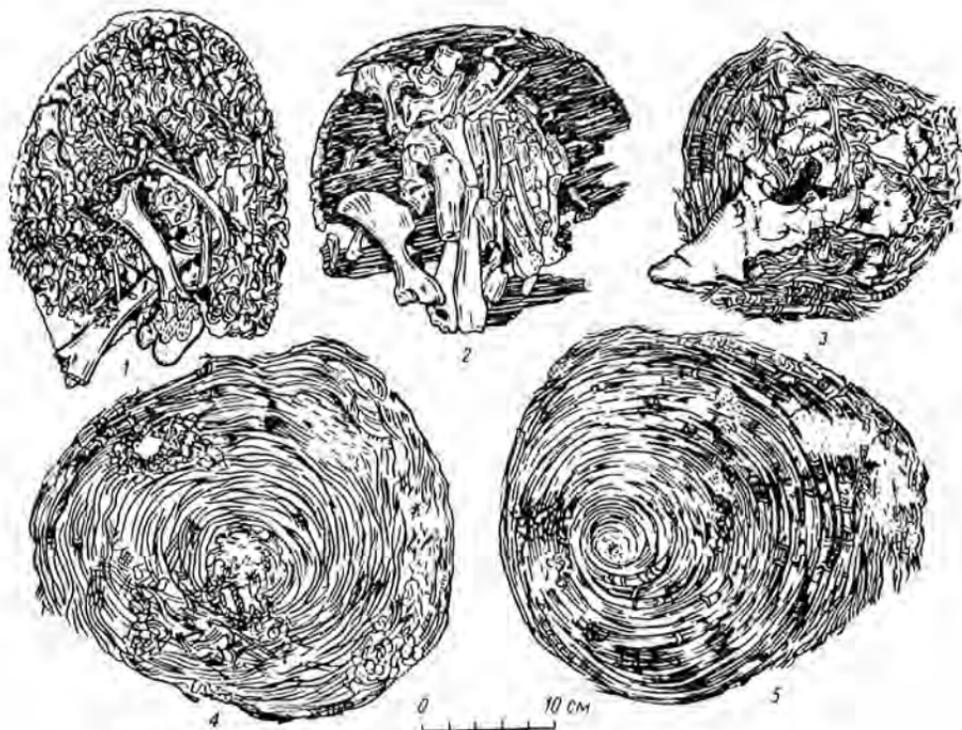


Табл. 27. Солома, рогоз и дерево. 1, 3, 4, 5—погр. 1; 2—погр. 6.



Табл. 28. Кремневые изделия из поселений.

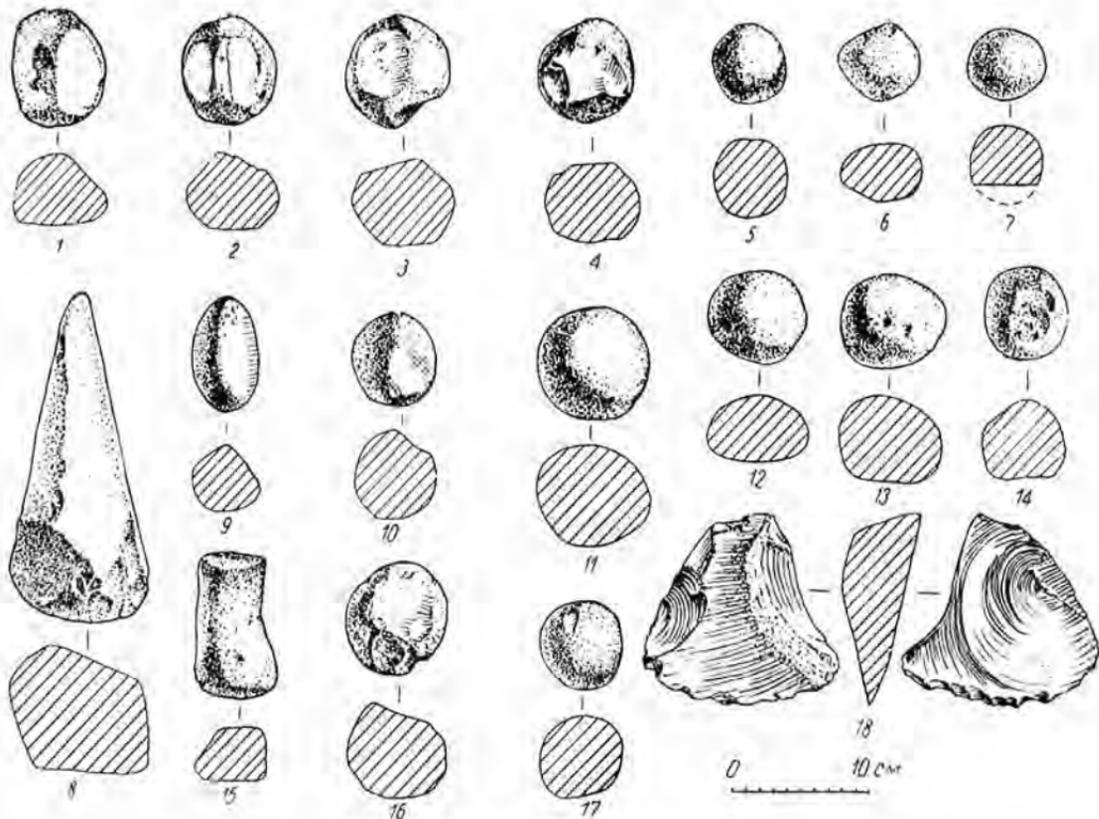


Табл. 29. Каменные изделия из поселения.



Табл. 30. Каменные бусы. 1, 2, 5, 16 — погр. 18; 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15 — помещения.  
14 — погр. 41.

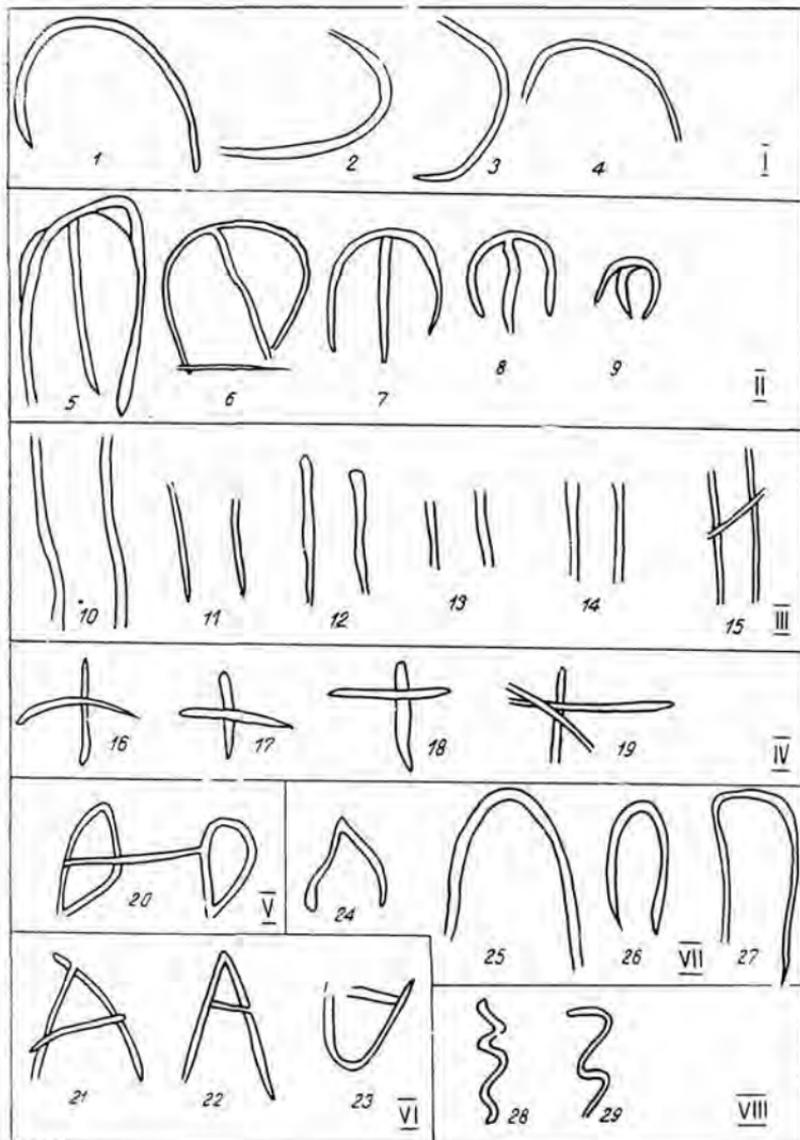


Табл. 31. Сводная таблица знаков на сосудах.

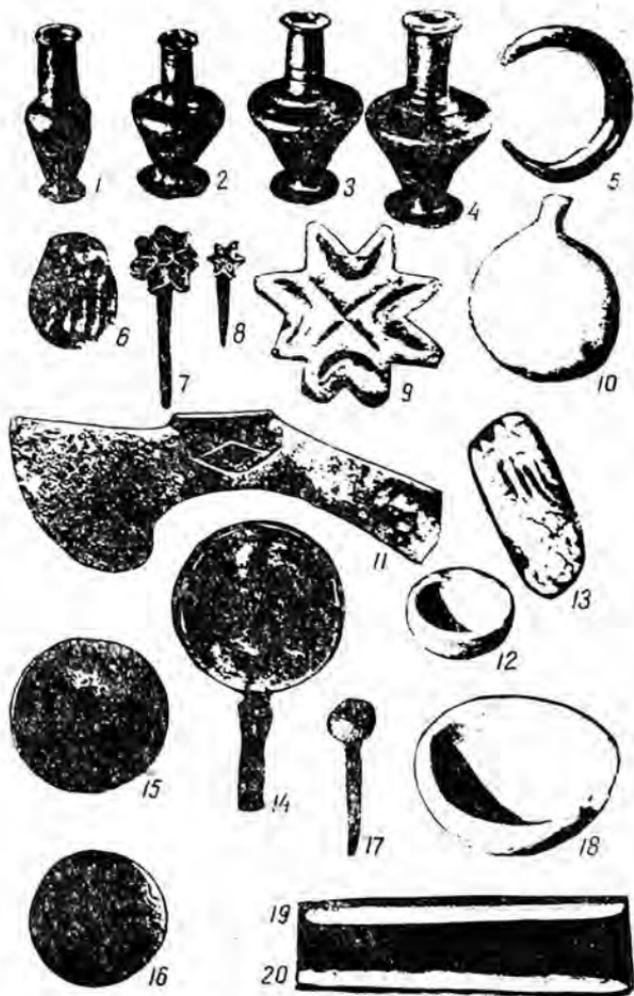


Табл. 32. Металл, камень и кость. 1, 15, 18 — погр. 6; 2, 14 — погр. 41; 3, 12, 16 — погр. 18. 4 — погр. 14; 5 — погр. 43; 6, 7, 8, 9, 10, 13, 17, 19, 20 — помещения; 11 — погр. 22.



Табл. 33. Дерево, кость и кожа. 1 — погр. 27; 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 — помещения; 2, 10 — погр. 1; 3 — погр. 6; 9 — погр. 35; 13 — погр. 7.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора. . . . .	3
Введение. . . . .	5
Глава I. Раскопки поселения. . . . .	9
Разведочные раскопки. . . . .	—
Остатки жилищ. . . . .	12
Древние захоронения. . . . .	42
Глава II. Характеристика и классификация археологических материалов. . . . .	71
Посуда. . . . .	—
Орудия труда и оружие. . . . .	85
Украшения, предметы туалета и предметы особого назначения. . . . .	94
Глава III. Вопросы датировки и происхождения происхождения. . . . .	101
Относительная и абсолютная хронология. . . . .	—
Проблемы происхождения. . . . .	118
Заключение. . . . .	130
Список сокращений. . . . .	140
Приложение. . . . .	141

906.2

А 90

Аскарлов А.

Сапаллитепа. (Отв. ред. д-р истор.  
наук В. М. Массон). Т., «Фан», 1973.  
172 с. с рис. и табл. (АН УзССР.  
Ин-т археологии).

906.2+9(C52)

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР.*

**А. А. Аскарлов**

**САПАЛЛИТЕПА**

Редактор Издательства С. А. Беликова  
Художник В. С. Тий  
Технический редактор А. Т. Шепельков  
Корректор Г. А. Кулманова

Р05431. Сдано в набор 10/IX-73 г. Подписано в печать 12/X-73 г.  
Формат 84×108<sup>1/16</sup>. Бумага тип. № 1. Бум. л. 5,735. Печ. л. 17,63.  
Изд. л. 15,0. Тираж 1000 экз. Цена 1 р. 95 к.  
Изд. № 540. Заказ 187.

Типография Издательства «Фан» УзССР, Чорданцева 21.  
Адрес Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, ул. Гоголя, 70.